

Испания идет в контракту

Авторизованный перевод
с испанской рукописи М. КЕССЕЛЬ

ВЗРЫВ

Май в Мадриде

Майским утром 1936 года меня посетил недавно вернувшийся из Марокко мой соотечественник — капитан Иностранного легиона. После долгой травли капитана уволили из армии. Это был мужчина лет 35, обветренный и закаленный в африканских походах. Говорил он с жаром, охотно прибегая к «гражданской» терминологии, которую мы, участники марокканской кампании 1923—1925 гг., отличаем без труда от лексики матерых вояк. С целью создать заслон против растущего влияния ИВС (Испанского Военного Союза), подготовлявшего военный мятеж, он, член одной из либеральных организаций, вместе со своими единомышленниками основал в Мелилье Антифашистский Военный Союз (АВС). Так как в армии запрещались всякие политические организации, оба эти союза работали в подполье.

Подлинная испанская действительность резко отличалась от ее официального изображения, — это видели все те, кому удалось отрешиться от идеалистических иллюзий, — и сбивчивый рассказ капитана показался мне заслуживающим доверия, хотя он не только сигнализировал об опасности, но с пророческой уверенностью возвещал катаклизм.

До этого мы виделись с капитаном не раз. И еще при первой нашей встрече я сказал ему:

— Вас не станут слушать.

Он же никак не мог поверить, что правительство скорей подаст в отставку, чем, руководствуясь политическими соображениями, заставит мелильское командование отменить свое первоначальное решение и восстановить капитана на прежней должности.

Испанские демократы доказали, что они честны до наивности. После блестящей победы Народного фронта на выборах, они, как никогда, были горды сознанием своего морального превосходства. Так они достигали некоего внутреннего равновесия, так создавалась атмосфера благодушия и самоуспокоенности, и, конечно, люди неугомные и непоседливые, вроде моего друга капитана, в государственных учреждениях дальше передней не допускались. Грустно сознавать в том, что эта честность была лишь на руку обер-мерзавцам, засевающим в министерствах. Я познакомил капитана с одним полковником, который служил в военном министерстве, и, окольными путями — с правителем канцелярии совета министров, зная заранее, что от этого я сильно проиграю в их глазах. К несчастью, факты подтвердили мою правоту. Оба выслушали моего друга с чисто кастильским равнодушием и послали его к секретарям, а это было все равно, что послать ко всем чертям; секретари отделывались от него обычными формулами чиновничьей учтивости, и вот уже прошел целый месяц с тех пор, как капитан приехал в Мадрид, а он все еще не мог добиться, чтобы хоть кто-нибудь прислушался к его ценнейшим сведениям.

Основываясь на них, достаточно было уволить несколько человек из высшего командования, и попытка мятежа была бы ликвидирована. Но чиновникам самое слово «мятеж» казалось легкомысленным, и всякий раз, когда капитан произносил его в министерстве, слушатель, искоса поглядывая на часы, подчеркнуто вежливо прикрывал рукой зевок.

— Верните мне мою роту, и я возьму на себя ответственность за всю четвертую бандеру¹.

¹ Бандера — подразделение в испанской пехоте, насчитывающее около 800 человек.

— За бандеру отвечает ее командир, — указывали ему в военном министерстве.

— Но командир как раз и является одним из заговорщиков.

Возможно, что мой друг тут же прибавил: «И если командир поднимет мятеж, мы его немедленно устраним, а командование бандерой приму я». Бедняга-капитан не сознавал, каким резким диссонансом звучали его слова на фоне той идиллии, которой наслаждались тогда вершители судеб Испанской республики. В конце концов, они, вероятно, сочли капитана за сумасшедшего, а того, кто рекомендовал его, — за бестактного шутника.

И, однако, не замечать опасности было нельзя, ибо она подстерегала нас всюду: на улицах, в кафе, на профсоюзных собраниях, у себя дома. В одном доме со мной, только этажом выше, проживали германские фашисты. Они открыто устраивали у себя настоящие митинги. Соседи, чтобы заставить их замолчать, прибегали к самым невинным средствам. Одни напоминали о правилах внутреннего распорядка в муниципализированных домах. Другие старались насолить тем, что, когда по радио передавались речи представителей левых партий, усиливали слышимость своих приемников. На улицах беспрестанно происходили столкновения, часто сопровождавшиеся кровопролитием. Но виновники привлекались к ответственности в обычном судебном порядке, и, когда кто-либо указывал властям, что нужно принять более решительные меры, — например, учредить особую политическую полицию, предоставив ей самые широкие права и возможно больший радиус действия, — в ответ они воздевали руки к небу и добросовестно твердили заученные формулы всеобщего избирательного права и демократии, доказывая, что даже те, кто голосовал за Хилия Роблеса, являются равноправными испанскими гражданами.

Большой писатель Валье-Инклан, умерший незадолго до мятежа, однажды, сидя на террасе кафе и окидывая грустным взглядом сновавшую взад и вперед толпу, сказал мне:

— За последние тридцать лет Испания шагнула далеко. Посмотрите. Народ стал теперь несравненно красивее, чем в дни моей юности. В Испании красивые мужчины и женщины встречаются гораздо чаще, чем где-либо. Здоровье, радость жизни, культ разума и хороший вкус отвоевали у религиозного фанатизма все его

владения. Мы — один из наиболее культурных, красивых и жизнеспособных народов в Европе. И тяжело сознавать, что в какие-нибудь несколько месяцев мы все это потеряем. Жаль!

Он предчувствовал кровь, голод, все ужасы гражданской войны. Мне же, родившемуся в XX веке, когда бани и книжные магазины сделались общедоступными, и не знавшему поколения Валье-Инклана, опасения его показались сильно преувеличенными. И, однако, каким же оказался он пророком! И не только в этих, полных горького сожаления словах. Он предсказал и союз Франко с итало-германским фашизмом и целый ряд эпизодов надвигавшейся войны.

— Жаль! — повторял он, глядя в даль, словно стараясь угадать в ней смутные контуры будущего.

И теперь, когда у нас на глазах продают с торгов окровавленную Испанию и глумятся над ней, слова Валье-Инклана острой болью отзываются в сердце. Но тогда многие из нас полагали, что если антисоциальные силы Испании рискнут перейти в наступление, они будут раздавлены в тот же день и окончательно.

Почему? Во-первых, мы наблюдали спокойный, уверенный и неуклонный рост рабочих и крестьянских организаций, которые ко времени падения диктатуры Примо де Ривера успели политически окрепнуть и теперь достигли уровня наиболее мощных и сплоченных организаций трудящихся Европы. Наряду с этим появилось множество идеологических течений, объединивших большинство мелкой буржуазии и буржуазию либеральную. Может быть потому, что испанский феодализм до наших дней сохранил свою резкую обособленность в борьбе за цивилизацию и прогресс, нас поддерживали широкие слои буржуазии. Нужно иметь в виду, что в Испании эти понятия все еще не утратили своего реального значения. И, хотя за последнее время ряды наших соратников сильно поредели, многие из них все же остаются с нами. Но вообще, когда стало ясно, что рабочие и крестьяне, начав бой с феодальной Испанией, взяли в свои руки инициативу и контроль, буржуазия трусила, попятилась, причем многие из наших бывших попутчиков перешли в лагерь фашистов.

Многочисленные объединения интеллигенции, работников искусства и науки,

возникшие на основе роста рабочих и крестьянских организаций, привлекли к себе значительную часть испанской мелкобуржуазной молодежи. Все мы сходились в главном: необходимо любой ценой удерживать в своих руках победы, одержанные трудящимися, ибо сдвиг, происшедший решительно во всех областях испанской жизни, целиком обязан именно этим победам; необходимо обеспечить политическую свободу и отрубить щупальцы, которые протягивала церковь к народным органам власти. Нужно раз навсегда закрепить и обеспечить священное право граждан на свободу слова и печати, решительно отвергнув притязания феодалов, которые, в силу исторической традиции, полагали, что они находятся где-то вне или над государством, желая сохранить за собой и после установления республики былые привилегии.

Мы все безоговорочно сходились в этих пунктах, а ведь мы составляли большинство испанского народа, особенно в индустриальных районах: Леванте, Каталонии, Стране басков, Сантандере, Астурии. А в самом центре Кастилии как несокрушимая крепость пролетарской армии возвышался Мадрид. Кто же были наши противники?

Когда, в ответ на грустные размышления Валье-Инклана, я заявил, что при первом удобном случае мы разгромим врагов, я был далек от наивного оптимизма. Окончательная победа над феодализмом и церковью как орудием в руках феодальной касты не означала немедленного установления диктатуры пролетариата, хотя бы эта победа над феодализмом была одержана рабочими и крестьянами, как, впрочем, это и произошло в действительности, блестяще оправдав предсказания испанской коммунистической партии. Говоря о разгроме феодалов, мы имели в виду демократическую революцию. Тут ни у кого из нас не возникало разногласий; даже анархисты, кто молча, кто в официальном выступлении присоединился к нам, и в нашей дальнейшей борьбе этот единственно правильный, исходивший из реального соотношения сил лозунг демократической революции оставался до конца основным и решающим.

Трудности, встречавшиеся на нашем пути, нельзя было считать непреодолимыми, принимая во внимание боевую готовность рабочих и крестьянских организаций и героический дух испанского на-

рода. Против нас была церковь (это не значит, что все верующие находились в стане наших врагов), часть армии и крупные землевладельцы, связанные с крупной буржуазией через аграрные партии (Мартинес де Веласке), Аксьон популар (Хиль Роблес) и монархистов-традиционалистов (Кальво Сотело). Повторяю: на их стороне была лишь часть армии, а известно, что раздробленная армия никогда не может служить надежным оплотом. Но признаюсь, мы не подумали о том, что враги могут прибегнуть к наемным войскам — марокканцам и Иностранному легиону, — и начнут продавать в розницу национальную независимость немцам и итальянцам. И никто не мог предполагать, что наш триумф продлится ровно столько времени, сколько потребуется для подготовки интервенции. И никто из нас не ожидал, что европейские демократические державы позволят варварам вторгнуться в Испанию. Политика полумер, свойственная Лиге Наций, ее недалководидная чиновничья осторожность далеко опередили фантазию испанцев.

Наш оптимизм не был слепым. Мы слишком хорошо знали, что, если на стороне республиканцев искренность, моральная чистоплотность и уважение к законам, то им противостоят неразборчивость в средствах, наглость, цинизм, гангстеризм наших врагов. Мы не упомянули еще двух организаций: испанскую фалангу и рекете. Количественно весьма незначительные, они зато располагали кошелем своих вдохновителей и моральной поддержкой со стороны итальянской и германской фашистской молодежи. Помещики из Аксьон популар и аграрной партии вначале с тревогой поглядывали на эту молодежь, как курица, которая вывела утенка, смотрит на него, когда он впервые бросается в воду и начинает плыть. Но, при ближайшем знакомстве, помещики оценили то новое качество, которое отличало эту молодежь: ее агрессивность и стремление к конспирации. Фалангисты и рекете пытались взорвать Народный фронт с помощью клеветы и убийств из-за угла. С тех пор как Гитлер и Муссолини доказали, что политической цинизма и коварства фашисты добиваются если не прочного положения, то минутного успеха и неожиданных преимуществ, — никто уже не удивится тому, что своими разоблачениями «московских шпионов», страшными сказками о большевистском заговоре и невероятных планах пере-

ворота, якобы, составленных республиканцами, испанские фашисты быстро входили в доверие к невежественным, презирающим гражданскую власть феодалам, которых легко проведет за нос всякий, кто прикинется их защитником, особенно если на нем военная форма или сутана, — костюм их исконных союзников. Доказательством того, как легковерно отнеслись феодалы к фашистской клевете, служит письмо некоей маркизы к своей дочери, занимавшей один из дворцов на улице Серрано в Мадриде:

Эскориал, 7 мая 1936.

(Вверху нарисован крест)

ДОРОГАЯ ДОЧЬ,

Уже несколько дней я собираюсь тебе написать, но в столь тревожное и смутное время живешь только крупными событиями, а на обычные дела просто не хватает сил. Не знаю, стоит ли тебе сюда приехать, или я должна приехать к тебе. Дело в том, что здесь сменился муниципалитет. Как говорит сын донна Селесос, чернь одержала победу благодаря тому, что во время выборов московские еретики щедрой рукой сыпали золото. Члены нового республиканского муниципалитета с помощью наемных убийц свергли муниципалитет Сэды, избив до полусмерти председателя и несчастного доктора Н., благороднейшего старика. Мне передавали, что в Мадриде положение еще хуже и что правительство пообещало толпе, будто в этом месяце непременно произойдет революция. Вот поэтому-то я и не знаю, стоит ли мне ехать к тебе, или тебя звать сюда. Одного хочу: чтобы господь не оставил нас обеих, а буде на то его святая воля, так и умереть не страшно. Будем же достойны его неизреченного милосердия.

Твоя мать.

P. S.— Забыла тебе сообщить: вчера твой восьмилетний племянник Мигель, увидев, как сын сторожа поднимает над головой кулак, сказал, что, если тот еще раз посмеет отдавать ему социалистический салют, он убьет его. Когда Иренэ рассказала мне об этом, я от удивления чуть не заплакала. Вот что значит религиозное воспитание!

Пока эти престарелые аристократы и крупные землевладельцы, убежденные, что правительство Народного фронта точит на них топоры, жаждали его гибели, совет министров во главе с Асаньей ломал себе голову над тем, как бы поосторожней провести аграрную реформу, — так, чтобы, боже сохрани, не затронуть феодальных привилегий, а министерство земледелия объявляло новые кредиты с целью возместить убытки «жертвам» экспроприации.

В то же время фалангисты и рекете вели провокационную работу среди трудящихся и устраивали покушения на профсоюзных руководителей. Свою малочисленность фашисты старались компенсировать активностью и организованностью. И все же мы оказались свидетелями следующего, весьма красноречивого факта: за шесть лет своей демагогической работы среди рабочих и крестьян фашисты не смогли привлечь на свою сторону даже наиболее отсталые слои профсоюзной массы, хотя они не гнушались и подонками из прежних желтых профсоюзов, организованных Мартинесом Анидо¹ еще во времена монархии. У фашистов, составлявших единственную действительно опасную силу, — против генералов-аристократов и епископов возопили бы и камни, — не было социальной базы, их корни не проникали в глубь народной жизни.

Учитывая, с одной стороны, эти слабости наших врагов и полную боевую готовность рабочих организаций с другой, мы смотрели на возможность военного мятежа хотя не без тревоги, но и с глубокой верой в нашу победу. Мы были убеждены, что правительство Народного фронта снабдит рабочие организации оружием, и поэтому всякий, кто рискнул бы усомниться в том, что в течение недели мятежники будут разбиты на голову, легко прослыл бы сумасшедшим.

— Они никак не хотят понять, что находятся на вулкане, — говорил о правительстве капитан.

Когда я спросил его, не собирается ли он вернуться в Марокко, капитан ответил, что там его сцапают, как миленького, поэтому он предпочитает оставаться в Мадриде и ждать событий.

Церковь как боевую организацию мы не принимали всерьез, и это наша ошибка.

¹ Мартинес Анидо — реакционный генерал, ближайший помощник Примо де Ривера.

Она была вызвана тем, что наиболее явными сторонниками церкви в условиях мирного времени были женщины и старики — все выходцы из крупной буржуазии, не привыкшие к активным действиям. Им было невдомек, что успех политики, проводимой церковью, зависел от их помощи. Кроме того, они славились своей скупостью. Стоило республиканской конституции отделить церковь от государства, как все прихожане перестали вносить свою лепту в храмы, и никто ее уже и не требовал. Тогда духовенство, убедившись в том, что епархиальные списки отслужили свой век, установило новое правило, согласно которому всякий входящий в храм обязан был пожертвовать некую сумму на нужды причта. И вот, однажды, я увидел, как хозяйка дома, в котором я жил, — кстати сказать, весьма доходного, стоившего, примерно, полтора миллиона песет, — остановилась на паперти и попросила цветочницу разменять ей монету в десять сантимов на две по пяти. Духовенство работало перед этими людьми, но если ему и удавалось вытянуть из них монету — задача не такая уж легкая, — то только окольными путями. Наиболее выгодным предприятием в руках духовенства были школы. Детищу буржуазии надлежало пройти курс обучения у монахов или у монахинь, и за это платили не тортуясь: дороже заплатишь — лучше выучат. Духовенство всячески поддерживало в кругах мелкой и крупной буржуазии престиж религиозного воспитания, превознося его до небес. Кто не обучался у августинцев или у иезуитов, тому нет места в жизни, — так гласил неписанный закон испанского буржуазного общества.

Когда-то я жил близ Ретиро, большого мадридского парка. Возвращаясь домой или, наоборот, выходя из дому, я обычно сворачивал в парк и, прислушиваясь к болтовне ребят, подчас узнавал много любопытного. Как-то, совершая свою обычную прогулку, я заметил учителя-монаха. Он вел за руку семилетнего ребенка; тот задавал ему странные вопросы.

— Что, утиные мозги едят?

— Да, — машинально отвечал наставник.

— А бараньи?

— Тоже.

Мальчик немного подумал и с удвоенным любопытством спросил:

— А человечьи?

Учитель подскочил на ходу:

— Что ты!

— Да ведь я не о тебе говорю и не о папе, — поспешил объяснить мальчуган и, указав пальцем на бедно одетого рабочего, который спал на скамье, добавил: — Я вот про таких спрашиваю.

Наставник засмеялся и молча потрепал его по щеке. Меня же охватил ужас, которого, вероятно, не понял бы монах, ибо вопрос ребенка вполне соответствовал моральному уровню его класса — религиозной буржуазии. Этот небольшой эпизод вскрывает характерную черту религиозного воспитания; духовенство укрепляло в своих питомцах цинизм, который всегда оказывается удобной почвой для фашизма.

В те дни улицы принадлежали нам. Победа Народного фронта открыла трудящихся. В Мадриде, в провинции — всюду замелькали отмеченные печатью скромного благородства бархатные блузы рабочих. Голодная заработная плата была отменена, установился нормальный рабочий день, предприниматели, не подчинявшиеся республиканским законам о труде, подвергались штрафам. Трудящиеся были настроены бодро, уверенно, а в это время фашисты продолжали свою подрывную работу, попрежнему пуская в ход клевету, подготовляя террористические акты. Началась утечка капитала и спекуляция песетой. Принятые меры лишь способствовали паническим настроениям буржуазии. В казармах открыто готовились заговоры.

Мелкая буржуазия пыталась в течение первых двух лет после установления республики осуществить демократическую революцию. Это ей не удалось, и она потеряла власть. Реакционные партии — Сэда, аграрная партия, монархисты, — со своей стороны старались любыми средствами, вплоть до террора (астурийские события 1934 года), задушить революцию и таким образом удержать власть в своих руках, но это им также не удалось. Победа Народного фронта на выборах 16 февраля 1936 г. смела их в мусорный ящик, а рабочим организациям очистила место, уготованное для них самой историей. Трудящиеся вошли в правительство и начали буржуазно-демократическую революцию, которую не смогли совершить республиканские партии и которой не сумели помешать реакционеры.

В начале июля 1936 года смятение и тревога царили повсюду. Я, как и все.

ожидал взрыва. Но военщина еще не решилась перейти в открытое наступление; с другой стороны, обстановка, сложившаяся в Мадриде, — необходимость спешного укрепления нашей победы, бурная радость от сознания, что спесено все гнусное, жестокое, отжившее, — отвлекала меня от работы, и я уехал в деревню. Мне удалось снять небольшой домик близ Сан-Рафаэля — дачной местности, где обычно проводила лето крупная буржуазия Мадрида. Я бывал там неоднократно. Но теперь, зная наперед, что попаду в осиное гнездо, я заключил договор с дачевладельцем на чужое имя и никому не дал своего адреса. Время от времени я выезжал в Мадрид, — от Сан-Рафаэля до столицы два часа езды по железной дороге, — получал там свою корреспонденцию и тут же отвечал. Но тогда я еще не мог себе представить, какую роль сыграет этот благодатный край в эпоху гражданской войны, и что он оставит во мне одно из самых неизгладимых воспоминаний.

Взрыв

Темные предчувствия всегда неотвязны. Но откуда они и о чем они шепчут, — до времени это остается для нас загадкой. Уезжая из Мадрида, я вместе с книгами захватил и револьвер, а спустя несколько дней после приезда на дачу обнаружил на заборе фашистский знак. И только тут мне стало ясно, что револьвер я брал для вполне реальных целей, и романтика тут не при чем. Целый день я читал газеты или слушал последние известия по радио. Работать я уже был не в состоянии. Мне казалось, что все, что бы я ни задумал, будет вдребезги разбито некоей «высшей силой». Но я еще не понимал тогда истинного положения вещей.

Так прошло несколько недель. И вдруг я почувствовал, что больше не могу смотреть на эти вечно зеленые сосны, на голубое небо, на коров, с их равнодушным до тупости взглядом, на весь этот опустивший мне пейзаж, и снова отправился в Мадрид. Но, убедившись, что там можно только петь бесконечные акафисты Народному фронту, в которых он, кстати сказать, не нуждался — его величие и благородство были и без того всем известны, так что вся роль этих восхвалений сводилась к тому, что они увеличивали собой количество литературной продукции, я вернулся обратно. Сан-Рафаэль с его

роскошными дачами расположился по обеим сторонам Коруньской дороги. Мой скромный домик отстоит от него больше чем на два километра. Напротив тянется покрытая сосновым лесом горная цепь Гвадаррамы. Колючий кустарник, плющ и лианы преграждают путь на ее вершины. Густой, почти девственный лес занимает пространство в двадцать пять квадратных километров. Во время прогулок я наблюдал, как из-под ног моих выползали, шурша, спугнутые змейки, отливавшие на солнце зеленью, точно хрусталь. Говорили, будто здесь водятся волки, а по вечерам выходят из своих трущоб за добычей кабаны. Ниже — другое село по обеим сторонам извилистого шоссе взбирается на Альто дель Леон. Эта часть Гвадаррамы скрывает от нас ее противоположный склон, вдоль которого разбросаны живописные деревеньки и роскошные санатории. Оба склона соединяются между собой железной дорогой, пролегающей в длинном туннеле. На юге он упирается в Табладу. На севере — в Сан-Рафаэль. А шоссе, проходя через Альто дель Леон, спускается, несколькими километрами ниже, к селу, что носит одинаковое название с горой: Гвадаррама. Это живописный дачный поселок, где дома оборудованы по последнему слову буржуазного комфорта.

Несколько дней я провел в ожидании. Сознание одиночества переходило у меня в мучительную тоску. Я был кровно, глубоко заинтересован в судьбах моей родины, предчувствие чего-то необычайного не давало мне спать, — но как все это произойдет? Где? В Мадриде никто ничего не знал. Каждый истолковывал события на свой лад. В Сан-Рафаэле господа монархисты заметались, как крысы, пойманные в крысоловку. Их панический страх меня забавлял. «Наша жизнь в опасности», вопили они, и я понял, что у нас есть большое преимущество над ними. Мы уже успели привыкнуть к опасности, они же ощутили ее впервые. И мне доставляло истинное удовольствие, сидя на террасе ресторана, носящего одинаковое название с одним из фешенебельных ресторанов Мадрида, наблюдать за этой беспомощной растерянностью, за этим смертельным страхом. Маркиз де Сан Н., с подгримированным лицом старого комика, искал случая, как бы польстить гражданским гвардейцам, величая их неукоснительно «кабальеро». Наследие монархии — санрафа-

Антифашистский митинг в первые дни после мятежа¹

эльская гражданская гвардия, прославившаяся жестокостью учиненных ею репрессий, имела в своем составе до тридцати человек под командой лейтенанта. Обычно гвардейцы служили на побегушках у маркиза де Сан Н. и его семьи, а теперь он не только почтительно называл их «кабальеро», но даже угощал пивом. Вид у него при этом бывал сверхгероический. Р. В., присяжный либерал и вечный придворный шут, метнувший когда-то несколько тупых стрел в диктатуру Примо де Ривера, расхаживал от одной группы людей к другой. С ученым видом и с плохо скрытой боязнью, что ему не поверят, он толковал о том, как, будучи занят все это время изучением доселе неизвестных ему народных движений, он, потомственный интеллигент, невольно почувствовал себя человеком какой-то совсем особой породы. «Массы лишены творческих способностей,— изрекал он с таким видом, будто это стоило ему огромного умственного напряжения.— Массовая идея исключает наличие всякой организационной идеи, способной, в свою очередь, организовывать». Но, заметив, что слушатели на-

чинают недоумевающе поглядывать на него, и не потому, чтобы у них составилось на этот счет определенное мнение,— их смущала эта неуместная витиеватость,— он, чтобы не попасть в смешное положение, сам начинал смеяться публично. Самому броситься в воду бывает подчас выгоднее, нежели дожидаться, пока вас туда швырнут. Р. В. отпуская очередную остроту, все хохотали, тогда он переходил к следующей группе.

Чтобы не привлекать к себе всеобщего внимания, я редко бывал в селе, предпочитая сидеть в саду, читать, или, взбравшись на вершину Эль Эстепаро, принимать там солнечные ванны. Когда-то, легко достигая полного слияния с природой, я чудесно проводил здесь время. Этим летом я уже не мог лежать целыми часами на вершине горы и спокойно глядеть сквозь кружево веток на облака. У меня оставалось достаточно времени для самоанализа. «Что же это, страх? — думалось мне.— Нет, мое чувство не похоже на страх, испытываемый Р. В., оно скорее напоминает беспокойство магнитной стрелки, ищущей север».

Маркиз де Сан Н. и иже с ним считали необходимым, вооружившись огнем и мечом, предпринять крестовый поход на законы по охране труда, и так достаточно куцые по сравнению с Францией, Чехословакией, Соединенными Штатами; на по-

¹ Фото на страницах 15, 33, 41 и 49 получены редакцией от фотоотдела Испанского Комитета пропаганды; фото на страницах 25 и 57 взяты из английского издания книги Сендера.

доходный налог, который был значительно ниже, чем в любой европейской стране, за исключением Португалии; на государственный закон о наследственном праве, по которому английские аристократы, например, платили неизмеримо больше, чем в Испании; на закон об обязательном возврате государству захваченных крупными землевладельцами так называемых «общинных» владений и о передаче права пользования вышеуказанными владениями городским советам — в целях свободной эксплуатации леса, пастбищ и пр.; на закон о передаче нерентабельных поместий городским и областным советам; на закон об отделении церкви от государства, который, кстати, республиканское правительство проводило в жизнь крайне осторожно; на аграрную реформу, которую многие крупные землевладельцы постарались использовать для весьма выгодных сделок с государством; наконец, против ликвидации феодализма, проводившейся в интересах буржуазии и общего благосостояния страны. Вот против всех этих мероприятий и ополчились маркиз де Сан Н., Р. В. (который, в бытность свою ректором Сарагосского университета, уговаривал студентов, окончивших медицинский факультет, «не забывать бога», доказывая, что конечно, наука — вещь хорошая, но положить больному под подушку образок куда надежнее), аристократия и высшее духовенство. Все они дружно подхватили известную фразу Хилы Роблеса о том, что необходимо огнем и мечом истребить триста тысяч испанцев. Но, ожидая взрыва, они вместе с тем отчетливо сознавали, что тогда и кое-кому из них не сдобровать. Потому-то с таким неподдельным ужасом оглядывались они по сторонам.

И вот, наконец, радио принесло мне известие. Как предсказывал мой друг-капитан, первый взрыв произошел в Марокко. Я облегченно вздохнул. Думаю, что так же восприняло эту весть большинство испанцев. Каков бы ни был конечный результат этого взрыва, но положение определилось, и уже это одно приносило большое облегчение. Радио взывало к либерально-республиканскому духу страны. «На этом много не выиграешь», подумал я. В Мадриде восстали целые полки. Из провинции приходили смутные вести. В Марокко поднялась вся армия. В течение первых тридцати часов мое участие в защите республики выразилось в том, что я неотступно дежурил у радиоприемника, и

электрический ток ~~возвратил~~, декретов и сообщений проходил по моим обнаженным нервам. По отдельным деталям мне удалось восстановить общую картину. Радио-Севилья угрожала руководителям профсоюзов расстрелом, если в течение трех часов рабочие не выйдут на работу. Фашисты начали с жестокого террора. Я услышал генерала Кейпо де Льяно, этого полу-шута, полу-палача. Он, как всегда, нес несусветную чушь, но теперь от нее пахло кровью. И мне вспомнилось, что совсем еще недавно я встретил его в кабинете редактора «Либертад», в Мадриде. Участник противомонархического заговора и завсегдатай всех мадридских таверн, которые он по очереди обходил с двумя целями — выпить водки и побеседовать с заговорщиками, Кейпо, по установлении республики, был назначен начальником штаб-квартиры Алькала Самора, другого такого же предателя; кто из них был глупей — неизвестно; во всяком случае Алькала Самора выглядел несравненно величественнее. Тогда-то я и увиделся с Кейпо. Не зная, в сущности, моих подлинных убеждений, генерал разглагольствовал только для того, чтобы позабавить редактора газеты Хоакина Аснара и угодить мне.

— Я разочаровался во всех республиканских партиях, — заявил он. — Вот профсоюзные организации и рабочие партии, это, действительно, серьезная сила.

Считая меня коммунистом, — а я и в самом деле по убеждениям коммунист, — Кейпо де Льяно повторял:

— С вами — куда и когда угодно, но с республиканцами — увольте, себе дороже.

При этом он щелкал пальцами и крутил головой.

Этот типичный старорежимный солдат, с лицом филиппинца и с закрученными усами, неизвестно почему напомнил мне другого, который, однажды, в Марокко, когда я спросил его, знает ли он «сэла» — арабский диалект Мелильи, ответил:

— Немного. Знаю, что «хамбебе», это — «сукин сын», «ситауен» — педераст, «тибаркани» — рогоносец. Словом, самое необходимое.

И вот теперь, когда я слушал Кейпо де Льяно по радио, во мне всколыхнулась вся моя испанская гордость. Мне стало страшно от сознания, что судьбы целой испанской провинции находятся в руках

этого кровожадного пустомели. Прослушав другие станции, я понял, что мятеж крайне опасен и что он разрастается. Правительство приняло запоздалое решение: распустить армию. Орган социалистической партии «Кларидад» требовал этого ровно неделю назад, но его постигла судьба моего друга-капитана. Когда правительство, наконец, раскочалось, было уже поздно, мятежники вывели войска на улицу и объявили военное положение. Мне удалось поймать обрывки речей. Те, что передавались из фашистского лагеря, неизменно заканчивались угрозой: кто при таких-то условиях сделает то-то и то-то или допустит до этого, тот будет расстрелян. Террор запустил свои когти в тело Испании. Только на это и оказался способен государственный ум Кейпо, Франко, Мола. А в это время романтически настроенное мадридское правительство призывало к порядку и законности.

Настал момент, когда я решил, что все потеряно; но радио сообщили о приходе к власти гораздо более умеренной партии, — образовалось правительство Мартинеса Баррио. Это значило расписаться в собственной несостоятельности, сдаться на милость победителя. Но в Мадриде действовали решительно. Правительство Мартинеса Баррио продержалось всего несколько часов. Сейчас же сформировалось новое, во главе с Хиралем; снова победили левые республиканцы. Вся эта правительственная чехарда стоила нам большого нервного напряжения и вносила растерянность в наши ряды. Но 19 июля на расвете радио принесло мне две новости, которые вернули мне мой оптимизм. Это было, во-первых, постановление о реквизиции принадлежащих частным лицам автомашин для рабочих организаций; отсюда я заключил, что мобилизация достигла нужного размаха. Затем я впервые услышал открыто сказанные слова: «вооруженный народ», и о тех мерах, которые принимает правительство для того, чтобы обеспечить оружием все организации Народного фронта. Эти две новости имели решающее значение. Я решил отправить телеграмму сеговийскому губернатору о том, что с нынешнего дня я нахожусь в его распоряжении. Но сначала мне хотелось получить точные сведения о положении в провинции, а для этого нужно было повидаться с двумя местными представителями Всеобщего рабочего союза; один из них служил на железной дороге, другой —

в детском туберкулезном санатории. Я узнал от них, что в Сеговии теперь хозяйничают мятежники, а губернатор расстрелян. Санрафаэльские гражданские гвардейцы вчера ночью выехали туда на грузовиках и присоединились к мятежникам. Поняв, что мне уже незачем ехать в фашистскую Сеговию, я решил связаться с санрафаэльскими республиканцами. В Сан-Рафаэле жила на даче семья председателя совета министров Хирала. Я поговорил с его зятем, оставил ему свой адрес и предупредил его, что в случае малейшей нужды он может рассчитывать на мою помощь. Затем я разыскал моего старого друга, начальника лесного департамента и профессора по кафедре естественных наук, который тоже отдыхал в Сан-Рафаэле. Мы оба сошлись на необходимости, предварительно учтя все преимущества, которые нам предоставляли условия местности, немедленно, пока еще не подоспели из Сеговии мятежники, организовать оборону Сан-Рафаэля, так как Мадрид, бросивший все силы на самозащиту, может запоздать с присылкой подкреплений. Правда, радио приносило нам оттуда хорошие вести. Народ от имени республиканской авиации разгромил наиболее прочные позиции, занятые мятежниками: казармы Монтанья и лагери Карабанчеля. Таким образом основные очаги мятежа в столице были погашены, но оставались другие, менее важные, и никто не мог с уверенностью сказать, что случится через час. На нашей стороне был уже целый ряд значительных преимуществ. Два фашистских генерала убиты в Мадриде. Один в Барселоне. Санхурхо, старый профессиональный вояка, надежда всей испанской реакции, на другой же день после начала мятежа погиб во время авиационной катастрофы в Лиссабоне. Суеверные реакционеры растерялись, видя в смерти Санхурхо дурное предзнаменование.

Фронт должен проходить через Альто дель Леон, за три километра от моей дачи. Необходимо было именно там сосредоточить возможно большее количество вооруженных и безоружных людей. Оружие должно было притти из Мадрида, или нам самим пришлось бы вырвать его из рук врага.

Тут произошел случай, который лишний раз показал нам, какой опасности мы подвергались. Для охраны семьи председателя совета министров Мадрид выслал два автомобиля с полицейской охраной. В каж-

дом автомобиле находилось шесть человек: пятеро были вооружены револьверами, шестой — ручным пулеметом, обернутым в кожаный чехол. Я запомнил одного из обладателей ручного пулемета: это был толстый, весьма элегантно одетый субъект с одутловатым лицом; один глаз его был полузакрит; с пулеметом он обращался нежно, любовно, точно со скрипкой. Эти два автомобиля без усталости носились взад и вперед, и при взгляде на пассажиров казалось, что это невинные туристы. Я беседовал с ними не раз, храня еще более невинный вид, чем они, ибо не верил в их преданность правительству. 19 июля ко мне зашел железнодорожник и сообщил, что все боеспособное население направилось с обыском в замок графа Л., стоявший в открытом поле за три километра отсюда. Там, по общему мнению, находился склад оружия. В случае, если таковой обнаружится, решено было арестовать графа. Я пришел в ужас: ведь оттуда до Сеговии меньше тридцати километров. Катастрофа почти неизбежна. Так и произошло, хотя ни из Сеговии, ни из других городов помощь графу прислана не была. Едва люди окружили замок, как по ним открыли пулеметный огонь. Восемь человек было убито, человек пятнадцать-двадцать, получив тяжелые ранения, остались лежать в поле. Те, кто уцелел, растерянные, вернулись в Сан-Рафаэль. Я застал их как раз в тот момент, когда они рассказывали о случившемся полицейским. Я сразу же догадался, что этот одноглазый и был одним из тех, кто стрелял в крестьян. Между ног у него, на дне автомобиля, лежало вещественное доказательство — пустая патронная гильза. Ясно, что он просто забыл ее выбросить. Негодяй разглаживал рукава своей рубашки, поправлял шикарный сомбреро и, пожимая плечами, твердил:

— Не может быть. Что за ерунда! Ведь мы еще сегодня ехали по этой дороге и никого не встретили.

Последнюю фразу он бросил специально для меня, потому что как раз на этой дороге я только-что повстречал возвращавшийся автомобиль. Я, конечно, притворился, что вполне ему верю, но крестьян предупредил, чтобы они не доверяли полицейскими и присматривали за ними. Тут же мы решили отправить всех наших в Гвадарраму, в распоряжение местного комитета Народного фронта. Ночью прибыли гражданские гвардейцы под командой офи-

цера, начальника санрафаэльского военного поста. Сначала мы подумали, что это авангард какой-то более мощной колонны, идущей, может быть, на Мадрид, но они остановились посреди села возле своей казармы. Около них собралась небольшая толпа любопытных. Двое рабочих, вооруженных винтовками, заколебались. Кто это: республиканцы? мятежники?

Прежде чем выйти из автомобиля, гвардейцы дали два ружейных залпа. Четверо из толпы упали. Остальные бросились в соседние дома и заперли за собой двери. Лишь один юноша остался стоять неподвижно. Офицер с несколькими гвардейцами выскочил из машины. Размахивая револьвером, он подошел к юноше и схватил его за руку. Тот резким движением высвободил ее и с ненавистью взглянул на офицера.

— Не трогайте меня, трусливые негодяи! — крикнул он.

— Это главарь всей банды! — завопил офицер. — Я с ним расправлюсь.

Ударив юношу револьвером, офицер заставил его поднять руки вверх и повел на телефонную станцию. Едва переступили они порог, как раз за разом грянули два выстрела. Труп юноши остался лежать здесь до конца следующего дня.

Совершив этот «геройский» подвиг и не встретив никакого сопротивления, гвардейцы, забрав свои семьи, которых здесь никто и не трогал, двинулись в обратный путь. Но не успели они выехать, как из Вальядолида прикатили еще две легковые машины с барчуками-фалангистами, которых вызвали сюда умиравшие со страху маркиз де Сан Н., Р. В. и другие столпы санрафаэльской реакции. В эту ночь профессор с женой, покинув село, отправились ко мне. А через несколько минут к ним на дачу заявили вальядолидские молодчики, у которых чесались руки безнаказанно обновить свои револьверы.

Мы все трое, прикованные к радио, не заснули ни на минуту. Покуривая, мы обсуждали текущие события и машинально раскладывали на скатерти патроны от моего револьвера, составляя из них буквы и звезды. На рассвете нам стало известно, что за нами следили. За мной, в частности, следили не как за писателем, — здесь не знали даже моего настоящего имени, которое я тщательно скрывал от всех, — но как за «республиканцем и секретарем министра». Последнее мне могло только польстить.

День принес с собой новые события. Бои шли в Андалусии, Галисии, Барселоне. В раскрытые окна к нам тянулась прозрачная зелень тополей; чистый горный воздух ласково касался наших легких. Природа манила нас к себе. Но мы могли выйти из дому лишь с тем, чтобы уже не возвращаться. Шоссе проходило через село, а оно было занято фашистами. Остался путь через горы к Гвадарраме, а оттуда — автомобилем в Мадрид. Собственно, в Мадрид собирались ехать профессор с женой. Я же не принял еще никакого решения.

Было часов девять утра, когда я вышел в сад. По шоссе медленно двигались люди. Они возбужденно говорили о чем-то. Среди них я заметил женщин, и сперва это меня успокоило. Несколько человек подошло вплотную к моему дому. Я насторожился.

— Пора, — сказал юноша лет двадцати, — теперь они нас узнают!

— А если одолеют они? — воскликнула девушка, сестра его или возлюбленная.

— Тогда они перешагнут через мой труп, — с трагическим видом ответил тот. При этом его неокрепший голос пустил петуха, а хилая ручонка, обтянутая в изящное шелковое джерсе, взметнулась кверху. К ним присоединилась новая группа. Заговорили о батальонах и батареях Сеговии, где находилось артиллерийское училище. Затем какая-то худая старая дева иступленно завопила:

— Боже мой, какая радость! Да здравствует Испания!

Все начали ей вторить. Кровь бросилась мне в голову. Меня охватило страстное желание выйти на дорогу и крикнуть этой женщине:

— Что знаете вы об Испании, почтенная сеньора? Трудились ли вы, страдали ли вы на нашей земле, любили ли вы ее? Что видели вы в Испании, кроме исповедalen и банков? А я прошел ее всю, я взбирался на ее горы, я знаю каждую пядь кастильского плоскогорья. Я отдал этой земле мою кровь, мой смех, мои страдания и восторги. Под нею спит моя мать. На ней живу я и мои дети. В ее бескрайней дали брезжут мои творения, мои вдохновенные сны. Я — плоть от ее плоти, и она — моя, во всем ее величии и нищете. Свет и воздух этой страны говорят моими устами. Они наполняют грудь отважных борцов Народного фронта, они текли в жилах крестьян, погибших вчера вечером в

Сан-Рафаэле. Так что же вы знаете об Испании, почтенная сеньора?

Вместо этого я вернулся домой и сказал моим друзьям:

— В нашем распоряжении ровно четверть часа. — Я предупредил их, что никаких вещей мы с собой взять не сможем.

Через четверть часа профессор сказал мне:

— Я решил, но жена моя тоже хочет идти с нами.

— Хорошо. Пусть только наденет прочную обувь.

Из предосторожности мы решили сначала идти порознь. Первыми, словно на прогулку, вышли под руку профессор с женой. Выждав некоторое время, покинул дачу и я, держа в руках фотоаппарат, а между тем, фалангисты продолжали рыскать из дома в дом, расспрашивая о «секретаре министра».

Встретились мы в лесу и в половине десятого тронулись в путь. Но не прошло и десяти минут, как на шоссе выросло более ста грузовиков, а на них около четырех тысяч солдат. С нашего наблюдательного пункта было видно, что машины, замыкавшие колонны, везли несколько орудий тяжелой артиллерии, а головные — около восьми стапятидесятипятимиллиметровых гаубиц. За первыми автоколоннами следовали все новые и новые.

Пересекая пастбища, где стада лениво пощипывали траву, спускаясь в овраги и поднимаясь на высокие холмы, покрытые соснами и сплошной чащей кустарника, мы старались держаться на расстоянии двух километров от шоссе. Заслышав подозрительный шум, мы приостанавливались и с трудом переводили дыхание.

Был полдень, когда перед нами раскинулись отроги Альто дель Леон. Мы присели отдохнуть. От жары и усталости нам мучительно хотелось пить, но никто не решался заговорить об этом. Не успели мы снова тронуться в путь, как снова загудели грузовики. Мы превратились в слух и ждали. Профессор, словно боясь, что его услышат, шепнул мне:

— Какими силами располагает Альто дель Леон?

Их было немного; но местные крестьяне, со своими пищалями и сотней винтовок, полученной накануне, могли бы продержаться несколько часов, пока Мадрид не пришлет им подкреплений. Но я не был уверен, однако, что мятежники ограничатся одной этой колонной. С нетерпением ожидал я первых выстрелов, кото-

рые должны были решить не только судьбу Гвадаррамы, но и всех нас. Сеговийской дивизией командовал генерал Мола. Не исключалась возможность, что санрафаэльские фашисты уже осведомлены о том, что их ждут на Альто дель Леон. Тогда, прежде чем выступить в поход, их артиллерия попытается разгромить наши траншеи. С минуты на минуту ожидаю залпов. Начи мятежники с артиллерийского огня, наш фронт был бы наверняка прорван, и фашисты проследовали бы дальше.

Но первые выстрелы загремели из наших окопов. Не зная точно диспозиции наших частей, колонна решила двигаться вперед. Наши, подпустив ее к себе на расстояние выстрела, встретили фашистов дружными залпами. «Можно иметь репутацию храброго вояки и быть дураком», подумал я о Моле и облегченно вздохнул.

Бой начался с большими потерями со стороны мятежников. Наши позиции имеют целый ряд преимуществ. Мятежники не успеют выставить свои орудия, как прилетят наши самолеты. Я высказал все эти оптимистические соображения моему другу, но он, видимо, не очень-то доверяя моей «эрудиции» в военном деле, напряженно вслушивался в стрельбу.

— Вы любите войну? — спросил он, наконец.

— Кто ее любит!

Жена профессора шла с трудом, еле передвигая исцарапанные, кровоточащие ноги. Но на все наши вопросы она отвечала с неизменной улыбкой:

— Ничего. Пройдет.

Не желая причинять нам ни малейшего беспокойства, она старалась показать, что ей совсем не больно.

Мы продолжали говорить о войне. Слева, сквозь частый сосновый лес, доносились ружейные выстрелы.

— Война, это искусство, — утверждал мой друг.

— Да. Только низшего разряда.

Мы знаем, что современные войны в смысле чисто технического крайне усложнились. Ну, а во всем остальном, чем они отличаются от прежних? — после некоторого молчания снова задал вопрос мой друг.

— Во всем остальном война продолжает оставаться такой же, как при Ганнибале. Техника генеральных штабов, это лишь подсобный элемент, и не она выиг-

рывает сражения, а интуиция и гений полководца. В эпоху нашей цивилизации может появиться простой пастух с воображением, и он разобьет наголову всех генералов. Конечно, ему понадобятся различные указания, которыми бюрократы из генерального штаба его охотно снабдят. Война — искусство примитивное, как, впрочем, и те настроения, которыми она питается и которые, в конечном счете, ее определяют.

Мои слова удивили профессора, и все же они пришлись ему по душе, ибо он уловил в них презрение к этому чудовищу, что рычало где-то неподалеку от нас.

За нашей спиной не умолкали ружейные выстрелы. Все чаще раздавался треск фашистских пулеметов, и порой он заглушал все остальные звуки, доходившие с поля сражения.

Мы заканчивали наш спуск. Море сосен с темнозелеными островками дрока отделяло нас теперь от испано-американского санатория. Мы еще издали заметили это великолепное здание, что стоит на прогалине, у подножья горы, в километре от селения Гвадаррама. Где-то зашумела вода. Мы пошли на этот шум, разыскали источник, напились и уже бодрее зашагали вперед.

Наконец, на горизонте появились два наших самолета. Они пролетели прямо над нами и, описав широкий круг над Альто дель Леон, стали снижаться. Гора закрыла их от нас, но в то же мгновение мы услышали два сильных взрыва. Потом еще два. Затем они пустили в ход пулеметы, чей несравненно более стремительный и более «механический» треск отличался от тех, что стреляли где-то там, на земле. Потом он стал удаляться и затихать. Мое предсказание сбылось, и, несмотря на голод и усталость, мы все трое воспряли духом. Одна мысль о том, что вся эта длинная цепь грузовиков с адским грохотом взлетит на воздух, заставляла нас дрожать от радости.

Ровно в три часа дня послышались первые залпы фашистской артиллерии. Несколько снарядов упали на те холмы, с которых мы едва успели сойти, вправо от Альто дель Леон. Взлетели сухие комья земли, сосны окутались облаком дыма. Мы прибавили шаг. Через полчаса ружейная и пулеметная стрельба стала доноситься уже с другой стороны. Вновь появились три наших самолета и сбросили бомбы по ту сторону горы.

— Скорей. Еще три минуты, и все прошло.

Время близилось к вечеру, когда мы вышли на проезжую дорогу. По всей вероятности, ее провели смолокуры. Вдруг из-за сосен выглянуло несколько одноэтажных домишек. Они были построены так, что каждые четыре дома образовывали букву Т. Возле домов висело белье, оно так и осталось висеть, но двери были наглухо заколочены и кругом — ни души. Грохот сражений, что приближался с каждым днем, с каждым часом, спугнул обитателей. Мы пошли дальше. Солнце спускалось. Закаты здесь необыкновенно хороши. На огненно-красном небе протянулись голубые, белые, темно-фиолетовые полосы; вот плывет облитое золотом перистое облачко, а там, на востоке, чуть выbleтается море розового перламутра. И на фоне вечерней тишины и закатного неба резчайшим диссонансом доносится отдаленный гул канонады.

Я был полон гордости за моих товарищей — крестьян. Числом не более трехсот, без пушек и пулеметов, они выдержали многочасовую атаку моторизованной автоколонны. Я поделился своими мыслями с профессором.

— С такими людьми нельзя не победить, — подтвердил он.

Но он был прав наполовину. Этим бы людям — технику и дисциплину! Я высказал свои соображения профессору, и он согласился со мной, что положение правительственных войск все же отнюдь не блестяще.

— Раз войны не изменились со времен Ганнибала, — продолжал мой друг, — то ясно, что и теперь живая сила имеет огромное значение, а у нас ее больше, и качественно она выше, чем у мятежников.

— Да, вспомните Францию: там людские резервы вынесли на своих плечах всю войну, они ее и выиграли.

— Но они были хорошо вооружены. Французская армия находилась в совершенно иных условиях: ей помогала Англия, а главное, к концу войны к ней подоспели на помощь Соединенные Штаты. Прибавьте к этому, что снабжение продовольствием и боеприпасами Франция сумела наладить превосходно. А у нас — хоть бы по винтовке приходилось на каждого бойца! Ну, да мы этого добьемся. Аристократы смекнули, что от исхода борьбы зависят все их привилегии; мы

же, — а с нами мелкие промышленники, интеллигенция, люди свободных профессий, рабочие и крестьяне, — твердо знаем, что от этого зависит наша судьба. Массы понимают это нутром.

— Мы не смеем проиграть войну, — повторял мой друг, словно стараясь убедить себя в этом.

— А если проиграем, — прибавил я, — горе Европе! Западная цивилизация рождена в свободной атмосфере, и рост ее осуществлялся параллельно с ростом демократии и по мере того, как расширялись права народа.

Но мой друг не был уверен, что борьба в Испании достигнет европейского размаха.

— Пока еще нет, — возразил я, — но достигнет непременно. Если снабдят нас оружием — либо законное правительство даст нам право на самовооружение, — мятеж будет подавлен. Но если мы не заговорим с врагами на языке эскадрилий и батарей, тогда война примет затяжной характер, а международная обстановка крайне осложнится.

Вдруг стрельба раздалась совсем за нашей спиной. Что происходило на этом склоне, мы не знали. Положение становилось все неопределеннее. На минуту закралось подозрение: а что, если фашисты обошли наших с фланга и заняли Гвадарраму или начали обстреливать ее с какой-нибудь ближайшей высоты? Но ни один звук не долетал со второй линии окопов. Солнце зашло, и в сумерках все кругом приняло какой-то заброшенный, покинутый вид. Предметы утратили свою блестящую окраску и четкость линий. Поблекла сочная зелень деревьев, расплылись резкие контуры скал. Из оврагов потянуло сыростью. Холод пробирал нас до костей. Этот последний переход показался нам самым продолжительным.

Палево угрюмо чернела гора. Позади, где-то вверху, за два-три километра от нас, продолжался бой. Если фашистам удастся занять позиции на южном склоне, село в два счета будет снесено пулеметным огнем, — Гвадаррама лежала у самого подножия горы. Аистовым гнездом прилепилась к горе колокольня, глядя вниз на окружавшие поселок холмы. Мы вышли на дорогу, которая должна была привести нас на Альто дель Леон. Навстречу нам бежали два вооруженных солдата. Я не знал, есть ли у нас тут регулярные войска, но их мог прислать Мадрид. А

вдруг это фашистский авангард? Вот они остановились. Спрашивают, куда мы идем. Они видят, что мы безоружные, что мы очень мирно настроены, и не верят своим глазам. Мы повторяем, что идем в Гвадарраму. Солдаты, словно извиняясь, рассказывают о том, что за весь день они не выпили глотка воды, что у них кончается продовольствие и нет артиллерии.

На шоссе валяются две патронные сумки и несколько пятизарядных обойм. Солдаты, все тем же извиняющимся тоном, поясняют:

— Офицеры бежали.

— Наш капитан перешел к врагам.

По нашивкам на воротниках я догадываюсь, что они из саперного полка. В полдень их полк прибыл сюда из Мадрида на подкрепление к крестьянам, задержавшим фашистскую автоколонну, а теперь от него вряд ли осталась половина. Нам не хотелось поддерживать разговор. Заметив это, солдаты поспешили с нами расстаться, но один из них вернулся и посоветовал прибавить шагу, а не то, по его словам, мы не успеем дойти до села, как нас нагонят вражеские части. Мы молча продолжали путь.

Пока мы шли к селу, я старался выяснить причину подобных эпизодов; они наблюдались гораздо чаще в регулярной армии, где командный состав далеко надежен, нежели в народной милиции. Кадровый испанский офицер, в котором всякого рода суеверия свили себе прочное гнездо, должен был непременно чувствовать над собой власть короля — «помазанника божия», — тогда он становился машиной, покорно исполняющей приказания начальства. Но если они могли изменить под Аннуалом даже в 1921 году, почему бы им не изменить и теперь? Убедить пехотного капитана, сына богатых крестьян, окончившего военное училище еще во времена монархии, в том, что он должен отдать свою жизнь за свод законов, именуемый конституцией и утвержденный народными кортесами, не смог бы самый находчивый и наиболее искушенный в вопросах диалектики оратор. Старому офицерскому составу нехватало для этого, во-первых, человеческого достоинства и фантазии — во-вторых. Первое выражалось у них только в любви к парадной форме. Второе им нужно было развить в себе ровно настолько, чтобы суметь прочитать список лиц, представляемых к производству в следующий чин — «подвижную

шкалу», как они ее называли, и для скабрезных анекдотов.

Наконец, мы вошли в село. Оно напоминало покинутый городок. Тщетно мы обследовали его в разных направлениях. На улицах ни души. Калитки закрыты на засов, ставни закрыты. Мы отправились в муниципалитет — и там никого. На балконе ветер лениво колышет выцветшее полотнище — когда-то это было республиканским знаменем. Возвращаемся. Ни легковой машины, ни грузовика, ни мотоцикла. Улицы словно выметены, безлюдны, пустынно. На других балконах такие же полотнища белыми призраками развеваются на ветру. Над большим кирпичным домом водружены флаги с красным крестом. Перед домом садик. Над главным входом бронзовыми буквами по камню выведена надпись: «Детский санаторий». Красный крест на флагах должен напоминать вражеской артиллерии, если она займет высоты, что этот дом приютил под своей кровлей триста детей. И только он один во всем селе не держит дверей на запоре.

Мы вошли. Нас встретил директор. Со всем молодой, он произвел на нас впечатление умного и спокойного человека. Директор сейчас же позаботился о том, чтобы нас накормили. Забегали удивленные сиделки. Директор сообщил моим друзьям, что в селе не осталось ни одного автомобиля, и единственно, что он может, это предоставить нам спальню. Но кто из нас мог подумать о сне? Разговаривая с директором, мы все время прислушивались к доходящему извне шуму.

В селе не осталось ни людей, ни оружия. Все брошено на линию боя. Женщины, старики, дети — все, кто не мог идти в Мадрид, укрылись в погребах. Многие представители местной буржуазии, может быть, даже большинство, явно симпатизировали мятежникам и жаждали их прихода.

Я решил подождать подкреплений из Мадрида с тем, чтобы немедленно вступить в ряды бойцов. Около часа ночи раздался стук. Вошел лейтенант пулеметной роты. Его окружило четверо санаторных служащих. Лейтенант, с усталым, скучающим видом, какой полагалось иметь испанским офицерам «чистой воды», вызвал директора. Служащие забросали его вопросами. Он отвечал им с той же деланной безучастностью. Я подошел к нему.

— Пришли подкрепления?

— Да. Два пулеметных взвода.

— Они останутся в селе?

Лейтенант пожал плечами. Теперь он имел вид врача, которого позвали к неизлечимому больному и который привез свои пулеметы как болеутоляющее, но, по существу, бесполезное средство.

— Все потеряно,— заявил он.— Не знаю, для чего нас сюда послали.

— Как потеряно?

Мой вопрос заставил его слегка встрепенуться.

— Положение безнадежное,— повторил он, не без любопытства взглянув на меня.

Я напомнил ему о том, что вчера вечером по радио сообщали совсем иное.

— А вы верите радио? — прервал он меня.

— Конечно. По радио говорит правительство.

— Мало ли что говорит правительство!

— Вы обязаны верить тому, что говорит правительство.

Мне стало ясно, что лейтенант был не из тех, кого я ждал. Он внимательно оглядел меня, вероятно, ища нашивок и даже оружия, и изменил тон:

— Я просто хотел сказать, что мы не располагаем силами для подавления мятежа. Они все там.

Когда появился директор, лейтенант попросил у него разрешения поставить пулемет на крыше санатория. Директор отказал наотрез, напомнив ему, что под флагом Красного креста не воюют. Повидимому, не убежденный доводами директора, лейтенант все же был вынужден согласиться и скрылся в ночной тьме. А я, обманутый в своих ожиданиях, подумал о том, что, должно быть, много еще в нашей армии таких офицеров, как этот. Но если они все столь же откровенны и невоздержанны на язык, то большой опасности они представить не смогут, нужно только немедленно отнять у них оружие.

В надежде на то, что до рассвета мое положение так или иначе определится, я повалился в кресло и заснул. Так проспал я три часа, а когда проснулся — яркое солнце уже глядело ко мне в окно. Я почувствовал себя значительно бодрее. Ко мне зашел профессор. Он не спал всю ночь. Синие круги расплылись у него под глазами, он пожелтел, осунулся, сразу было видно, что он болен.

— Нашли автомобиль,— сказал он.

Жена его повеселела.

— Через час мы будем дома,— радостно повторяла она.

— Кто вам дал машину?

Они начали мне что-то рассказывать, но приветственные крики, доносившиеся извне, отвлекли мое внимание. Я вышел. Войска заполняли улицу. Тут были бойцы Народного фронта, штурмовые и гражданские гвардейцы. На грузовики были погружены три батареи легкой артиллерии; всего, примерно, три тысячи человек. Я вернулся к моим друзьям, предупредил, что остаюсь здесь, попрощался и снова вышел на улицу.

Кто-то назвал меня по имени. Все снова вернулось ко мне, снова услышал я знакомый мадридский говор, и воспоминания о проведенных вместе боях нахлынули на меня. Индустриальные рабочие, пролетарии, до сих пор ощущавшие себя скорей профсоюзными кадрами, чем военными, мелкие торговцы, фабрично-заводские и банковские служащие, молодежь — молодежь, полная жизни и готовая пожертвовать ею в любую минуту — с ружьями за плечами ходили взад и вперед.

Мы встретились сегодня в совершенно иных условиях, но люди остались теми же. В их речах, чувствах, стремлениях начисто отсутствовал эгоизм. Личное и общественное образовали в них такое прочное единство, так благородна была их цель, — защита народной свободы, — что для всяческих проявлений индивидуализма здесь не оставалось места. Пусть им всем еще не хватало культуры — ведь никто из них не получил систематического образования, — вместе они составляли ценнейший залог будущего не только Испании, но и всего мира. С радостным волнением наблюдал я за их жестами, взглядами, вслушивался в их слова. Я встретил своего старого товарища — коммуниста. Мы с ним вдвоем подходили то к одному, то к другому и начинали беседовать. Никто не говорил нам теперь о диктатуре пролетариата, анархисты позабыли, по крайней мере, на этот день, о своем «либертарном¹ коммунизме». Беспощадная борьба человека со зверем; борьба культуры против варварства; свободы с насильем и беззаконием, — вот куда устремлялась их воля.

¹ Либертарный — освободительный.

Каменщики, плотники, металлисты — плечом к плечу с гражданскими и штурмовыми гвардейцами. Юноша, продававший газеты, показав мне на сержанта из гражданской гвардии, сказал:

— В октябре 34-го года он сломал руку моему отцу.

— А теперь ты идешь сражаться вместе с ним?

Он удивленно взглянул на меня:

— Если каждый начнет впутывать сюда свои личные счеты, мы все погибнем.

К нам подошли два бойца народной милиции, одетые в синие комбинезоны. Они тащили цинковый бидон с молоком. Я спросил, нет ли в их отряде кого-нибудь больного или раненого, чтобы я мог стать на его место. Они ушли, а через несколько минут вернулись уже втроем. У этого третьего товарища был явно большой вид. Он передал мне свою винтовку с патронными сумками и сказал:

— Я бы их родному отцу не отдал. Но раз это тебе, — бери. Я знаю, что они попадут в хорошие руки.

При этом он обещал сказать начальнику своего отряда, чтобы тот меня записал, а его отметил временно выбывшим.

— Я пока здесь останусь, — добавил он, показав на один из ближайших домов. — Тут у меня знакомые живут. Выспаться можно.

Три дня и три ночи не выпускал он из рук винтовки. Вместе с другими бойцами он штурмовал казармы Монтанья в Мадриде и участвовал в боях при взятии Алькалы де Энарес. Дрожая от радости, я открыл затвор у моей винтовки, она оказалась заряженной, тогда я вложил в магазинную коробку еще один — шестой по счету — патрон. Один из товарищей спросил, кто командует всеми этими войсками. Ему указали на смуглолицего, невысокого, но очень бойкого подполковника, прогуливавшегося взад и вперед с адъютантами. Было около пяти часов утра. На ближних высотах, занятых народной милицией, пулеметы смолкли. Оттуда, держа винтовки дулом вниз, спускались усталые и измученные бойцы, те, что засели там еще со вчерашнего дня. Они сообщили что-то подполковнику, тот с адъютантами и четырьмя бойцами отправился на телефонную станцию.

Я видел, как бережно обращались бойцы народной милиции со своим оружием,

как доверчиво относились они к кадровому офицерству. Лучшие кадровые офицеры, в свою очередь, относились к бойцам народной милиции с уважением и встречали их с чисто военной приветливостью. Неожиданно для себя самих, они не раз имели случай убедиться в том, как разумно и храбро сражались эти «штатские» и каких огромных результатов они достигали. Честных офицеров можно было сразу отличить от подозрительных по одному тому, как добросовестно они критиковали и обсуждали допущенные нашими войсками ошибки. Повинными в них они считали себя, и эта их самокритичность сразу завоевывала себе безоговорочное доверие со стороны бойцов народной милиции. Другие, напротив, чтобы не обнаружить своих истинных намерений, старались польстить нам. Даже в том хаосе, который царил в нашем импровизированном лагере, эти оттенки улавливались без труда. Держа в руках засаленную бумажонку, ко мне подошел начальник моего отряда — каменщик, член Национальной конфедерации труда, анархист. Послюнявив острый кончик карандаша, который он с трудом держал между пальцев, командир записал мое имя и номер винтовки. Это стремление установить какую-то дисциплину, проявленное, к тому же, анархистом, приятно удивило меня. Решив поточнее узнать состав нашей колонны, я прошелся по главной улице и насчитал одну роту гражданских гвардейцев и две роты штурмовых — все бойцы были одеты в военную форму и стояли возле вытянувшейся в одну линию колонны автокаров — отряд рабочих, членов ВРС, социалистов и коммунистов, и три батареи легкой артиллерии с офицерами и оружейной прислугой. Кроме того, мне сообщили, что мы располагаем еще двумя батареями тяжелой артиллерии. Так, без малейших перемен, прошел час. На дороге выстроились в ряд грузовики с погруженной на них артиллерией. За ними во всю длину улицы растянулась пехота. Никто не отдавал никаких приказаний. Все чего-то ждали. На высотах царил пугающий безмолвие. Я спросил, где командир, но никто мне не ответил. Казалось, никому не было до него дела. Штурмовые гвардейцы в нервном возбуждении с минуты на минуту ждали приказа выступить. Гражданские гвардейцы недоверчиво перешептывались, но, увидев бойца народной милиции, умолкали. Так прошел еще целый час. Меня одинаково тревожили молчание врага и наше бездействие.

Эвакуация

Я подумал о том, что нужно серьезно поговорить с командованием, предложить ему выставить артиллерию на позицию и развернуть цепью пехоту. Вдруг за моей спиной раздался револьверный выстрел. Полагая, что это — следствие обычной неосторожности, я обернулся. Одетый в военную форму старик пошатнулся и тяжело рухнул наземь. Револьвер откатился к моим ногам. Кто-то из бойцов поднял его и сказал:

— Это полковник Кастильо.

Несколько офицеров и два бойца народной милиции бросились к нему, но было поздно. Я вспомнил о двух солдатах из саперного полка, сбежавших вчера вечером. Этот полковник был их командиром. Затем мне вспомнился лейтенант пулеметной роты, безучастный и деморализованный. Каков бы ни был этот полковник, он вызывал к себе невольное уважение. Измене он предпочел самоубийство. Боец, тот, что поднял револьвер, с довольным видом еще раз оглядел его:

— А, ну, как все командиры, которые не понимают, за что борется народ, начнут стреляться? На нашу долю придется не мало патронов.

Так утверждалась страшная в своей элементарности, беспощадная логика войны.

ГВАДАРРАМА

Война без армии

В девять часов утра над Гвадаррамой показалась авиэтка. До сих пор все так же бесцельно стояли мы посреди улицы, пели песни, дурачились. И попрежнему тщетно добивался я ответа на вопрос, что мы здесь, собственно, делаем.

— На войну мы идем, или на парад? — спросил боец, которому, видно, не приходилось участвовать в парадах и прочих военных церемониях.

Завидев авиэтку, все начали приветствовать ее, потрясая винтовками в воздухе.

— Наша!

Иные, более предусмотрительные, предупредили, как бы не ошибиться. Увидев, что авиэтка начала описывать круги над нашей головой, я сразу понял, что она сигнализирует вражеской артиллерии о расположении наших частей, но молчал, зная, что возражать бесполезно. Наконец, летчик выкинул красный флажок и дал несколько условных выстрелов из револьвера. Но самолет был гражданский, и это, несмотря на красный флажок и условные выстрелы, не внушало к нему доверия. И действительно, выполнив свою основную

задачу, самолет сбросил две бомбы. Одну — на нас. Другую — туда, где скрещивались телеграфные линии нескольких горных селений. Обе не попали в цель: та, что предназначалась для нас, не долетев трех метров, разорвалась в саду за каменной оградой. В то же мгновение грянуло более трех тысяч ружейных выстрелов. Часть из них была направлена в самолет, который, набрав полную скорость, уже скрывался из глаз. Многие бойцы, решив, что в селе — засада, стреляли наугад в полуоткрытые окна и казавшиеся им подозрительными двери. Когда затихла стрельба, никто из бойцов не мог уже более сдерживать своего возмущения.

— Что мы здесь делаем?

— Где командиры?

Крестьянин лет тридцати подошел к нашему отряду. Глаза его блуждали.

— Поп, поп, — бормотал он.

Наконец, оправившись от волнения, он объяснил нам, что видел попа, стрелявшего в нас из окна своего дома.

— Где он живет? — Трое моих товарищей бросились бежать. За ними — с сияющим лицом — едва поспевал крестьянин. Мне он показался ненормальным, одним из тех «дурачков», что встречаются почти в каждой деревне. Я побежал вслед за ними и вскоре догнал их.

— Вы сами видели этого попа? — спросил я у крестьянина.

Тот уверенно подтвердил.

— На каком расстоянии от него вы находились?

— А я вот здесь стоял. У самого окна.

— И вы видели у него в руках оружие?

Крестьянин поднял руку к носу:

— Как свою руку.

— Что же это было? Пистолет или револьвер?

Крестьянин с еще большей уверенностью сказал, что это был двухзарядный седельный пистолет XVIII века. Такие, по его словам, можно было найти на чердаке у любого крестьянина. Бойцы, не очень-то доверяя крестьянину, решили все же осмотреть поповский дом. Столько священников стреляло в народ, что теперь нельзя верить никому из них, говорили они. При их появлении мать священника упала в обморок. Его племянница — классическая поповская «племянница», обычно исполняющая обязанности экономки — позвала священника. Увидев вооруженных людей, поп решил, что его тут же рас-

стреляют. Его попытались было успокоить, но он и его «племянница» прислушивались лишь к голосу обуявшего их страха. Обыск не дал никаких результатов. Коротконогий, с небритыми отвисшими щеками, выпучив глаза и скрестив на груди руки, поп шел за носилками, на которых санитары уносили его мать, и визжал:

— Христос мой, в тебе умираю.

Он играл роль великомученика, одного из тех, что ему нередко приходилось видеть на картинках в духовно-нравственных книгах. А «племянница», схватив попа за руку, оглашала воздух своими причитаниями.

— Хоть бы на том свете привел господь свидеться!

Так как никто не собирался расстреливать попа, и жизнь его находилась вне опасности, вся эта сцена принимала комический характер.

Кто-то из бойцов пожал плечами и усмехнулся. «Что ему сделается!» словно говорила его улыбка тем, кто следил недоумевающим взглядом за этой процессией.

В госпитале мамаша очнулась, и все трое на эвакуационном автобусе выехали в Мадрид. Вскоре со стороны врага раздался первый оружейный выстрел.

— Вот оно! — подумал я. — Наши позиции им досконально известны, и они нас поджарят, как цыплят.

Над крышей соседнего дома с грохотом разорвался стапятидесятипятимиллиметровый снаряд. Тяжелая артиллерия обстреливала нас с противоположного склона горы, но и на ближнем склоне противник выставил несколько орудий легкой артиллерии. Еще снаряд и еще, и еще. Пока одни орудия обстреливали перекресток дорог, другие целились в грузовики с артиллерией, и в пехотные части. Снаряды падали со всех сторон, по три, по четыре сразу. Мы высчитали, что, если так будет продолжаться, то не пройдет и часа как поселок будет сметен до основания. Началась тревога. Следовало сейчас же призвать к ответу наших главных врагов — командиров. Но до этого ли было нам? Каждый думал только о том, как бы уцелеть под непрерывным градом снарядов. Уйдешь от одного — настигнет другой. Нас обстреливали одновременно разрывными снарядами и шрапнелью. Шрапнель разрывалась в воздухе на тысячи мелких осколков. Все бросилось в разные стороны. Улицы как вымело. Я и мои товарищи вшестером побе-

шли к муниципалитету — старому двухэтажному зданию с каменной колоннадой: там временно помещался наш штаб. Но вестибюль и лестницы были уже доотказа набиты гражданскими и штурмовыми гвардейцами, и нам пришлось укрываться от снарядов за колоннами. У самого дома вытянулись в ряд штабные автомобили, уже изрешеченные пулями и осколками снарядов. Около самых дверей столпилось несколько гвардейцев и бойцов народной милиции. Муниципалитет не вместил их. Взрыв — и они снова бросаются к дверям, но каждый раз три или четыре человека остаются снаружи, сгибаясь в три погибели и вплотную прижавшись к стене. Один из них мрачно твердил:

— Это ловушка. Отсюда уж никто живым не выйдет.

Все мы думали о том же, но никто не решался высказать это вслух. Внимание целиком поглощалось бомбардировкой. С полчаса вражеская артиллерия обстреливала площадь и здание муниципалитета. И вот уже три гвардейца свалились. Двое убиты наповал. Третий, тяжело раненый, умер в госпитале.

Мы с товарищами ободряюще поглядываем друг на друга, обмениваемся жестами, выражающими комическую покорность. Четверо из нас под орудийным огнем выносят раненого. По дороге нам попадаются санитары, и мы кладем его на носилки. Выждав несколько минут особенно яростной бомбардировки, мы, вспомнив о наших товарищах, оставшихся у муниципалитета, возвращаемся туда и застаем их живыми и здоровыми. Кто-то положил у самого входа, подле стены, двух убитых. В одном из них я опознал того, кто так настойчиво твердил о ловушке.

Снаряды падали непрерывно. Даже наиболее храбрые начали поддаваться панике. Это был страх перед хаосом, частицей которого ощущал себя каждый из нас.

Еще несколько минут мучительного ожидания под ураганным огнем, и мы не выдержали и пошли. На дороге валялись автомобили: у одного поломан мотор, от другого остались одни щепки. Навстречу шли бойцы народной милиции. Они сообщили нам, что несколько снарядов попало в полевой госпиталь. Около нас один за другим разорвались снаряды. Мы поспешили укрыться в галлерею ближнего дома, но только вошли туда, как один из товарищей крикнул:

— Идем, идем!

— Куда?

Товарищ не мог дольше сидеть в этом сомнительном убежище и терпеливо ждать смерти. Сознание своей полнейшей беззащитности угнетало всех нас. Он только первый высказал его вслух.

— Я пойду разыщу кого нужно, а вы ждите меня здесь, — предложил я, вышел из калитки и вскоре, действительно, паткнулся на одного из командиров. Военная форма безукоризненно облегла его выхолощенное тело. Я был поражен его спокойствием, как будто передо мной стоял не командир, попавший под ураганный огонь, а отец семейства, спокойно отдыхающий у себя в кабинете.

— Вы не видали подполковника?

— Нет.

Против нас разорвался снаряд и сорвал крышу с дома. Осколки дерева и черепицы посыпались к нашим ногам. На лице командира появилась безмятежная улыбка:

— Они серьезно решили выкурить нас отсюда, — изрек он.

— Что же у нас делается?

— Ждите и не волнуйтесь.

Он хотел показать, что у него имеется точный план действий, но я слишком хорошо видел, что никакого плана у него нет. Просто он искал своего начальника, я — своего. Мы расстались. Я пошел на телефонную станцию и при входе снова столкнулся с ним. Две девушки-телефонистки вперили в меня умоляющий взгляд:

— Смените нас! Попросите, чтобы нас сменили!

Я пообещал им сделать это немедленно и уже собирался уходить, как вдруг услышал, что в полуоткрытой кабинке кто-то говорил с Мадридом. Я приостановился. Невзрачный, низенький и худой человек лет пятидесяти говорил с членом Исполнительного комитета социалистической партии. Он сообщал ему о том, что произошло, и ждал от него дальнейших приказаний и подкреплений. Это был заведующий Народным домом в Гвадарраме. Окончив разговор, он подошел ко мне и сказал, что, раз другие ничего не делают, он сам решил связаться с Мадридом.

— Стало быть, вы делаете то, чего не делают командиры?

— Правильно. Я считаю, что каждый должен делать, что может. А не то мы погибнем.

Этот полуремесленник-полукрестьянин, в серой шапке и розовой рубашке, внушал к себе невольное доверие. Я подумал, что

только у него и можно теперь получить разумные приказания.

— Пусть каждый делает, что может, — повторил он.

Я вернулся в наше убежище, но товарищей там не нашел. С грузовика кто-то позвал меня. Это были они. Я вскочил к ним в машину и рассказал о своих неудачных похождениях. А снаряды все падали. Тогда один из нас крикнул:

— Вперед, товарищи! На врага!

Из убежища показываются бойцы народной милиции, они со всех ног бегут к нам и, вскочив на грузовик, зовут остальных.

— Вперед, товарищи! Отнимем у них пушки!

На улице неожиданно показался мой давнишний приятель — журналист Фернандес Альвар. Мы сразу узнали друг друга. Он рванулся к грузовику, но в это время упало сразу несколько снарядов, дым окутал нас непроницаемым облаком, а когда он рассеялся, я увидел, что мой приятель с разбитой головой лежит в луже собственной крови.

Мотор загудел, и машина тронулась. Теперь от нашей панической растерянности не осталось и следа. Одно дело — бежать от опасности, другое — пассивно ждать ее, и совсем иное дело — идти прямо на нее. Помню, в детстве я боялся темных комнат, а стоило мне побежать, — страх возрастал, и я плакал и кричал до хрипоты. Но как-то раз я осмелел и пошел прямо навстречу тьме, — страх исчез. Нечто подобное испытывал я теперь.

И вот мы двинулись туда, где зияют орудийные жерла, к зеленеющей горной вершине Альто дель Леон, навстречу буре. И не винтовку — сердце свое сжимает в руках каждый из нас.

— Вперед, товарищи!

А снаряды все падают. Но под ураганным огнем сбегаются к нам все новые и новые добровольцы:

— Вперед, ребята!

Мы вынуждены остановиться. Мы заявляем, что десять товарищей должны слезть, потому что машина перегружена. Пока идут переговоры, я смотрю на распростертый в дорожной пыли труп Альвара. Он был анархистом, у него боевое прошлое. Жизнь, его сложилась так необычно. С ним вечно случались такие странные происшествия, что никто не считал его серьезным человеком. И в этом

была его трагедия. В последнее время он шел к коммунизму и, бесспорно, стал бы одним из его ценнейших приверженцев. Но, отравленный этим вечно преследовавшим его недоверием, он сам стал подозрительно относиться ко всем окружающим, и эта настороженность, видимо, росла в нем с каждым днем.

Мне припомнилось несколько шумевших эпизодов из его жизни. Совсем недавно, в Женеве, его попросили покинуть заседание Лиги Наций, на котором он присутствовал в качестве корреспондента, за то, что он во время дебатов по абиссинскому вопросу обозвал итальянского представителя лгуном, а Муссолини — убийцей. В 1933 году, в Берлине, во время обеда, устроенного Геббельсом в честь представителей иностранной печати, заметив возле себя вместо испанского республиканского флага — монархический, он схватил за шиворот метрдотеля. Вся его жизнь была цепью живописных происшествий, из которых он выходил либо с опущенной головой, либо с еще большим боевым пылом. Стараясь докопаться до его второй, подлинной сущности, — та, что на поверхности, была показной, ненастоящей, — я не раз оскорблял его. В таких случаях он говорил:

— Только тебе я позволяю так разговаривать со мной!

Или:

— За такие слова я вчера ночью в редакции «Эральдо» подрался с одним итальянцем.

У него, конечно, оставалось чувство обиды на меня, а затем он все же шел ко мне, ибо знал, что я один из немногих, кто его понимает.

Сегодня в последний раз я глядел на Альвара.

— Вы знаете его? — спросил я товарищей.

— Кого?

— Фернандеса Альвара.

Откинув руки, он лежал лицом к нам и, казалось, говорил:

— Что ж, верите вы мне? Теперь вы мне верите?

— Того, что подписывается «Вилькенс»? — спросил кто-то.

— Да.

Заговорил другой, но за гулом мотора и взрывами снарядов я не услышал его.

— Что ты говоришь?

— Хорош гусь!

В тоне его слышалась не неприязнь, а обычная по отношению к Альвару фамильярность и легкое недоверие.

Автомобиль выехал за село. Лишившись последней защиты, подставив грудь под удары врага, мы понеслись вперед, и слова застряли у нас в горле.

Армия без командиров

В грузовик, который мчится впереди нас, падает граната, и он опрокидывается. Груда тел рухнула на землю. Среди грохота бомбардировки мне ясно послышался смех. Но по этому смеху нельзя было судить о мужестве и храбрости упавших. Наряду со здоровым спортивным чувством здесь угадывалась также неспособность бойцов здраво расценивать каждую ситуацию в ее подлинном значении. Нам пришлось остановиться. Противник сейчас же начал пристреливаться к нам. Жужжа, летит шрапнель и разрывается в канавах. С тополей тихим дождем осыпаются срезынные картечью листья. Гранаты с дьявольским упорством охотятся за нами. Не отстают и пулеметы. Мы соскакиваем с грузовика и, рассыпавшись беспорядочной цепью, ложимся на дорогу. Впереди нас — бойцы из опрокинувшейся машины. Веселость все еще не покинула их, но к беззаботному смеху уже примешались стоны раненых.

— Вставай!

Сверху, из невидимых траншей, противник поливает нас перекрестным огнем. А чтобы отрезать нам отступление, дальние фашистские батареи обстреливают въезд в поселок. И все же оттуда двигаются новые грузовики, но, поровнявшись с домом дорожного мастера, застигнутые пулеметным шквалом, останавливаются. Бойцы следуют нашему примеру. Я вижу рабочих из ВРС и НКТ, совсем еще юных и почти стариков. Все они в синих комбинезонах. Винтовки они носят вместо ремня на веревке, а к шомполам прицеплены красные ленточки.

— Вставай!

Лишенные какого бы то ни было прикрытия, мы у фашистов как на ладони. Это все равно, что идти по улице в то время, как вас обстреливают с четвертого этажа. И все же мы решили двигаться, но уже не по шоссе, что белой лентой тянется в зеленом море сосен и каменных дубов; его гладкая асфальтовая поверхность взрыта снарядами; всюду валяются тела убитых,

автомобильные колеса, скелеты грузовиков.

В полдень мы наткнулись на двух убитых фашистов — здесь начинался фронт противника. Мы стреляли так мало и на таком далеком расстоянии, что убить их не могли. Но в окрестностях поселка были выставлены на позицию четыре наших пулемета. Они не умолкали на ни минуточку. Значит, или лейтенант оказался честным человеком, или те, кто сменил его, отлично справлялись со своими обязанностями. Мы попытались пробиться вперед, но двоих из нас сразил осколок снаряда. Остальные легли. Мы не видели врага и не знали точно, где он находится, потому что снаряды летели со всех сторон. Наши пушки молчали. Они должны были следовать за нами на грузовиках, и неприятельский снаряд, вероятно, раскрошил их. А командиры? Где они? Почему мы здесь одни, без вождей? Почему штаб не осведомил нас о своих планах и не оснастил военной техникой, при наличии которой от нас не потребовалось бы стольких усилий и жертв? Быть может, военная техника не снисходит до армии, где вместо вымуштрованных кадровых солдат сражаются рабочие и крестьяне? Но ведь это все-таки война, и профессиональные вояки должны же сохранить к ней хотя бы чисто профессиональный интерес! Может быть, каждый решил отойти в сторонку и ждать, пока события идут своим чередом, чтобы потом спокойно принять совершившийся факт? Но при таких условиях этим «совершившимся фактом» может быть лишь победа Франко. В стане врагов ни один солдат без приказа свыше не осмелится шевельнуть пальцем. Мы же противопоставляем этой дисциплине наш энтузиазм и личную инициативу каждого бойца, будь он каменщик, батрак, приказчик или чернорабочий. Винтовка, сорок патронов, ранец с продовольствием, фляга с водой, да еще сердце, в котором больше великодушия, чем взрывчатого вещества в снарядах, — вот и все вооружение нашего бойца. Мы посмотрели вокруг.

Что же нам делать? Продвигаться вперед? Остаться здесь и, превратившись в кротов, рыть землю и засесть в окопы? А вдруг мы выбрали для этой цели неподходящее место? Почему мы знаем? Мы — народ. Наш тяжелый повседневный труд обеспечивает вам все удобства и блага жизни. Или это для вас ничего не значит? Может быть, и самое слово «народ» для вас не больше, чем пустой звук?

С каким уважением относились мы к тем кадровым военным, которые были с нами! Какую искреннюю благодарность питали мы к ним и как послушно выполняли все их приказания! Но зато они и обвиняли во всем высшее командование. Где же оно теперь? Мы знали только одно командование: то, что осыпало нас пулями, которые невидимыми птицами, посвистывая, пролетали над головой. И все-таки сейчас мы чувствовали себя лучше, чем под каменной колоннадой муниципалитета. По крайней мере сейчас мы смотрели опасности прямо в глаза, а не метались и не прятались от нее.

Я посмотрел на товарищей. Лица их выражали гнев и решимость. Вид у них был достаточно бодрый. Но двигаться дальше мы не могли. Уже полчаса мы пережидали обстрел, сами почти не стреляя. (Куда? В кого?) Вдыхая чудесный запах свежесрубленных сосен, мы ждали. Не спав всю ночь, голодные, мы просто были не в силах взбираться на гору под жгучим солнцем и под ливнем гранат. У каждого из нас учащенно билось сердце. Вся наша воля была устремлена вперед, а ноги точно налились свинцом.

На шоссе вновь появились грузовики. Возле сторожки высадилась рота штурмовых гвардейцев. Они рассыпались цепью по обеим сторонам шоссе и, укрываясь за то полями, побежали вперед. Пойти на штурм горы, усеянной невидимыми пушками и пулеметами, чего-нибудь да стоит! Если это и безумие, то его нельзя не назвать героическим. Вскоре появились наши самолеты. Отыскав на вершине горы неприятельские пушки и пулеметные гнезда, они сбросили бомбы. Серое облако дыма медленно поднялось над горой.

Мы двинулись. Оглядев еще раз моих товарищей, я убедился, что двое из них — ходячие мертвецы. На войне много таких мертвецов: они стоят, двигаются, подаются назад, стреляют. Но лица их лишены выражения и взгляды безжизненны. Первыми умирают глаза. Это — следствие внутренней опустошенности. Военные психологи утверждают, что теперь на войне убивают не живых, но мертвых. Двое моих товарищей были уже мертвы. Мне казалось, что и я также. Борцы за народную свободу, сколько раз мы умирали? И в который раз воскресали?

По временам сзади нас кто-то словно стрелял из револьвера. Мы оглядывались: никого. Наконец, я догадался, что это пу-

ли «дум-дум», которыми осыпал нас противник, ударяли в стволы деревьев.

Налево от нас, устилая телами дорогу, шли штурмовые гвардейцы. Я до сих пор не понимаю, как они поднялись на Альтодель Леон и смогли продержаться там больше двух часов. Теперь противник сосредоточил огонь на них, предоставив нам полчаса относительного спокойствия.

Возвратившись, они застали нас готовыми к отступлению. Подниматься на гору без предварительной артиллерийской подготовки казалось нам бессмысленным. Двое наших раненых, истекая кровью, стонали. Третий, как бы споткнувшись, повалился ничком и больше не встал. Мы подняли его винтовку и, начав спуск, опять увидели трупы фашистов. По их рукам и лицам расплылась желтизна, — такого цвета бывают спелые лимоны. Винтовок при них не оказалось. Должно быть, их подобрали свои же.

Голода мы уже не чувствовали, но от жажды все у нас во рту пересохло. Неся на спине раненых, мы продолжали идти и, спустившись в ложину, заметили двух девушек-бойцов. Одетые в синие комбинезоны, с винтовками за плечами, они с трудом тащили цинковый бидон с водой. В волосах у каждой была заплетена красная лента. Девушки сейчас же заметили, что один из наших раненых умер, и, выложив перед нами две коробки сардин, бросились перевязывать другого.

Спустя несколько минут, увидев, что мы уже собираемся уходить, они стали упрашивать нас:

— Погодите, товарищи. Не возвращайтесь в поселок. Мы принесем вам сюда все, что хотите. А раненого мы отнесем к шоссе, спрячем его во рву и подождем грузовик.

— Это не фронт, а бардак. Ни руководства, ни приказаний! — вспыхнул один из бойцов.

— Не уходите! — настаивали девушки. — Благодаря вам и штурмовым гвардейцам фашистская сволочь до сих пор не перешла в наступление.

Над головой у нас опять засвистели пули. Мы укрылись за холмом. Одна из девушек, смуглая, подвижная, посмотрев в ту сторону, откуда летели пули, крикнула тонким детским голоском:

— Негодяи!

Даже раненый не удержался от улыбки. Мы сообщили девушкам, что у нас истощились боеприпасы. Они сейчас же вы-

звались притащить сюда три тысячи патронов.

— Продержитесь здесь хоть до ночи. Приехал инспектор из военного министерства. Он сменит командиров и вышлет артиллерию.

Я вспомнил о семидесятипятимиллиметровых пушках, оставленных посреди дороги как удобная мишень для вражеских снарядов.

— Они теперь в безопасности, — сообщила смуглянка. — Среди командиров был один вредитель, его расстреляли. Артиллерией теперь ведают сержанты и один офицер запаса, коммунист.

Может быть, все это они выдумывают только для того, чтобы укрепить моральное состояние бойцов?..

— Ты какой партии? — спросил я.

— Коммунистка. А она, — девушка показала на свою подругу, — из Объединенного союза социалистической молодежи.

Подняв раненого, они медленно пошли по направлению к шоссе.

У моего товарища заблестели глаза. Глядя на гордо шагающих под пулями девушек, он воскликнул:

— С такими женщинами нельзя не победить!

А глаза его словно говорили:

«Какое простое дело война! Как великолепен героизм! Как проста и бессмысленна смерть!»

Но, помимо нашей воли, не желая признаваться в этом, мы оба все же испытывали страх. Мы ощутили его впервые, когда еще только начали спускаться, повернувшись спиной к врагу. Это был чисто животный низменный страх. Он шел из темных глубин подсознания, и мы ни за что не решились бы заговорить о нем. Но слова девушек все еще были у нас на слуху. «Продержитесь до ночи». И мы, поднявшись чуть выше того места, где лежали убитые фашисты, продержались там два дня и две ночи, и три раза девушки подносили нам боеприпасы и пищу. Кроме двух разлагающихся трупов, мы так и не встретили ни одного врага. Но это соседство лишь усиливало наш страх. Правда, он не был действенным, этот страх, он не толкал нас к бегству. Мы боялись этой мертвенной желтизны, заливавшей руки и лица мертвецов; пугало то, что постигшая их судьба на каждом шагу подстерегала и нас. Смерть перестала быть чем-то абстрактным, образ ее становился все осязаемей, мы узнали ее цвет и запах. Врага

мы не видели, но его огненное дыхание опалало нас. Когда стрельба затихла, мы вышли из нашей вынужденной засады. Взгляд наш мог охватить пространство в триста метров. Мы взяли его под неусыпное наблюдение, но пока не обнаружили никого. И только к концу следующего дня среди сосен замелькали фигуры. Мы сейчас же открыли по ним огонь, они ответили нам шрапнелью, и с ближних сосен полетели ветки.

Прошло еще часа два, и раздался пушечный грохот. Это наша артиллерия пристреливалась к тяжелой артиллерии противника. Стреляли из семидесятипятимиллиметровых орудий, должно быть, из тех, что я видел на шоссе. И все же ясно было, что точного расположения частей противника никто не знал, и стреляли мы наудачу. Видимо, в поселке царил та же растерянность, что и в лесу. Я изнемогал. Товарищи уговорили меня, как только стемнеет, спуститься в поселок с тем, чтобы там получить распоряжения, если таковые будут, и ознакомиться с общей нашей ситуацией, если командование имеет о ней хоть какое-то представление.

По дороге я наткнулся на целую гору трупов и опознал среди них девушку из Объединенного союза социалистической молодежи. С непонятным для себя самого равнодушием осмотрел я все это и пошел дальше.

Поселок изменился до неузнаваемости. Дома разрушены, деревья повалены. Думая, что командиры в детском санатории, я направился туда. Первый, кого я там увидел, был все тот же неутомимый директор. Сиделки, ссылаясь на болезнь или на непреодолимый страх, покинули его: они были на стороне врага. Остались лишь санитары, помогавшие директору в уходе за детьми. Он попрежнему хранил полнейшее спокойствие, только взгляд его помрачнел. Такой взгляд бывает только у тех, кто лицом к лицу столкнулся с войной. Директор сообщил мне, что одна из комнат в санатории повреждена снарядами.

— Завтра мы начнем эвакуировать детей, — добавил он.

Он дрожал за их судьбу. Острота, с которой он переживал события, объяснялась тем, что это не был механический исполнитель своих обязанностей. Надо было видеть, сколько чисто профессионального интереса и настоящей любви вкладывал он в это дело! И вот теперь, при первых же орудийных выстрелах, он понял всю беспо-

лезность этой с таким трудом налаженной им системы учета, бесполезность хирургических инструментов и лекарств, бесполезность этого хлопотливого и бережного ухода за больными детьми. Я спросил, есть ли в санатории человеческие жертвы.

— Убиты врач, сиделка и один взрослый больной, — мрачно ответил директор. — Он в это время находился в хирургическом. Только начали мы делать вдвухание, как в окно влетел снаряд. Обрушился потолок. Хорошо, что наверху, в палате, никого не было.

Специфический запах озона и свежесмытых деревянных полов исчез. Я заглянул в хирургическое отделение. От операционного стола осталась лишь грудa никеля и битого стекла. Стеклaнные шкафчики перевернуты. На полу разбросаны пузырьки, пинцеты и все хирургические инструменты. В соседней комнате, где помещался рентгеновский кабинет, взрывом снесена перегородка и уничтожены все приборы. Потрескавшийся потолок раздулся, точно резиновый. Стены изрешетила картечь. На грудe мусора валялось что-то длинное и узкое спеленутое в холщевый мешок. Я толкнул его ногой. По сухому стуку костей можно было догадаться, что это мертвец. Я решил зайти еще раз к директору и, отыскав его, задал наивный вопрос:

— Где же штаб?

— Кто тут разберет? Сплошной хаос! — с горькой улыбкой ответил директор.

Ночь. Тяжелая артиллерия молчит. Слышится лишь частая ружейная и пулеметная стрельба. Улицы безлюдны. Что ни шаг — натыкаешься на развалины. Чтобы не упасть, нужно как можно выше поднимать ноги. Я закуриваю. Над головой посвистывают пули. Из крошечной тьмы доносится чей-то голос:

— Осторожней с папирсой, товарищ!

Я молча прячу папирсу в рукав. В доме, где помещался штаб, рабочие устроят телефонную станцию. Я подхожу к офицеру:

— Кто нами командует? Подполковник Н.?

Офицер с полагающейся по уставу бесстрастностью поведал мне о том, что полковника Н. убили, и командование фронтом Гвадаррамы возложено на генерала Р., который еще двадцать четыре часа назад приступил к исполнению своих обязанностей.

— А сейчас он в Мадриде, — добавил офицер.

Получив эти исчерпывающие сведения, я решил поискать ночлега. Поиски мои быстро увенчались успехом, так как почти все жители оставили свои дома открытыми. Я вошел в спальню, где все, начиная с необъятного супружеского ложа, осталось нетронутым и еще дышало теплом уюта. Должно быть, некое почтенное буржуазное семейство свивало себе это гнездышко, чтобы, едва завидев военную опасность, вылететь из него.

На пороге появилась красивая овчарка и начала опасно приближаться ко мне. В ее глухом ворчании я не заметил угрозы. Это было лишь проявление страха. Брошенная хозяевами на произвол судьбы, она боялась своего одиночества и непрерывного грохота снарядов. Послышались отдаленные залпы, и собака зарычала сильнее. Я остановился в нерешительности, не зная, ложиться мне или уходить. В нескольких шагах разорвался снаряд. Собака прижалась к моим ногам и завывала. «Так она издохнет со страху», — подумал я.

Только я собрался лечь, как второй снаряд разорвался около самого дома, в саду. Стены задрожали, точно картонные. Отчаянно завывала собака. Я кликнул ее и вышел за село. Пройдя километра три, я поровнялся с поселком. Противник обстреливал его не столь ожесточенно, как Гвадарраму. Я зашел в первый попавшийся дом. Бойцы уступили мне кровать. Три дня и четыре ночи не смыкал я глаз, но тут, несмотря на усталость, я все же не мог отказать себе в удовольствии потратить полчаса на размышления. О чем я думал тогда, не помню. В соснах, под окнами, все также мирно, точно не было никакой войны, шумел ветер. И вот этот ровный, спокойный шум все еще стоит у меня в ушах.

★

На другой день я узнал, что с минуты на минуту сюда должна прибыть из Мадрида Первая Стальная рота. Эти ударные роты спешно формировал Пятый полк — регулярная воинская часть, созданная по почину коммунистической партии. Мне сказали, что генерал Р. пока еще не вернулся в Гвадарраму, и я решил остаться здесь и подождать Первую Стальную.

Выйдя на улицу, я встретил нескольких товарищей из штаба и бойцов. Они шли на похороны одного здешнего крестьянина, который вступил в первую же воинскую

Очередь за обедом

часть, прибывшую из Мадрида, и был убит два дня назад во время бомбардировки Гвадаррамы.

Я присоединился к товарищам. Перед нами открылась тесная, застроенная одноэтажными домишками улица. В каждом доме на улицу выходит только одно оконце. Стекла выбиты, и ветер колышет занавески. Во всю длину улицы по обеим ее сторонам вытянулись в ряд крестьяне. Женщины в трауре, испуганные и любопытные дети и старики в новых пиджаках поверх намоченных трудовым потом рубашек, храня торжественное молчание, столпились у белых свежештукатуренных домиков. Над ними голубое ясное небо. Крестьяне поглядывают на нас с явным удовлетворением: со всех концов страны, может быть, даже из Мадрида, собрались бойцы отдать последний долг их герою, и это наполняет крестьян гордостью. Я с группой товарищей вхожу в дом. Два бойца народной милиции, пользуясь отсутствием хозяев, покинувших свои роскошные особняки, оборвали в садах все красные цветы и теперь несут огромные охапки.

Посреди единственной комнаты, заменяющей хозяевам кухню, столовую и спаль-

ню, стоит сосновый некрашеный гроб. На всем здесь лежит отпечаток опрятной бедности. Стены потрескались, стул сломан, но полы начисто вымыты, и всюду видна заботливая рука хозяйки. Это умение и в нищете сохранять привычку к опрятности кажется нам особенно трогательным и вызывает острую жалость. У гроба сидят старики-родители. В их глазах застыла немая скорбь. Старушка-мать время от времени достает из кармана ослепительной белизны платок и вытирает глаза. Должно быть, так же робко и беззвучно плакала она в день своей свадьбы, на крестинах своего первенца, в день свадьбы второго сына, который сейчас вместе с женой сидит около нее, и в день, когда оба ее сына пошли на войну.

Четыре бойца народной милиции выносят гроб. Родители идут за ними и останавливаются на пороге. Все обнажают головы. Бойцы-односельчане, взяв ружья на плечо, строятся по-четыре. Ни театральности, ни обычной в таких случаях натянутости. Обдуманное движение и скупые слова лишь подчеркивают строгую величественность печальной церемонии. С гроба снимают крышку и засыпают мертвого бойца цве-

тами. Один из бойцов подходит к гробу и становится «смирно».

— Погиб один из наших товарищей, крестьянин, антифашистский боец. Я же, как почти все здесь присутствующие бойцы народной милиции, городской рабочий. И вот теперь я хочу вам сказать, что мы должны, наскоро отерев слезы, спешить туда, в Гвадарраму, чтобы занять место павшего бойца. Над гробом этого героя, которым вы, его односельчане, можете по праву гордиться, я призываю вас к дальнейшей борьбе за нашу свободу, к борьбе до полной и окончательной победы.

Он подошел к старикам и обнял их. Процессия так же молча, спокойно, тронулась в путь. Крестьяне-бойцы, следующие за гробом, держат на плече свои винтовки с той же непринужденностью, с какой раньше носили заступ или лопату. Поодаль, с цветами в руках, важно шагают три пионера. Ветер играет их красными галстуками.

Гроб медленно опускается в землю. Бойцы поют похоронный марш. Голоса их грубы, они пропитались городской пылью или осипли на ветру во время полевых работ, но поют бойцы торжественно и проникновенно. Гремят последние залпы, и эхо разносит по горам скорбный протест бойцов.

— Это первые гражданские похороны в поселке, без попа, — сказал мне алькальд.

И тут я понял, что эти залпы, в которых бойцы видели непременный атрибут церемонии и которые мне лично показались сначала ненужными, были как нельзя более уместными, ибо они означали наступление новой эры в поселке.

На протяжении целых столетий смерть в глазах крестьян была окружена ореолом мистических суеверий. Все представители власти и городской культуры наперебой кричали им о «тайнстве смерти». Сегодня впервые смерть отступила на второй план. «Настанет время, — подумал я, — и мы раскроем перед этими крестьянами мудрую, но простую правду жизни и радость ее созидания».

До слуха фашистов донеслись похоронные залпы, и они сочли необходимым послать наудачу два снаряда. Один из них разорвался в ближнем коррале и убил двух кур. Другой попал в пространство между церковью и кладбищем, но процессия уже миновала его, и жертв не было. Крестьяне, три ночи подряд засыпавшие под колыбельную песню пушек, не обнаружили ни малейшего испуга.

★

Узнав, что «стальные» еще не прибыли в Гвадарраму, я в тот же вечер покатила на грузовике в Мадрид. Всю дорогу я стонала от нетерпения увидеть поскорее столицу. Со времени победы над мятежниками там должны были произойти большие изменения. Приехали мы в сумерках. Я сейчас же отправился в редакцию газеты «Ла Либертад». Это — орган радикальной буржуазии, истари славившийся своими республиканскими традициями, которые живут в нем и поныне. До четырех часов утра строчил я для газеты, описывая события, свидетелем которых я оказался, покинув Сан-Рафаэль. Дух оптимизма и уверенности в победе, царящий во всей республиканской Испании, проник и в редакцию «Либертад». Хотя нескольких часов, проведенных мной в Мадриде, было, разумеется, недостаточно, чтобы судить о создавшейся здесь ситуации, я все же смог убедиться в том, что рабочие организации попрежнему соблюдают строгую дисциплину, а правительство Народного фронта пользуется несравненно большим авторитетом, чем раньше. Мне особенно хотелось выяснить, знает ли правительство цену крови, пролитой трудящимися Мадрида, или оно отнеслось к этому, как к рядовому эпизоду классовой борьбы. Но сплоченность Народного фронта стала для меня очевидной. Это меня очень порадовало. Если бы правительство не сумело завоевать к себе доверие со стороны рабочих организаций и они заняли бы выжидающую позицию, это неминуемо привело бы к расколу. Но ни малейших признаков раскола не замечалось.

Вышел я из редакции, когда станции метро были уже закрыты, трамвайное движение прекратилось, а нанять такси тоже казалось сомнительным. Перспектива тащиться пешком на другой конец города мне не улыбалась. Посреди улицы я заметил автомобиль. На стенке кузова красовались буквы: «НКТ». Около машины стояли бойцы. Я подошел к ним.

— Вы из НКТ?

Они ответили мне утвердительно и сообщили, что им поручено охранять по ночам город. Оказалось, мне с ними по пути. Я попросил подвезти меня. Тогда они потребовали удостоверение личности. При мне был только членский билет МОПР без фотокарточки. Взять пропуск или еще какое-нибудь удостоверение в Гвадарраме я просто не догадался. Я полагал, что в такие

острые моменты борьбы взаимодоверие и дух товарищества становятся непременимыми условиями, забывая о том, что именно в такие моменты нужно быть особенно бдительным. Каково же было мое изумление, когда все три анархиста заявили, что они отлично знают Сендера, а я самозванец. Сначала меня это рассмешило. Но анархисты не только не желали отвезти меня домой, но грозились еще препроводить меня в свой комитет. Было уже четыре часа утра. Мне страшно хотелось спать. Однако положение мое все усложнялось. Я заговорил с анархистами в повышенном тоне, доказывая, что они из-за пустяков заставляют меня терять драгоценное время. Они продолжали настаивать на своем обвинении. Тогда я вышел из себя:

— Вот из-за таких болванов мы можем проиграть войну! — крикнул я.

Они удивленно переглянулись, но решение свое не изменили. Мне оставалось только подчиниться. В Местном комитете дежурный прежде всего сделал выговор моим «телохранителям»:

— Зачем вы приводите сюда арестованных? Здесь не полицейский участок.

Это, в сущности, значило, что они, застав меня на месте преступления, должны были тут же учинить суд и расправу. Смех и злость разбирали меня, но смекнув, что финал всей этой комической авантюры может разыграться на кладбище, я в крайне возбужденном тоне произнес целую защитительную речь. Наконец мне удалось их убедить. Мне сказали, что я свободен, но на автомобиле меня не повезут. Меня подмывало спросить у них, почему полчаса назад меня хотели расстрелять, а сейчас отпускают на свободу. Ведь ничего же с тех пор не изменилось! Но, откровенно говоря, мне не хотелось возобновлять дискуссию и ровно в пять часов утра я пошел домой.

По дороге меня еще несколько раз останавливали патрули, но достаточно мне было назвать свое имя, и я без всяких разговоров шел дальше. Некоторые старались даже предупредить следующий патруль, чтобы тот не чинил мне никаких препятствий. В это утро Мадрид показался мне необычайным. Окна и двери на балконах распахнуты настежь, во всех домах огонь, а улицы погружены в полную тьму. В мощных когда-то зданиях поражала воздушность очертаний. Казалось, что весь этот город — стеклянный.

— На улицу О' Донел не ходи, там небезопасно. Сверни на Алькалу, — слышал я по временам окрики часовых.

Где-то вдали стреляли из револьвера. Одиночная стрельба переходила в частую. Но кто побывал в Гвадарраме, того это не могло ни удивить, ни испугать. Увлеченный этой фантастической внешностью улиц, я шел почти наугад. И великолепное зрелище открылось передо мной на углу Алькалы и Принсипе де Вергара. В буржуазных особняках горели все люстры. Чтобы помешать нападению укрывшихся в городе фашистов, был издан приказ о том, что везде всю ночь окна и балконы должны быть освещены. И все же по ночам постоянно ловили вооруженных людей. Поступали с ними двояко: или, обезоружив, сбрасывали их из окна на мостовую, или отводили в ближайшее учреждение, а на утро вызванная по телефону скорая помощь вывозила их трупы за черту города. В Дирекцию государственной безопасности (Dirección de Seseguridad) приводили только подозрительных, и они привлекались к ответственности в обычном судебном порядке.

Соблазненный этой причудливой иллюминацией, я долго еще колесил по городу и подошел к дому уже при свете дня. Спать было некогда. Я написал письмо и отправился к командиру, который собирался ехать на автомобиле в Гвадарраму и обещал взять меня с собой, но оказалось, что он может выехать не раньше полудня. Командир предложил мне пока автомобиль, и я помчался сначала в военное министерство, оттуда — в писательскую организацию и, наконец, в казарму Пятого полка.

Эта поездка обогатила меня новыми впечатлениями. В писательской организации, не застав ни одного писателя, я очутился среди снобов. Что они представляли собой теперь, в точности я не знал. Но в такое время люди легко сбрасывают маску, обнажая свою подлинную сущность. Я был уверен, что не пройдет нескольких минут и все они будут у меня как на ладони. Я не знал даже их фамилий, но фигуры этих «знакомых незнакомцев» мне примелькались. Не актеры и не драматурги, они вечно толкались на сцене; не написав ни единой строчки, околачивались среди писателей; ни черта не понимая в живописи, плялись к художникам. Однако спуститься в окопы эти назойливые дилетанты, дилетанты всегда и во всем, не решались, — их снобизм так далеко не простирался. И

все же, как бы мелки и ничтожны сами по себе они ни были, не считаются с ними было бы неверно, потому что даже в таких местах, где бывали люди, обладавшие талантом и хорошим вкусом, задавали тон именно они. Они любили напускать на себя томную меланхолию и отнюдь не чуждались половых извращений. На совесть уродливые женщины, как тени, сопровождали их всюду.

Снобы встретили меня с любопытством. Но не успел я и рта раскрыть, как эти всезнайки, возбужденно жестикулируя, наперебой начали высказывать свое мнение о боях под Гвадаррамой и рассказывать, что там произошло. Я выслушал подробный рассказ о самоубийстве полковника и об авиэтке. Держались они нахально и дали мне понять, что сражаться с оружием в руках — это пошлость, достойная грубых и примитивных людей. Их явно шокировал самый вид бойца. Все это меня несколько не удивило. К тому же я пришел сюда не для того, чтобы насладиться их обществом, я искал одну свою приятельницу. Мы столкнулись с ней в дверях. Она согласилась проводить меня до казармы.

Вот мы уже в Куатро Каминос. Улицы наводнены толпами рабочих. Женщины и старики смешались с бойцами, которые, пользуясь временным затишьем на фронте, принимаются за свою повседневную работу. Группы вооруженных людей садятся в трамвай. Кондуктор и пассажиры дружески приветствуют их и всякий раз желают им удачи. Этому кварталу, представляющему собой, в сущности, целый городок, не раз выпадало на долю становиться плацдармом ожесточенных классовых битв, и рабочая кровь не раз обогрела улицы Тетуан де лас Викториас и Куатро Каминос. Политика Пуэрта дель Соль в этом отношении отличалась строгой последовательностью, так что трудно сказать, кто больше пролил этой крови — правительство Хили Роблеса или «демократические» правительства. И вот сейчас те же самые рабочие из Куатро Каминос, забыв прошлые обиды и распри, поддерживают правительство Народно-го фронта и, взявшись за винтовку, готовы в любую минуту, без малейших колебаний, отдать свою жизнь борьбе против фашизма. Глядя на их пропотевшие блузы и рваные башмаки, я подумал о том, что Пуэрта дель Соль получила от этих рабочих урок огромного политического значения. Мощный рост их революционного самосознания был для меня несомненен.

У ворот казармы я распрощался с моей приятельницей. Ей пора было ехать в госпиталь, где она теперь работала.

Казарма Пятого полка помещается в бывшем монастырском колледже. Вокруг спортивной площадки вывешены объявления. На площадке обучают бойцов. Мое внимание останавливает огромный плакат:

ЖЕЛАЮЩИЕ ВСТУПИТЬ В СТАЛЬНЫЕ РОТЫ ОБЯЗАНЫ:

- 1 Представить медицинское свидетельство о состоянии здоровья.
- 2 Представить рекомендации от какой-либо антифашистской организации или от нескольких товарищей-антифашистов.
- 3 Иметь свидетельство о прохождении военной подготовки и, вступив в ряды Стальной роты, в кратчайший срок пройти переподготовку.
- 4 Соблюдать строгую дисциплину.

Стальная рота — ударная рота. Ее главная цель — атаковать противника. Она должна быть предельно гибкой и подвижной. Установить расположение сил противника, напасть на него врасплох, встретиться с ним лицом к лицу и завязать бой, выполнять специальные задания — таковы ее основные задачи. Стальная рота — это цвет народной милиции. Ее ряды должны заполняться преданными, убежденными, храбрыми бойцами, всегда готовыми отдать свою жизнь за свободу народа.

«Умереть — так с толком, — подумал я. — Вот чего нельзя сказать о бойцах, сражавшихся под Гвадаррамой. Умереть так, как умер полковник и многие, многие бойцы, — это непростительная глупость».

★

Грузовики, на которые была погружена Первая Стальная, догнали нас за Вильальбой, но еще издали услышали мы стройный и мощный хор:

— Ра-ра-ра!

Я узнаю по голосу капитана Маркеса.

— Ра-ра-ра!

Полтора человека сидят на грузовиках. Все молодежь. Большинство — рабочие, металлисты, члены коммунистической партии. Национальный состав Первой Стальной разнороден. Есть даже итальянцы — я узнаю Гвидо Паоло. Но цель у них одна, в едином страстном порыве слились они все, и

теперь по-молодому гордо и уверенно распевают.

— Ра-ра-ра! Лос де Асеро пасаран!¹

Стоило им выехать из Мадрида, как раздался этот боевой клич. Внушительный и грозный, он не умолкает.

Прохладное июльское утро. Первая Стальная поднимается к Гвадарраме. Кажется, будто шоссе все время убегает от нее. Вот оно пролетает мост, стремительно проносится мимо поста, сохранившего свое старое наименование «Гуардиа сивиль», и теряется в поселке. Над ним лиловые отроги Альто дель Леон. Сейчас они окутаны светлосерыми клубами дыма — горит сосновый лес.

Сегодня впервые бойцы Первой Стальной отправляются на фронт. Война, смешиваясь с утренней прохладой, дышит им в лицо. Синие комбинезоны, винтовки за плечами, гранаты за поясом.

— Ра-ра-ра!

Капитан Маркес сидит в первом грузовике рядом с шофером. Он прикидывает в уме, какое расстояние им еще осталось проехать. Сейчас они должны очутиться на линии огня. Противник, конечно, начнет обстреливать мост. Маркес сообщает мне, что в высшем командном составе произошли большие изменения; новый генеральный штаб внушает ему полное доверие. Эта вера передается и мне. Все мы так жаждем прочной технической базы, на которую можно было бы, наконец, опереться! Маркес нетерпеливо оглядывает ближние высоты. «У них, однако, неплохие позиции». Сзади нас гремит задорная песня бойцов, и Маркес улыбается. Противник удачно выбрал позиции? Что ж, для нас это только выгодно: мы его вышибем оттуда, и они будут наши.

Мы подъезжаем к мосту. Около шоссе, поднимая плотное желтоватое облако пыли и дыма, с сухим металлическим треском разрывается граната. Пенье смолкает.

— Это они тебя увидели, Мартинес, — шутит кто-то из бойцов.

Шофер уменьшает скорость. Гуль моторов заглушает взрывы гранат. Но вылезать из грузовиков безрассудно.

— Быстрее, товарищ! — отрывисто приказывает шоферу капитан.

Четыре грузовика на полном ходу проезжают мост.

— Держись, пионер!

Так зовут самого старшего из бойцов.

Еще граната. Еще — позади. Капрал второго отделения стряхивает с себя пыль и комья земли и, что-то бормоча, глядит исподлобья на приближающуюся гору. Шоферы, держа ногу на аксельраторе и крепко зажав в руках руль, при каждом взрыве закрывают глаза. Первая линия огня осталась позади. Жертв нет. Снова боевой клич:

— Ра-ра-ра! Лос де Асеро пасаран!

Бойцов разбирает смех. Но так как смеяться всем сразу нельзя, они говорят без умолку. Гвидо Паоло толкает локтем Мартинеса:

— Слышишь, старик?

— А наши еще слышней, на той стороне.

Он показывает взглядом на гору.

— Если в нас попадет одна такая штука...

Паоло пожимает плечами.

— Или тебе жизнь не дорога? — продолжает Мартинес.

Паоло теряет хладнокровие. Он поворачивает голову и говорит сквозь зубы:

— Дорога, как и всякому. Но если мы побоимся рискнуть жизнью ради нашего дела... скажи, пожалуйста, для чего тогда эта жизнь?

— Ты знай свое дело, — сердито возражает Мартинесу третий. — А убьют нас, не убьют — это от нас не зависит. Если и умрем, так от фашистских пуль, а не от своих.

Короткое молчание. Видимо, все сейчас думают о том же.

— Каждый — знай свое дело, — повторяет боец.

Мы подъезжаем к поселку. Крыши с домов снесены, стены обрушились. Комнаты видны, как полки в стеклянном шкафу. В одной из них, на уцелевшей стене, висит картина. На перекрестке двух дорог — одна ведет в Эскориал, другая в Серседилью — стоят пустые грузовики. Тут же бродят гражданские гвардейцы. Им пришлось снять свои лакированные треуголки, потому что они «блестят на солнце». От их былой элегантности не осталось и следа. Несколько ночей гвардейцы спали не раздеваясь, и штаны висят на них, как мешки.

Бойцы соскакивают с грузовиков и выстраиваются. Офицеры располагаются под прикрытием высокой груды камней — раньше это была стена. Маркес идет в штаб. Кто-то затянул было: «Ра-ра-ра», но тут же, словно прислушиваясь к отголоску,

¹ Бойцы Стальной пройдут!

умолк. В Гвадарраме все звучит по-иному. Кругом тишина. Точно в лесу, где вымерли все до одной птицы. Это можно было заметить и раньше, когда еще гудели автомобили. Один из бойцов смотрит кругом и, показывая на сломанный куст акации, говорит:

— Хоть бы один несчастный воробей зачирикал!

Ни пулеметный огонь, ни отдаленная канонада не в силах нарушить тишину, — они только еще резче оттеняют ее. По главной улице с головокружительной быстротой мчится автомобиль. На повороте шофер тормозит. Машина взвизгивает. Опять та же бешеная гонка. Вдоль улицы растянулись дома, но, несмотря на это, кажется, что автомобиль пересекает пустыню.

— В какой далекий и неведомый край мчится этот автомобиль? — спрашивает боец.

— Ра-ра-ра! Лос де Асеро парасан! — запевают рабочие-коммунисты.

Стоит им начать, как вступают все остальные. Точно рухнула скала — так звучит последнее «ра».

— Что мы теперь будем делать? — задает себе вопрос один из бойцов.

Другие смотрят вверх. По небу, застилая солнце, плывут белые облака. В бездонном молчании порой доносится «така-так» пулеметов.

— Это «Фелипа», — пытаюсь засмеяться, шутит гвардеец. Так прозвали пулемет, обстреливающий шоссе.

Шутка проходит незамеченной. Когда снова раздалось «ра-ра-ра», другой гвардеец, который тщетно пытается стянуть на распухшей ноге ремень от гетры, удивленно смотрит на поющих. Этот боевой клич весьма кстати. Если б светило солнце, если б было по-вчерашнему жарко, надо было бы кричать «ура», но в это пасмурное утро, когда воздух словно налит свинцом и перламутром, в этой мертвой тишине песня бойцов заменяет порыв свежего бодрящего ветра. Бойцы Стальной пройдут. Где? Сейчас об этом никто не спрашивает. Где нужно, там и пройдут. Там, где гуще всего пули, там, где глубже всего взрывают землю гранаты.

— Лос де Асеро пасаран!

Мы устали ждать. На войне нельзя не двигаться. И потом этот страх, что вот-вот может тебя пригвоздить к земле. Особенно здесь, на распутьи. На скрещении дорог, которые не ведут никуда. У последней черты. В этом — грусть военных дорог. Они

никуда не ведут. На каждом шагу — конечный путь.

Артиллерийская стрельба усиливается. Гранаты летят над головой и разрываются у моста. Бойцы Стальной уже привыкли к этому: война есть война. Легкая артиллерия начала обстреливать батальон, спускающийся к Кольадо Медяно. Но в самом поселке и в окрестностях — ни души. Я смотрю на гору и думаю о моих товарищах и о пройденном вместе боевом пути. Взгляд мой не находит их. Я и сейчас ничего о них не знаю. Искать бесполезно, — имена их остались мне неизвестны. Как бы я был счастлив снова встретиться с ними!

По дороге лениво прохаживаются гвардейцы. В оборванных телеграфных проводах, свисающих со столбов, застревают телеграммы. В тонкие трубки исковерканной снарядом бензиновой колонки набивается земля. Вернулся Маркес. Первая Стальная строится. Краткий приказ обегает ряды: установить местонахождение противника и атаковать его. До сих пор никто не знал, где позиции противника, каковы они. Их скрывала от нас поросшая сосной и каменным дубом гора. Рота рассыпается цепью и, спустившись в придорожную канаву, ползком пробирается вперед. Но не успели мы дойти до санатория, как противник начал поливать нас ружейным и пулеметным огнем. Нам пришлось пробивать себе дорогу в сплошной завесе огня.

— Ра-ра-ра!

Мимо нас проносится санитарная повозка. Много новых полевых телефонов; их черные провода словно отполированы землей. На мгновение стрельба затихает, и тогда с особой отчетливостью выступают обрубки раненых деревьев и разбитые кирпичи. Прошли особняк, в котором помещается штаб. Здесь приходится развернуться. Пули пока еще пролетают над головой. Отскакивая рикошетом, они визжат, как раненая лиса. Бойцы переглядываются, словно ждут друг от друга ободрения.

Снова вступил я на дорогу смерти, но она так изменилась, что мне кажется, будто я никогда не проходил по ней. С деревьев сыплются листья. Обычно в романах под этот шелест объясняются влюбленные.

— Ра-ра-ра! Лос де Асеро пасаран!

Щелкают затворы, руки лихорадочно нащупывают за поясом гранаты, над головой все тот же сухой металлический треск шрапнели. Сторожка — позади; слева — Испано-американский санаторий; направо —

Таблада. Наш отряд прячется за деревьями и холмами. На правом фланге, вплоть до Вальделасьерры, и слева, на дороге, проведенной смолокурами, идет ружейная стрельба. Бескрайнее море кустарника, ливень бомб и гранат. За каждым холмом — неизвестность.

Где же противник? Мы прошли около двух километров и никого не встретили. Через час огонь затихает. Но стоит хоть одному бойцу пошевелиться, как пулеметные гнезда фашистов с новой силой начинают поливать нас своим огнем. Где же противник? Чтобы узнать, нужно его увидеть. Но глаза не могут выскочить из орбит. Значит, нужно высунуть голову. И опять мы идем в наступление. Два бойца, шедшие рядом с Маркесом, падают. Жизнь кончена. Нить ее обрывается еле слышно. Но мы все время думаем о смерти. Может быть, даже и не думаем. Она сама окружает нас всюду, всюду напоминает о себе, старается внушить к себе доверие, приводя все те же свои сухие и скудные доводы: «Вас еще на свете не было, когда меня знали. Весь мир думает обо мне. Кто меня боится? Неврастеники, самодержцы да простодушные монахины? Нет, все. И как ни сопротивляйся, как ни цепляйся за жизнь — моей всепоглощающей бездны не минует никто. Миллионы миллионов рухнули туда — что же изменилось от этого на земле? Среди них были и такие, что погибли в бою, как ты. Нельзя сказать, что они потеряли жизнь. Нет, смерть одолела их. Так вперед! Меня бояться нечего. Бойся бесцельного, жалкого прозябания». Вперед! Мы узнаем, где враг, только столкнувшись с ним лицом к лицу, когда и он увидит нас вплотную, когда его пулеметы выплунут на нас свою ядовитую слюну.

— Ра-ра-ра! Лос де Асеро пасаран!

Первая Стальная наступает. Вот уже ночь. Весь день мы ничего не ели и не пили. Люди бредут ощупью в темноте, по-двое, по-трое. Стрельба затихает. Моя группа делает неожиданное открытие. В глубокой ночной тишине мы слышали шум ручейка, бегущего по камням. Один боец ползет вперед, потом — вправо. Но дальше — крутой обрыв. Там, внизу, журчит вода. Выплыла луна, и тогда мы ясно увидели ручеек. Один из бойцов стал спускаться. Но слева затрещал пулемет. Боец возвращается ни с чем. Он сильно взволнован, но дело тут не в жажде.

— В восьми метрах от шоссе, на высоте вот этой сосны, — пулемет.

Об этом нужно сообщить капитану. Один из бойцов пошел было к нему, но загревели выстрелы, и боец возвращается.

— Мы отрезаны, — сообщает он.

Это никого не удивляет. В тишине журчит ручеек. Кто-то предлагает еще раз спуститься к воде. Доберемся — хорошо, а нет, так по крайней мере увидим, где пулемет: фашисты, завидев нас, непременно откроют огонь. Тот же боец исчез в кустах. Снова затрещал пулемет. Вспыхнули красные звезды одинаковой величины и размера.

Ручей явно недосыгаем. Тогда один из бойцов снимает рубашку, другой на мелкие доскутья разрывает свою и связывает их. Так получается длинный жгут. К нему мы привязываем рубашку первого бойца, опускаем в ручей и вытаскиваем ее, мокрую насквозь. Теперь мы можем утолить жажду. Один из нас становится на дежурство, остальные укладываются спать. Порой слева доносится ружейная стрельба. Это наши товарищи вызывают на стрельбу врага, чтобы установить точное местонахождение пулеметных и мортирных гнезд. Я слежу за световыми сигналами, которые противник посылает с высоты какому-то шпиону, засевшему у нас в тылу. Измена переговаривается на языке синих звезд.

Еще не совсем рассвело, а вокруг нас уже начинают с грохотом падать снаряды. Наша артиллерия все время дает перелеты. Схватить бы эту гранату и направить ее прямо в цель! Мы возобновляем наступление и замечаем еще два пулеметных гнезда. Все они сообщаются между собой. Мы стреляем по ним. Среди дня мои товарищи решили снова бросить свой клич:

— Ра-ра-ра!

Где-то близко им отвечают, человек тридцать, не больше. Двое из нас спускаются к ручью. По ту сторону оврага находим четырех товарищей. Лица у них землистого цвета. Губы пересохли, потрескались. Я показываю на ручей. Они отрицательно качают головой. У ручья лежат два трупа. Я советую товарищам последовать нашему примеру, но они отвечают мне что-то, чего я не могу разобрать. Тогда мы снова проделываем те же манипуляции и передаем им пропитанную водой рубашку.

Наша артиллерия неожиданно смолкла. Противник тотчас же открыл ожесточенный непрерывный огонь. Сначала мы растерялись. Но когда над Альто дель Леон, сопровождаемые несколькими истребителями, появились три трехмоторных бомбовоза,

нам все стало ясно. Эскадрилья летит прямо на нас. Может быть, она ищет нашу батарею? Гора содрогается от взрывов. Мы замерли, ожидая своей участи. В такие моменты иссякает любой запас энергии.

— От этих моторов все внутри гудит.

— Загудит на пустое брюхо!

Наша артиллерия все молчит. Противник этим пользуется и поливает нас картечью. Самолеты сбрасывают бомбы. Они падают в пяти метрах от нас. Жертв, по видимому, нет.

Второй день мы ничего не ели. Рубашки наши, которые мы почти не вынимаем из воды, радуют глаз ослепительной белизной. К вечеру приходят подкрепления. Мы получаем по коробке консервов. На рассвете, в связи с новым приказом, бойцы рассыпаются цепью и занимают более укрепленную позицию. Противник, решив, что это — отступление, предпринимает атаку. Мы отбиваемся ручными гранатами. Многие из нас привинтили к ружьям штыки и ждут, нацелившись, как тигры, готовые к прыжку. С ближней сосны кто-то открывает по нас стрельбу. Один боец ранен в руку. Бойцы осмотрели дерево со всех сторон. Хотя на стрелке нет сутаны, они убеждены, что это поп. Мы открываем стрельбу и видим, как из рук у него выскальзывает винтовка. Он падает, цепляется за сук и, как чудовищных размеров плод, повисает на нем. Налетит порыв ветра, протестующе заскрипит сосна, и труп начинает медленно раскачиваться в воздухе.

Голодные, усталые, мы все так же продолжаем держать слух и зрение на чеку. Но соседней группе бойцов пришлось еще хуже. Вот уже три дня, как они не видят и глотка воды. Они сняли рубашки и держат их в руках. Почему же они не опустят их в ручей? Раненый старается перевязать себе руку. Я помогаю ему. Увидя кровь, он замечает:

— Теперь я понимаю, почему мы выбрали красный цвет. Это самый естественный цвет.

Мы решили спуститься в сумерках. Но еще не зашло солнце, когда появился капитан Маркес и крикнул:

— После трех пушечных выстрелов всем спускаться!

Вскоре на горизонте снова появляются фашистские самолеты. На этот раз вместе с комьями земли взлетели клочья человеческого тела. Но в нашей группе потерь

нет. Под прикрытием авиации повела наступление и пехота. Мы скрещиваем оружейный огонь с пулеметным, который открывают со второй линии наших окопов. Солнце прячется за Эскориал. Над горой пылает закатное зарево. Горят сосновые леса; косматый дым столбом подымается в небо. Пахнет смолой.

Заслышав сигнал, мы встали, но сразу почувствовали страшную тяжесть в ногах. Нервный кашель сотрясает моих товарищей. Наша артиллерия дала три условных выстрела и открыла частый огонь.

Уже взошла луна, когда Первая Стальная выстроилась перед штабом. Маркес обвел взглядом шеренгу. От нее отделилось семь человек. Среди них — тот, кто обнаружил первое пулеметное гнездо, и трое наших соседей. Им сейчас же дали воды и коньяку, и они пришли в себя. Под прикрытием стен мы почувствовали себя в безопасности. На этот раз... Да и не всем удалось спуститься. Половина роты осталась наверху.

Семеро бойцов проходят в штаб. Офицеры записывают их сообщения. По батареем отдается новый приказ. Теперь во всем чувствуются ответственность и дисциплина, которых нам так не хватало раньше.

Раненый спрашивает наших соседей, почему они не мочили рубашек. В ответ один из бойцов развернул свою рубашку, испещренную синими черточками, цифрами, точками. Это настоящая топографическая карта. На ней занесены все пулеметные гнезда противника и два орудия легкой артиллерии.

— У нас был чертежник, — сказал боец, показывая на своего товарища. — Придумал это Паоло.

— А где он сам?

— Ответа не последовало. Все догадались.

— Но ведь у вас были еще рубашки? Разве вы не могли намочить какую-нибудь из них? — не унимается раненый.

Другой боец пояснил нам, что каждый из них сделал на своей рубашке копию карты. В случае, если бы два бойца погибли, третий мог бы передать ее в штаб. Раненый молча пожимает ему руку с такой силой, что кровь снова выступает на повязке.

Командиры решили в ту же ночь начать фортификационные работы. Склонившись над грязной рубашкой, они вычисляют дистанцию и принимают решения. Саперы держат наготове лопаты и заступы.

В саду строится Первая Стальная. Маркес отдает приказ рассчитаться.

— Шестьдесят третий! — выкрикивает фланговый.

Все поднимают кулаки, и снова, правда, с меньшей силой, гремит боевой клич:

— Ра-ра-ра! Лос де Асеро пасаран!

И сегодня, 14 марта 1937 года, когда я пишу эти строки, укрепления Гвадаррамы продолжают оставаться в наших руках. Фашистские танки и тяжелая артиллерия, все эти «юнкеры» и «капрони», здесь оказались бессильны. На этой линии наши бойцы ежедневно, ежечасно отражают все атаки врага.

МАДРИД — КОРДОВА — ПЕГЕРИНОС — ОЛИАС

Снова в Мадриде. Поездка в Андалусию

Очагами мятежа в столице являлись не только лагеря Карабанчеля, казармы Монтанья или Пасифико, но и монастыри. Так, доминиканцы монастыря Аточа за одни сутки ухитрились превратить свою обитель в настоящую крепость, причем роль агрессора играли именно они. Когда же бойцы народной милиции пошли на штурм монастыря, братия открыла огонь по мирным пассажирам, сновавшим у вокзала Медиодиа. Теперь поведение монахов уже не кажется нам столь опрометчивым, как раньше. Ведь они были убеждены, что победа мятежников в Мадриде и во всей Испании — вопрос одного-двух дней.

Загасив очаги мятежа, Мадрид торжествовал победу. Вокруг правительства сплотились все рабочие организации. Поразительно, что и анархисты, и социалисты, и коммунисты уже не подвергали критике действия правительства и, в частности, Асаньи, которого всего несколько лет назад обвиняли в крупнейших политических ошибках и который теперь, как редко кто в истории, олицетворял собой волю народа. Впрочем, для меня это не явилось неожиданностью. Тот же народ в апреле 1931 года по собственной инициативе выставил охрану у Восточного дворца, чтобы, пока король со всем своим семейством не покинет пределов Испании, никто не смог туда проникнуть. Нацепив на рукав импровизированную повязку защитников гражданского порядка, социалистическая и республиканская молодежь сделала то, о чем не помышляли Алкала Самора и все прочие политические вожди. Она спас-

Гранатометчик

ла жизнь короля, который несколькими месяцами раньше, вопреки всем положениям свода военных законов, из страха и мести приказал расстрелять двух республиканских вождей: Галана и Гарсию Эрнандеса.

В Мадриде повсюду были учреждены пункты для детей-сирот. Детей погибших бойцов и командиров народной милиции разместили во дворцах, реквизированных для военных нужд, или покинутых их владельцами, врагами республики, бежавшими к Франко. В садах, в светлых комнатах, на просторных террасах, всюду раздавались звонкие детские голоса и смех. Рабочие организации соревновались в уходе за детьми, которые лучше чем кто-либо умели пожинать плоды победы.

Правительство, убедившись в преданности народа, платило ему тем же. Однако это ни в какой мере не угрожало основам капиталистической системы. Хотя министерство промышленности и труда в виде опыта национализировало отдельные предприятия, владельцы которых перешли на сторону мятежников, хотя железные дороги были национализированы, а землю, принадлежавшую крупным феодалам, распределили между крестьянами, все эти реформы не выходили за пределы европей-

ского либерального государства, и я не сомневался, что при таких условиях Англия и Франция окажут нам поддержку. Но то ли их информаторы занимались неумными сенсациями, то ли, в силу чисто формальных тонкостей, определяющих психологию стольких важных персон, — факт остается фактом: английские и французские правительственные круги до сих пор не поняли глубочайшей народности нашей борьбы. Только предвзято настроенные и недобросовестные люди могут усматривать в боевом энтузиазме Мадрида нечто большее, чем законное стремление к оброне.

Наши враги, пользуясь каждым удобным случаем, мистифицируя всех и вся, занялись усиленной пропагандой за границей и в этом опередили нас. Они нарочно подбирали такие факты, которые могли вызвать отвращение. В одной германской брошюре, переведенной на французский язык и широко распространенной во Франции, я наткнулся на такую фотографию: автор брошюры заснял церковь, на одной из ступенек которой валялась отрубленная человеческая голова. Все на этой фотографии соответствовало действительности, только одну оплошность допустил «забывчивый» фотограф: он не указал, что это монтаж.

Гитлер и Муссолини отлично знали, что испанский народ вышел на улицу не для того, чтобы установить диктатуру пролетариата, а чтобы защитить свою страну от опасности военной диктатуры, знали, какую победу мы одержали в Мадриде, и все же, на показ перепуганным французским и английским рантье они неукоснительно выставляли красное пугало. В своей примитивной и безвкусной агитации фашисты били на эффект и всячески старались затронуть религиозное чувство читателей, чувство, которое они первые на каждом шагу оскорбляли в Испании.

Другой излюбленный прием итало-германских агитаторов заключался в том, что они до хрипоты кричали о массовых расстрелах фашистов в Испании. Несколько цифр и личные воспоминания откроют истину. Как только в Испании началась гражданская война, в Мадриде, в Валенсии, в Барселоне фашистов расстреливали без суда и следствия. Но не нужно забывать, что этому предшествовала вооруженная борьба и чудовищная провокация со стороны фашистов. Они врасплох нападали

на мирных жителей, которым ничего не оставалось делать, как с пустыми руками ринуться на врагов и отнять у них пушки и пулеметы. И если в Барселоне оказалось после этого семь тысяч четыреста убитых, то что же тут удивительного? Город, в котором полтора миллиона жителей, иначе ответить на провокацию не мог. То же можно сказать и о Мадриде, где число убитых не так велико и где, по недостатку революционной бдительности, продолжают оставаться на свободе не только ультрареакционные пацифисты, но и представители Съезда и дружественной ей радикальной партии, то-есть активные политические враги. Все те, кто не вступил в открытую борьбу с народом, не только не терпят никаких затруднений, но — как и все мирное население — находятся под охраной правительства и Комитета защиты Мадрида. Мы знаем всех реакционеров наперечет. Знаем, кто они и где они живут. Мне самому не раз приходилось на машине, принадлежавшей «Культура популар», отвозить домой Дарио Переса — депутата радикальной партии, вождь которой перешел к Франко. И никого из этих людей не принуждали декларировать свои симпатии к Народному фронту.

Между тем, если вспомнить, что в Гренаде, где не происходило никаких боев, фашисты расстреляли двадцать семь тысяч человек, причем больше трети из этого числа составляют женщины; в Саморе, маленьком укрытом от военных бурь городке, где всего пятнадцать тысяч жителей, расстреляно фашистами пять тысяч пятьсот человек, а в мирной Памплоне — семнадцать тысяч человек, причем женщин расстреливали за то, что они «сочетались не церковным, а гражданским браком», а мужчин — потому что они голосовали за депутатов Народного фронта: если вспомнить, что фашисты перестреляли всех либерально настроенных профессоров и их жен, протестантских священников-пацифистов и тех католических священников, которые отказались проповедывать с амвона «доблести Франко», и что подобные факты наблюдаются и по сей час в тех городах, где распоряжаются фашисты; если, наконец, принять во внимание, что фашисты расстреляли семьсот тысяч человек и что из истребления целых семей, члены которых работали в республиканских муниципалитетах, фашисты устроили нечто вроде спорта, то перед этим бледнеют вынужденные репрессии, которым подвергали

фашистов республиканцы. Это было лишь естественным выражением ненависти к тем, кто врывается в мирные дома и заливал их кровью. Не следует забывать, что испанский народ таил в себе вековую ненависть к угнетателям, причин для которой было больше чем достаточно. И, однако, будущие историки, изучая эпоху гражданской войны в Испании, придут к самым неожиданным открытиям. Они неминуемо столкнутся с множеством примеров истинного гуманизма и морального благородства, примеров, которые показывали бойцы Народного фронта. Впрочем, для многих это не явится чем-то неожиданным. Астурийские события 1934 года так отчетливо вскрыли эти характернейшие черты нашей борьбы, что весь мир узнал подлинное лицо испанского народа.

Даже в самые напряженные моменты борьбы с мятежниками республиканцы не решались, подобно своим врагам, рубоводствуясь лишь смутным подозрением, вторгаться в дома и убивать людей на месте. Лишь имея в руках конкретные факты преступной деятельности того или иного фашиста, можно было арестовать его и препроводить в Рабочий центр или в Дирекцию государственной безопасности.

Все это не могло не волновать Мадрид. Он с особой остротой реагировал на все колебания, тревожной международной обстановки. Пулеметы, винтовки, несколько орудий тяжелой артиллерии и, главное, личная храбрость бойцов сдерживали натиск полчищ Франко и Мола на Гвадарраму, на Пегеринос, на Сомосьерру. В Эстремадуре, прежде чем уступить отлично вооруженному с помощью Италии и Германии противнику хоть одну пядь родной земли, бойцы народной милиции дрались до последней капли крови. Правительства Гитлера и Муссолини с лихорадочной поспешностью снабжали мятежников боеприпасами и пополняли их ряды новыми людскими резервами. Не установлению диктатуры пролетариата, о которой никто из нас и не думал, старались помешать они, но краху испанского фашизма, посулившего своим верным союзникам неограниченное количество сырья, а также морские и воздушные базы. Кроме того, окончательное поражение фашизма в Испании открыло бы широкие перспективы для итальянского и германского народа, а испанская демократия, одержав победу, постаралась бы закрепить ее и найти для себя те новые формы, что

возникают всегда на другой день после великих потрясений и могут повести за собой торжество демократии в европейском масштабе. Вот чего еще боялись фашисты. Они не сомневались в том, что испанский Народный фронт сохранит до конца свою глубоко народную сущность и выйдет из всех испытаний тем более стойким и сплоченным, что основная задача, которую поставил себе испанский народ — демократическая революция — еще требует своего разрешения. Повторяю: международный фашизм все это отлично знает, поэтому он пускает в ход два основных своих «аргумента». Что ему остается делать, как не усиливать террор в тех странах, где ему удалось захватить власть, и экспортировать наспех состряпанное пугало «красного террора» в другие европейские страны? Третьим аргументом фашизма является пулемет. Только благодаря ему и смогли притти к власти итальянские и германские фашисты. Теперь они решили заговорить на языке пулеметов и с Испанией, превратив ее в море крови. Но бойцы Народного фронта проливают свою кровь не даром: они раз и навсегда покончат с третьим излюбленным аргументом фашистов.

В Мадриде я долго думал над этим и подолгу беседовал на эту тему с разными людьми. Мне еще раз пришлось убедиться, что борьба испанского народа, несмотря на весь ее размах, не выходит за рамки республиканской конституции. Но теперь мы идем к новым формам демократии, более прогрессивным, чем те, которые были в свое время установлены кортесами. Недалек тот день, когда единая воля испанского народа ценою нечеловеческих усилий и жертв, на которые вынуждают нас наши враги, достигнет своей конечной цели, и тогда эти новые формы, которые нетрудно предугадать уже сейчас — стоит лишь ближе познакомиться с антифашистскими бойцами, выявятся с исчерпывающей полнотой. Каковы же будут эти формы? Пророчества были бы тут бесполезны. Между всеми партиями Народного фронта происходит обмен опытом, накопленным за последние годы. Последующие за этим конкретные решения, направленные, разумеется, к укреплению демократии, будут отвечать основам европейской цивилизации. Пересаженная на почву Испании она, конечно, не утратит своей жизнеспособности, и все ее лучшие традиции будут бережно сохранены.

★

Я позвонил по телефону своим друзьям. Их привычный образ жизни оказался нарушен. Мне отвечали: «Он, вероятно, в Альянсе»¹. Или: «Позвоните в «Культура популар». Эта организация, ранее снимавшая в новом доме, похожем на гигантский улей, комнатную за сорок песет, включая сюда и плату за телефон, переселилась теперь в старинный дворянский квартал Мадрида, на улицу Сакраменто и заняла один из реквизируемых дворцов. Национальный реквизиционный комитет, предоставляя эти дворцы в распоряжение политических и культурных организаций, создавал им таким образом прекрасные условия для работы. (Все вещи, представляющие собой художественную ценность, поступали в ведение Комитета.) «Культура популар» размещалась в трехэтажном дворце. Фрески, роскошная мебель, множество телефонов. При дворце — сад. Товарищи из «Культура популар» тотчас же предоставили мне на время моего пребывания в Мадриде комнату.

В «Культура популар» работали студенты и студентки. Каждый из них являлся представителем одной из партий, входящих в Народный фронт. Представитель коммунистической партии до этого служил библиотекарем в Арагоне. Он знал несколько языков и работал с точностью и неутомимостью автомата. У него был вид настоящего аскета. В его манере говорить угадывался крестьянин. Мы с ним обнаружили поразительное сходство во взглядах, и это сразу привлекло меня к нему. Каких бы различных тем ни касалась наша беседа, мы почти всегда приходили к обоюдному согласию.

Чтобы сэкономить время, сотрудники «Культура популар» жили в том же здании. Работа начиналась у них в семь часов утра. Прежде всего — упаковка и отправка газет в госпитали и казармы. Потом — лекции, просмотр кинофильмов и спектаклей, составление передвижных библиотек для фронтовиков, и так — до поздней ночи. Дворец, где все было создано для торжественного и мрачного безделья, в котором проводила свои дни испанская аристократия, неожиданно превратился в трудолюбивый улей. За один месяц «Культура популар» организовала больше трехсот передвижных библиотек, и ее сот-

рудники объезжали на двух грузовиках ближайшие фронты, оповещая бойцов о приближении своего шумного каравана при помощи зычных громкоговорителей. Кроме того, в распоряжении «Культура популар» находились еще четыре легковых машины, которые, совершая ежедневный рейс, развозили газеты по госпиталиям и казармам. Люди работали весело, все делалось у них как бы само собой. Во главе организации стоял председатель Национального комитета, 23-летний юноша андалусец, закаленный в студенческих боях против фашистов и монархистов. Он руководил Объединением преподавателей и учащихся высшей школы (знаменитое героическое Объединение!). Порывистость сочеталась в нем с политическим тактом. Из организаций, возникших во время войны, «Культура популар» была несомненно лучшей. Большую радость доставляло мне наблюдать за ее работой, потому что эта работа вполне соответствовала моему пониманию культуры. Для меня университет — не обычное учреждение, каким он и был до последнего времени. Он должен быть тесно связан с жизнью всей страны, жить думами и стремлениями народа. Страна с жизнеспособной культурой, страна, где сильно чувство национальной гордости, должна перестроить свои университеты так, чтобы они, питаясь живительными соками народной жизни, откликались на каждый призыв народа, чтобы, уничтожив разрыв между теорией и практикой, привести их к синтезу.

Мы жили в третьем этаже, в чистых и уютных комнатках, где раньше помещались домашние учителя и учительницы. Роскошные спальни и гостиные были отведены под книжные склады. Полки еще не были готовы. На консолях стиля Людовика XV высились груды изданий «Сенит», «Хуветуд», и «Агилар». Больше ста тысяч реквизируемых, купленных или пожертвованных книг валялись по всей комнате.

Живя здесь на положении гостя и внося с собой атмосферу фронта, я невольно заражался той атмосферой, которая царила в «Культура популар». Среди ее сотрудников я был «солдатом», как среди солдат, помимо собственной воли, я был писателем. Десятки очерков и статей были написаны мной для стенных и окопных газет. Сколько раз, попадая в условия, совсем не подходящие для литературной деятельности, я под ливнем снарядов принимался за статью.

¹ Союз антифашистской интеллигенции

Сотрудникам «Культура популар» самим приходилось нести ночные дежурства. Пять-шесть винтовок, несколько сот патронов и револьверы — в этом заключалось их вооружение. Только отправляясь на фронт и зная заранее, что на дороге, по которой им придется ехать, не совсем спокойно, они просили охрану. Их молодой энтузиазм давал исключительные результаты. Они обходились без правительственной субсидии. Другие организации помогали им раздобывать бензин, книги и канцелярские принадлежности, и только. Все сотрудники «Культура популар» числились военнообязанными и получали десять песет в день. Эта организация, созданная всего месяц назад, достигла к тому времени широкой популярности. Так почти всегда и бывает: кто меньше всего думает о показной стороне своей деятельности, у кого нет и тени корпоративного чванства, тот как раз и пользуется наибольшей известностью и уважением.

★

Когда я снова вернулся из Гвадаррамы в Мадрид, председатель Национального комитета предложил мне:

— Мы собираемся на фронт, под Кордову. Поедем с нами?

Я не был там ни разу и потому охотно принял его предложение. На поездку нам было дано десять дней. Мы захватили с собой две передвижных библиотеки для бойцов. По дороге останавливались в деревнях, проводя летучие митинги.

Выехали мы вечером, ужинали в Аранхуэсе. Местные крестьяне предупредили нас, что дорожная охрана далеко не на высоте. Тогда мы решили перестроить нашу экспедицию по образцу военной колонны. Впереди, с разведывательными целями, двигалась легковая машина, в которой ехали двое вооруженных винтовками товарищей из «Культура популар» и я; со мной был карабин системы Маузер. За нами, соблюдая дистанцию в пятнадцать метров, следовали грузовики, а на километр дальше шла другая легковая машина.

В Оканью мы прибыли в полночь, проспав несколько часов кряду и, не дожидаясь рассвета, снова двинулись в путь. Был полдень, когда мы взяли перевал Сьерры Морены. Все расселины и ущелья — классические ущелья Деспенья-перроса — охранялись вооруженными крестьянами.

Внимательно осмотрев наши паспорта и пропустив нас, один из них вышел на шоссе и затрубил в трубу. Это был условный сигнал для находившихся впереди военных постов. Теперь мы могли двигаться без остановок. Крестьяне забросали нас вопросами о ходе военных операций под Мадридом и заверили, что здесь, пока они живы, мятежники не пройдут.

В три часа дня мы подъехали к Монторо. Здесь находился штаб участка фронта. Монторо, где всего около десяти тысяч жителей, напоминает скорей города Леванта, чем Андалусии. В нем нет воздушной легкости, он массивен и прочен. Мы останавливаемся на площади, как раз напротив величественного темнокоричневого собора, напоминающего собой киль корабля. Несколько товарищей остаются здесь, чтобы приготовить нам ночлег. А мы, погрузив на легковые машины все, что может нам пригодиться в дороге, решили ехать к первой линии наших окопов. Жена одного из товарищей просит нас взять ее с собой. Это красивая андалуска, смуглая, хрупкая и очень нервная. Вся она точно из хрустала. К ней не приставала дорожная пыль, бессонные ночи не оставляли на ней следа — так непобедима ее весенняя свежесть. Стоит дотронуться пальцем до хрустальной чаши или прошуметь где-то поблизости ветру, и она уже отвечает еле слышным звоном. Так и наша андалуска. Достаточно бросить на нее беглый взгляд, сказать ей самую незначительную фразу — и голос ее звенит чистым звоном хрустала. Она работает в «Культура популар». Ей поручено составлять библиотеки для детских пунктов и программы культурных развлечений для детей. Крайне огорченная тем, что мы оставляем ее в Монторо, она подходит ко мне, потом к другим товарищам, и мы, понимая, что ее присутствие может только придать нам бодрости, уступаем ее настойчивым просьбам.

Мы едем в Адамус по ровной, но очень пыльной проселочной дороге. Следующий за нами автомобиль предусмотрительно соблюдает порядочную дистанцию. Мелькают виноградники, оливковые рощи. Вот уже и село. Женщины неуверенно смотрят на нас с порога и ждут, чтобы мы подняли кулак: еще недавно здесь хозяйничали фашисты, грабили и убивали. Но две крупной дробью охотничьи ружья и запас-недели назад крестьяне, взяв заряженные

пись динамитными патронами, отвоевали село и арестовали помещичьих сынков.

— Расстреляли мы только трех,— сообщил нам один крестьянин,— тех, что убили руководителей крестьянского союза. Остальные, хотя мы и захватили их с оружием в руках, не так опасны. Но если нам придется покинуть село и пойти на соединение с другими частями, тогда, конечно, ничего не поделаешь... А то нашим старикам здесь будет беспокойно.

Этим он хотел сказать, что только в самом крайнем случае они решатся расстрелять пленников, помещичьих сынков, которые из века в век возбуждали к себе ненависть крестьян. В 1934 году, вскоре после победы правых на выборах, я слышал разговор двух помещиков из этой провинции, и один из них, сверкая злобными глазками, сказал:

— Я не успокоюсь, пока батраки не устроят потраву.

Он мечтал довести крестьян до того, чтобы они, как козы, вышли на подножный корм и щипали траву. Надо сказать, что мечта эта почти осуществилась: зимой 1935—1936 гг. многие крестьяне питались одними вареными кореньями. И вот теперь эти крестьяне, отнюдь не отличавшиеся особой культурностью и тонкой духовной структурой, охраняли жизнь помещичьих сынков.

За семь дней, пока здесь орудовали мятежники, в селе не осталось ни одного дома, где бы не оплакивали убитых. Руководителей профсоюза фалангисты привели на кладбище и заставили рыть себе могилу, а сами издевались над ними:

— Вы же сами говорили, что земля должна принадлежать тем, кто на ней трудится,— вот и получайте свой надел. Будьте спокойны: теперь до второго пришествия никто у вас эту землю не отнимет.

— Можешь больше не копать. Собак глубоко не зарывают.

Один из фалангистов предложил вырыть в земле ступеньку, чтобы крестьяне могли положить на нее голову, как на подушку.

— Так вам удобней будет лежать,— добавил палач.

Крестьяне молча продолжали рыть землю. Залпов по ним не давали. Фалангисты расстреливали их в упор по одиночке. Для них это были удобные мишени, и они уп-

ражнялись в стрельбе. Один крестьянин неожиданно бросился бежать, но его ранили в ногу, и он упал. Тогда фалангисты заставили его присутствовать при казни товарищей и после этого, не оказав медицинской помощи, продержали еще три дня в тюрьме, а на четвертый день опять повели на кладбище. Там он должен был вырыть могилу. Ему сказали, что это не для него. Когда же могила была вырыта, палачи приказали ему лечь туда и вытянуться во всю длину, чтобы проверить, достаточно ли длинную яму он вырыл, может ли там поместиться человеческое тело. Едва он лег, как раздалась выстрелы. Не зная, мертв крестьянин или еще жив, фалангисты приказали могильщику засыпать яму.

Все это рассказали нам адамуские крестьяне.

— Негодяи,— говорили они.— Кто бы мог подумать, что образованные люди дойдут до такой низости!

— Да они всегда такими были.

К одному из моих спутников подошла старуха и дернула его за рукав:

— Ты, сеньор, расскажи там, в Мадриде, все расскажи! Моему Антонито, сыночку моему дорогому, руки связали.— Женщина сложила свои тонкие, как у ребенка, руки.— Если б не веревки, он бы кулаком отбил от этих говенных барчуков, да руки у него связаны были, они его и прикончили. А вот ее мужа,— старуха показала на одетую в траур крестьянку, которая, содрогаясь от беззвучных рыданий, кусала платок,— убили дома, на постели. Старик уж столько времени лежал больной. Пошел как-то за оливками, да ветер дул холодный, он простудился и слег. Тут ворвались разбойники, словечко больному вымолвить не дали, убили как итицу.

Мы дрожали от негодования. За что они убили старика? Чем вызвана эта жажда крови, эта жестокость?

Ответ на эти вопросы дала нам все та же старуха, продолжавшая свой рассказ:

— А провинился перед ними соседкин муж только тем, что два года назад пошел с другими батраками просить, чтобы им за сбор оливок жалованья прибавили—хозяева платили всего полреала в день. Он все время молчал, говорила-то молодежь.

Следы преступлений виднелись всюду. Выслушивая бесконечные повести о казнях и пытках, мы невольно подумали, что это уже не война, что какое-то повальное бе-

шенство охватило фашистов. Из их лагеря дул нам в лицо удушливо жаркий и злобный ветер. В средние века, да и теперь еще в деревнях, когда начинается эпидемия, говорят, что «воздух загнил». Только теперь, думая о лагере Франко, я понял, как это верно сказано. Убийство вошло у фашистов в привычку. День монархистов и молодчиков из фаланги складывался так: утром они причащались, затем шли в тюрьму, уводили оттуда человек десять-двенадцать на кладбище. Полчаса — и церемония казни окончена. Теперь они со спокойной совестью могли вернуться домой, ласкать своих деток и без конца толковать о морали, семейных устоях и любви к отечеству. Один беглец из фашистской Кордовы сообщил нам потрясающие факты. Фашисты принудили молодого доцента вступить в их армию, но он при первой возможности перешел к нам. Тогда вся тяжесть репрессий пала на его семью: фашисты постепенно уничтожили ее всю до единого человека. Жену доцента, несмотря на то, что она кормила грудью шестимесячного сына, арестовали и запретили передавать ей пеленки. Мыть ребенка ей тоже было запрещено. У нее исчезло молоко, — фашисты запретили искусственное кормление. Так она просидела в тюрьме двадцать пять дней. Тогда у нее вырвали из рук полумертвого от голода ребенка и прислали священника. Как только закончилась исповедь, за ней пришли и увели на кладбище.

— Всего в Кордове фашисты убили за это время около девяти тысяч мужчин и женщин, — добавил наш собеседник.

Нам принесли номер газеты, издававшейся в Кордове, и мы с жадностью набросились на него. Это была смесь глупости и сознательной гнусности с чувствительными виршами, авторы которых сюсюкали о «марроканцах, грядущих к нам из страны полнолуния». Вся эта гнусная жвачка не могла вызвать у нас ничего кроме отвращения и ненависти. Ненависти к тем, кто из любви к искусству, просто, чтобы проявить свою силу, свою разнузданность, проливает моря испанской крови. Над этими чудовищными преступлениями фашисты пытаются водрузить мифический стяг «справедливости», а на деле лишь расширяют русло, по которому нескончаемым потоком течет невинная кровь. В конце концов они рухнут туда сами и потонут в этой крови. А пока, за несколько километров отсюда Кейпо де Льяно продолжал

пачками расстреливать рабочих, имена которых значились в профсоюзных списках, за то, что они якобы замыслили стачку. А сколько женщин погибло в Кордове, в Севилье, в Гренаде! Их заставляли смотреть, как убивают мужей, а самих расстреливали вместе с голодными и полураздетыми детьми, в отчаянии и страхе цепляющимися за материнскую юбку. И тот же Кейпо де Льяно не уставал пьяным голосом вопить по радио, что он — представитель законного порядка, призванный охранять устои семейной и всякой иной морали.

Мы оставили нашу спутницу в Адамусе. В ее хрустально нежном голосе послышались было металлические нотки, но мы настояли на своем. Вести ее дальше было опасно. Каждую минуту мы могли встретиться с врагом. Как раз вчера произошел подобный инцидент, стоивший жизни одному из андалусских бойцов. Он охранял перекресток шоссе. Вдруг из оливковой рощи вышел плотный мужчина лет сорока пяти. Глаза его блуждали, и вид у него был крайне возбужден. Одет он был по-крестьянски, и только поэтому боец не опознал в нем местного священника. Тот окликнул бойца по имени и попросил у него воды. Когда же боец, отложив в сторону винтовку (крестьяне захватили у фашистов две дюжины винтовок), стал отвязывать флягу, незнакомец вонзил ему нож в живот. Боец упал. На крик сбегались четверо караульных. Поп бросился наутек, но выстрелы уложили его на месте.

Крестьянин, рассказавший мне этот случай, добавил:

— Послушались бы меня, этого бы не случилось. Я еще тогда говорил крестьянам, что попа нужно арестовать и запирать в свинарник. А они мне ответили: «Если священник ведет себя прилично, зачем же мы будем его трогать?» Вот тебе и прилично! Священники могут сражаться против нас, а мы, выходит, не должны?..

Другие возражают ему, что в некоторых ближайших селениях священников любят и уважают за то, что они «бедняку — друзья», но он не хочет делать никаких исключений.

— Ну, сел на своего конька! — смеются крестьяне.

Мы оставляем нашу спутницу в муниципалитете и отправляемся в Вильяфранка де Кордова. Выезжаем за село. Навстречу

нам — отряд всадников на красивых, рослых конях. Поясов у всадников нет, на голове у них — кордовийские сомбреро, винтовка упирается в бедро, руки крепко сжимают поводья; у всех — резко очерченный профиль. Держатся они на лошадях с крестьянской ловкостью и своеобразным изяществом.

— Завидите Вильяфранку — гоните быстрей, — поровнявшись с нами, напутствуют они. — А то фашисты часто обстреливают въезд в село.

Дорога тянется вдоль холмов, скрывающих горизонт. Пыли здесь еще больше. Золотясь из солнца, густым облаком поднимается она над дорогой.

Еще двадцать минут — и в глубине долины завиднелась Вильяфранка. Дорога идет под уклон. Первая линия вражеских окопов находится в километре от села, и мы, естественно, попадаем в поле зрения фашистов. Шоферы развивают скорость, автомобили стремительно вылетают на площадь и останавливаются. Крестьяне поспешно заряжают винтовки и бегут на подкрепление к своим товарищам-фронтникам. Слышится ружейная и пулеметная стрельба. Тщетно пытаемся мы заговорить с крестьянами. Никто не обращает на нас никакого внимания.

Через десять минут мы снова видим те же группы крестьян-бойцов. От них отделяются члены местного комитета и идут к нам. Мы знакомимся; они встречают нас дружелюбно, но с удивлением. Мы сдаем им все, что привезли с собой из Адамуса: книги, брошюры, журналы и воззвания. Узнав, что мы специально для этого приехали из Мадрида, они крепкожимают нам руки. Мы спрашиваем у них о причине «тревоги», но в этот момент к нам подходит алькальд и объявляет, что мы ухитрились, не вылезая из автомобилей, выиграть сражение. Противник заметил пыль, которую подняли на дороге наши машины, и решил, что это идет на подкрепление сильная колонна. Как раз в это время наши двинулись в атаку. Противник после нескольких минут колебания в беспорядке отступил, оставив на первой линии больше двадцати винтовок и пулеметов. До нас сюда никто не приезжал, и бойцы жаловались, что им не посылают ни винтовок ни людей.

— Мы отняли у фашистов двадцать винтовок, да свои еще были. Но у боль-

шинства — охотничьи ружья. Старики и женщины, не разгибая спины, шьют нам белье. Один товарищ каждый день обходит ближайшие села и приносит из охотничьих магазинов пустые патроны, а мы их заряжаем. Пойдемте с нами — увидите.

Мы входим в просторную комнату. Здесь работают человек двадцать женщин и стариков. В глубине пылает печь. При помощи кузнечных мехов и каменного угля поддерживается температура, необходимая для плавки свинца. В углу комнаты свалены в кучу водопроводные трубы.

— Воду хотели провести в село, — показав на них рукой, объяснил товарищ. — Ну да если мы победим, так в трубах нехватки не будет, правда?

Два старика топором разрубают свинец на мелкие куски и бросают их в плавильню. Из них получают пули — сферические или цилиндрические — в зависимости от калибра винтовки. В другом углу комнаты женщины заряжают патроны, разложенные на ящиках.

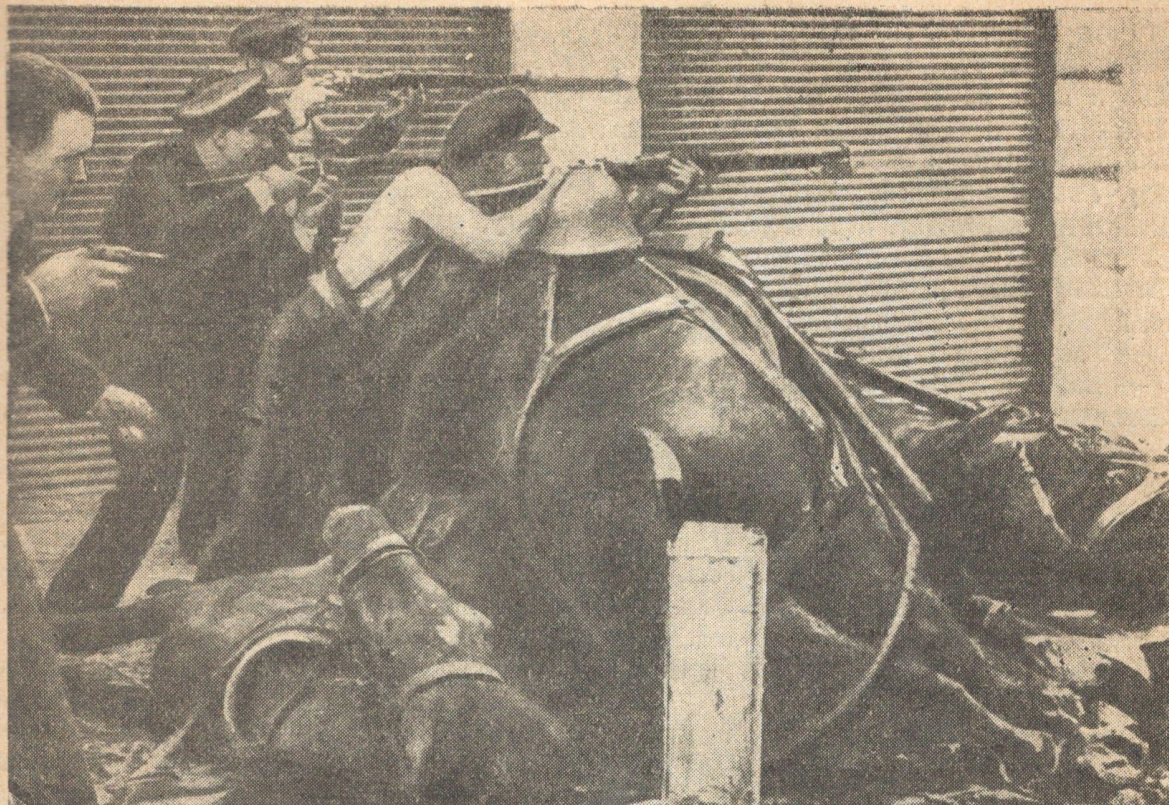
— Мы делаем и динамитные патроны, — с гордостью объявил нам крестьянин.

Не только динамитные патроны, но и порох для зажигательных бомб.

— Сахару целый месяц никто в рот не берет. Мы его бережем для взрывчатого вещества.

Поднимать настроение бойцов оказалось ненужным. Здесь требовались лишь пулеметы и винтовки. Как и в Адамусе, местные крестьяне просили у нас брошюры Хосе Диаса. Меня сперва удивило, что здесь, в глуши, далеко от железной дороги, имя секретаря коммунистической партии пользуется такой популярностью, но вскоре я узнал, что Хосе Диас родился в одном из окрестных сел.

Стоя на грузовике, мы беседовали с крестьянами. Для того, чтобы у них создалось отчетливое представление о ходе нашей борьбы, мы подробно рассказали им о том, что делается на каждом фронте, о той работе, которую ведет Народный фронт по организации промышленности и сельского хозяйства. Военные победы мы связывали с социальными. При неумолчной пулеметной трескотне, перед этой горсточкой героев развертывались перспективы демократической революции. Закончился митинг громким «ура» республике и правительству Народного фронта.

Боевой эпизод

Вернувшись в Адамус, мы застали нашу спутницу в кругу членов комитета. Те рассказывали ей о своей работе, о борьбе, о семейной жизни. Она рассказывала нам о Мадриде и делилась впечатлениями о тех провинциях, которые ей удалось посетить. Женщины принесли ей букет гвоздик. Наша спутница была растрогана этим искренним и милым вниманием. Когда они ушли, она еще долго восхищалась их природным тактом и откровенностью. Затем она повела нас на площадь и показала шестилетнего ребенка с обвязанными глазами. Он сидел под пальмой и старался насыпать кучу земли. Видимо, он еще не знал тех игр, в которые играют слепые, и тщетно пытался продолжать свои прежние игры.

— Он слепой, — пояснила нам спутница. — Марокканец убил его мать, а сам ушел, потом вернулся и вырвал ему глаза. Взгляд ребенка могут выдержать только те, у кого чиста совесть.

Мне вспомнились жители марокканских поселков. Их держали в физической и духовной нищете для того, чтобы потом использовать в Испании как «спасителей родины». Достаточно появиться какому-нибудь дегенерату вроде Франко и вот уже

марокканцы насилуют наших жен и лишают света наших детей.

Я взял ребенка на руки.

— Где твой отец?

— Пошел на фронт наказывать фашистов.

Н а к а з а т ь. Отец, несомненно, казался ему всемогущим, и его кара должна была пасть на голову фашистов как проклятие, от которого иссыхают поля и отравленной становится вода. И до известной степени ребенок был прав.

Я был так взволнован, что не мог выговорить ни слова.

— Твой отец сражается вместе со всеми нашими героями, и он доживет до дня нашей победы — подумал я. — А если погибнет, ты станешь нашим общим сыном.

Кабеса Лихар

Полночь. Бойцы отправляются в караул. Те, что провели весь день в напряженной работе, ложатся спать. Я тоже собираюсь лечь — в первый раз за много дней. Вдруг входит загорелый мужчина атлетического телосложения. Мы знакомимся. Лейтенант артиллерии П. спрашивает, нет ли тут

чего-нибудь поесть. Мы вдвоем производим осмотр кухни. Обнаруживаем кофе, молоко, яйца и шпоре из овощей. Теперь остается разыскать оливковое масло. Кто-то из нас находит бутылку и льет из нее на сковороду. Увы, это керосин! Надо хорошенько вычистить сковородку, а то хорошая выйдет яичница! Лейтенант с ловкостью заправского повара распоряжается кастрюлями, но это не мешает нам разговаривать.

— Где твоя батарея?

— На Гвадарраме. Сегодня ночью снимаемся и уходим в Пегеринос.

Батарея лейтенанта П. славилась своей неутомимостью и бовыми заслугами. Нашему отряду не раз приходилось участвовать вместе с ней в бою, и лейтенант П. всегда оставался доволен этим сотрудничеством.

— Вчера на Вальделасьерре фашисты вывели из строя часть моих орудий. Если бы не вы, итти бы нам всем к чертовой матери.

Лейтенант рассказал мне, что стоявшие впереди гражданские гвардейцы и даже бойцы народной милиции бросили его батарею на произвол судьбы.

Лейтенант принимается за еду. Я подаю ему. У нас было такое правило: кто уже насытился, тот должен накормить голодного.

— Не понимаю, о чем думают в Мадриде. Что-то невероятное творится.

Сегодня утром мы помогали батарее 155-миллиметровых орудий стать на позицию. Это надо было проделать ночью, но неизвестно из каких соображений нам приказали выставить батарею в девять часов утра. Кроме того, батарея отлично делала бы свое дело и за четыре километра позади нас, но кому-то пришло в голову выставить ее на три километра вперед, то есть почти на расстояние ружейного выстрела от позиции противника. Произошло то, чего и следовало ожидать. Едва сняли орудия с грузовиков и стали перетаскивать их с Кольядского шоссе на небольшую эспланаду, находившуюся меньше чем в десяти метрах от него, — что было также непозволительно оплошностью, потому что наша батарея привлекла огонь противника, и он начал обстреливать шоссе, следовательно, прекратилось всякое движение, — как на батарею посыпались снаряды крупного калибра. Мой отряд находился тут же и орудовал кирками и лопатами. К нам присоединилась восемнадцатилетняя девушка-боец. Под градом вражеских снарядов мы продолжали свою работу. Один снаряд

в щелы разнес пушку. Другой угодил в грузовик с боеприпасами, и он, разорвавшись на мелкие осколки, взлетел на воздух. Мы решили немедленно донести об этом в штаб, — надо было спасти три оставшихся орудия. Но едва мы вышли на дорогу, как девушка вдогонку закричала:

— Не будьте трусами, товарищи! Не бросайте орудий!

Орудийная прислуга укрывалась в траншее. Нам же пришлось играть со снарядами в прятки. В промежутке между двумя взрывами мы вставали и принимались за дело. Догадываясь по звуку, что снаряд разорвется за сорок-пятьдесят метров от нас, мы только чуть пригибали голову. Еще снаряд, этот берет на октаву ниже, значит, он разорвется над головой. Мы ложимся на землю. Где-то, совсем рядом, раздается взрыв.

Мы пытались убедить девушку, что здесь нам, в сущности, нечего делать и что куда лучше было бы снять отсюда орудия, которые все равно бездействуют. Но она упорно продолжала стоять возле одного из этих орудий. Тогда мы приказали ей следовать за нами. Она отказалась наотрез. Не прошли мы и двадцати метров, как ее убило снарядом.

Лейтенант, узнав о случившемся, был вне себя от возмущения.

— Лучше ни о чем не думать, — говорил он. — К чему отравлять себе существование? Когда и жить-то, может быть, остались считанные дни.

Он помолчал немного и, явно противореча себе, спросил:

— А почему ты не хочешь итти со мной в Пегеринос?

На это я ответил ему, что я лично с радостью пошел бы туда, а с отрядом надо поговорить отдельно. Лейтенант начал с жаром уговаривать меня, доказывая, что там совсем иные условия.

— В моей батарее служит офицер, которого ты знаешь, — добавил лейтенант. Он имел в виду сына известного либерала дона Анхеля Оссорно.

Вошел Пенья. Неграмотный мадридский каменщик, он служил в батарее лейтенанта П. На вид ему можно было дать лет сорок с лишним. Лейтенант рассказал мне, что Пенья уже три дня, где бы он ни был, в траншее, возле орудия, всюду приставал к бойцам и просил иголку: ему во что бы то ни стало хотелосьшить на грудь красную шелковую ленту. Вот и сейчас он пошел на кухню, разбудил струю, сестру

нашего бойца Висенте, и взмолился к ней. Та исполнила его просьбу, но, пришив ленту, наградила его здоровенным пинком в зад. Несмотря на это, Пенья сиял. Бережно ощупывая свой пышный бант, он подошел к лейтенанту и сказал:

— Эту ленту я ни на твои звезды, ни на генеральские нашивки не променяю.

Оба выпили по чашке кофе и ушли.

— Так ты запомни: завтра я со всеми орудиями перехожу на Кабеса Лихар,— сказал мне на прощанье лейтенант.

Наш отряд, подчиняясь командованию фронтом Гвадаррамы, пользовался все же некоторой автономией. Мы собрались, чтобы обсудить предложение лейтенанта и согласились с ним, решив выехать отсюда завтра вечером.

Выехали мы на двух семиместных автомобилях, которые мы получили из гаража в Вильальбе. У одного из них, доброго старого рольса, не было ни рожка, ни стекла, а кузов изрешетили пули. Молодой шофер-коммунист явно гордился этой машиной. В нее стреляли из мортир, из пулеметов, из винтовок, к ней пристреливалась легкая артиллерия, за ней охотились истребители и бомбовозы, а она, храня суровый вид потерпевшего в боях ветерана, все так же уверенно двигалась вперед. Наш отряд, где объединились представители различных политических течений, являл собой живую иллюстрацию к идее Народного фронта и как бы подтверждал ее реальность. Вот этот юноша-галисиец — член левой республиканской партии, четверо коммунистов, еще четверо — среди них командир Рикардо — социалисты, двое из НКТ и двое беспартийных — шофер второй машины и я. Вот партийный состав нашего отряда.

Мы проезжали мимо батареи лейтенанта П. Орудия все еще не сняты. Шоферы развивают бешеную скорость — здесь снаряды падают особенно густо. Вот уже Гвадаррама позади, мы сворачиваем налево и мчимся по направлению к Эскориалу. В Эскориале нам пришлось остановиться. Патрули сообщили нам, что штаб участка вызывает нас по телефону. Мы вернулись.

В Пегеринос мы приехали через два дня. Там находились рота штурмовых гвардейцев, интендантское управление и санитарная часть. Мы зашли в алькальдию и связались по телефону с лагерем. Нам ответил товарищ, в котором нетрудно было угадать иностранца. Он соединил нас с батареей лейтенанта П. Тот звал нас немедленно и обещал накормить, но тут снова

вмешался иностранец и сказал, что сначала мы должны побывать у него в гостях.

До лагеря нужно было проехать восемь километров. Солнце жгло, как раскаленный свинец. Вскоре мы добрались до места.

Товарищ, с которым мы разговаривали по телефону, приехал к нам из Югославии. Лицо его покрыто золотистым загаром. Он белокур, но пыль и солнце превратили его в шатена. Он принял нас в шалаше из сосновых веток, в котором одновременно помещались телефонный участок, штаб, интендантское управление и касса. Снабжение лагеря зависит исключительно от нашего хозяина. Достаточно перекинуться с ним двумя словами, чтобы распознать в нем образованного и привыкшего к походной жизни человека. Он сообщает нам, что ему удалось телефонизировать весь лагерь и что через три часа после того, как батарея лейтенанта П. была выставлена на позицию, к ней уже провели телефон. Помимо других войсковых частей, здесь находятся две авиационные роты и пехотный батальон под командой Фернандо де Роса.

Два фашистских разведывательных самолета пролетели над нами и сбросили печатные листовки. Солдаты подобрали их, и, рассевшись группами, принялись за чтение. Послышался смех. Франко обещал сохранить жизнь всем перебежчикам.

— Это как в португальской сказке: «Вытащи меня из колодца, я тебя пощажу», — шутили солдаты.

★

Дорога, по которой мы ехали от Пегериноса до лагеря, здесь и кончалась. Впереди — гора высотой в 1 200 метров. На севере и на востоке вздымаются ее остроконечные вершины. Батарея лейтенанта П. заняла позицию между этими двумя вершинами. Горные мулы, привыкшие взбираться над пропастями, перенесли ее туда по частям.

Около трех километров продирались мы сквозь чащу соснового леса и заросли кустарника и, наконец, увидели лейтенанта. Кроме него да двух сержантов никого из офицеров при батарее не было: капитан спустился в лагерь, другой офицер уехал на побывку в Мадрид. Командовал батареей лейтенант. К нашему приходу он успел откупорить бутылку коньяку, но, прежде чем поздороваться, спросил:

— Вы, конечно, остаетесь здесь?

С горы открывался вид на Сан Рафаэль и Альто дель Леон. Позицию для батареи

выбрали рискованную и вместе с тем стратегически выгодную. Отсюда виден был противоположный склон Гвадаррамы, и мы могли, заняв эту высоту, обстреливать противника не только с фланга, но и с тыла. Под шатром сосен, накрытые зелеными ветками, на небольшом расстоянии друг от друга расположились орудия. Из густой зелени чуть заметно высовываются стальные жерла и поблескивает медь. Сзади, на расстоянии ста метров, вытянулись в ряд накрытые палым листом повозки. Еще дальше, почти невидимые среди раскидистых сосен, сгрудились мулы. Солдаты построили себе шалашей, и чуть что, не успеешь оглянуться, как они уже там.

Лейтенант показал нам позиции мятежников. За это время батарея установила местонахождение десяти орудий тяжелой артиллерии противника.

— Пятьдесят снарядов, и я их в шепки разнесу, — возбужденно проговорил лейтенант.

Нам удалось разглядеть только четыре пушки. Лейтенант был в восторге от своих открытий, на которые он потратил три дня и три ночи неустанный наблюдения.

— Что ж, по ним? — подзадорил я лейтенанта.

— Да мне стрелять не дают! Безобразие...

— Как так?

— Четыре дня я вижу, как противник обстреливает наши позиции под Гвадаррамой. У меня все нервы напряжены, а по телефону — будь проклят тот час, когда его провели — из Пегериноса, из Эскориала, из Мадрида твердят одно и то же: «Не стреляйте! Не открывайте огня впредь до особого распоряжения».

Позиция мятежников — у нас, как на ладони. Воображаю, в какое замешательство пришли бы от неожиданности фашисты, если бы мы атаковали их с тыла! На лево видна моя прежняя дача. Спуститься бы туда! Я обращаюсь к известному своей храбростью Бодину:

— Идем вниз?

Бодин подбегает ко мне и снимает с плеча винтовку... Нет, это даже не безрассудно, это просто глупо.

По дороге непрерывно движутся фашистские грузовики с продовольствием и, при виде их, мы готовы плакать от досады.

— В военном министерстве изменники. Вот бы до них добраться! — бормочет Бодин.

— Я предлагаю все же открыть огонь, а после сказать начальству, что нас атаковал противник.

— На войне все должны подчиняться приказанию, — возражает лейтенант. Но дело в том, что мы сомневаемся в честности, тех, кто отдает эти приказания. Я оглядываю лагерь. Маскировка произведена умело. В любом солдате, который то прячется, то выходит из своего шалаша есть нечто от Робинзона Крузо. Неумоимо снует мимо нас сержант. За несколько дней у него отросла длинная борода. Гетр у него нет, ноги исцарапаны чертополохом. Из-под рубашки выглядывает волосатая грудь.

Мы сообщили лейтенанту, что сегодня над лагерем летали разведывательные самолеты противника.

— Час назад я слышал гул моторов; должно быть, это те самые, — решил лейтенант.

Видеть он их не мог, потому что на юге небо закрывалось горой. Через несколько минут где-то вдали снова загудели самолеты.

— Может быть, наши?

Летели они со стороны фашистов. Мы притаились в ожидании. Еще две-три секунды — и над одной из вершин, правда, далеко от нас, показались построенные в виде стрелы пять черных трехмоторных бомбовозов-юнкерсов, а значительно выше — четыре истребителя. Никто уже больше не сомневался в том, что это фашистские самолеты. Приближались они медленно, но верно, с торжественной плавностью.

— Ложись! — скомандовал лейтенант.

Фашисты летели по направлению к лагерю. Он был прекрасно организован, храбрости ребят и командира Фернандо де Роса можно было только позавидовать, но чем они могли отбиться от самолетов? Самолеты, пролетев над долиной, повернулись на 90 градусов и решительно двинулись на нас. Чтобы не оставлять на виду ничего металлического, мы положили винтовки под живот. Чья очередь выиграть в сегодняшней лотерее смерти? Самолеты уже над нами. Лейтенант все время стоит, но теперь и он поспешно ложится. И тотчас под нами словно обвалилась гора. Дым, смешавшись с землей, закружился вихрем. Еще взрыв, долгий и сухой. Тишина. Снова, раз за разом грянули взрывы. Гудит в ушах, в голове. Что-то влажное и теплое выступило у меня на лбу. Не прекращает-

ся гул самолетов. Они повернули и снова летят на нас. Вторая порция гранат. Сзади визжат раненные лошади. Каждый самолет сбрасывает по четыре-пять бомб сразу. Мы оглушены. Нас окутал дым, земля забросала сухими комьями. Я вижу, что бомбовозы в третий раз делают поворот и летят на нас. «Все кончено, мы открыты и нас уничтожат, остается только покорно ждать смерти» — вихрем пронесется у меня в мозгу. Дым понемногу рассеивается. Рядом стонут раненные. Я провожу рукой по лбу. На нем кровь и мозг одного из моих товарищей. Самолеты возвращаются. Тогда лейтенант, тоже запачканный кровью, встает и, вытянувшись как на параде, кричит:

— Товарищи! У нас нет зенитных орудий, нам нечем защититься от смерти, но у нас есть что отдать республике и родине. Отдадим за нее жизнь. Первое, второе, третье, четвертое, орудие, приготовься!

Бойцы бросились к орудиям.

— Смирно! — скомандовал лейтенант.

Мы все встаем. Бодин запекает «Интернационал». Вверху гудят бомбовозы и от их гудения дрожит небесная лазурь. Падают гранаты. Стонет гора. Я вижу, как пошатнувшись, падает Бодин.

— Да здравствует народная Испания! Да здравствует веки! — кричит лейтенант.

Мы дружно хором отвечаем ему и снова ждем самолеты. Мы уверены, что они не улетят до тех пор, пока не истребят нас всех до одного. Но, должно быть, у них не хватило бомб, и они исчезли. Мы поспешили на помощь к раненым. Всюду кровь, трупы. Больше двадцати мулов и лошадей разорваны на куски. На дереве — лилово-красной змеей повисла кишка. В нашем отряде двое убитых. Бодин ранен в ногу, всего шесть раненых. Один из них умер потом на носилках. Телефон молчит. Звоним в лагерь и просим носилки и санитаров. Лейтенант дозвонился, наконец, в штаб.

— Вот, не угодно ли, мы открыты, нам нечем защититься от самолетов... и все-таки не смеем стрелять... — окончив разговор, упавшим голосом сообщает он.

Необходимо сейчас же менять позицию, но приниматься за это днем бесполезно. Приходится ждать ночи. Мертвенно бледный Висенте отзывает меня в сторону и, как всегда возбужденно жестикулируя, говорит:

— Нельзя этого требовать от человека. Хотите, чтобы он сражался, рисковал жизнью в бою? Пожалуйста, хоть сейчас. Но ждать, пока противник нас всех не переклопает и не смеет стрелять, этого от человека требовать нельзя. Почему молчат наши пушки? Почему в военном министерстве до сих пор держат изменников? Разве так трудно вывести их в расход? Долго еще мы будем скривить перьями по бумаге, пока фашисты истребляют наши семьи? Ты тут подставляешь грудь под снаряды и грызешь деревья от бешенства, а эти сукины дети — командиры продают нас направо и налево.

Начинает смеркаться. Подходят санитары. Рикардо наложил Бодину временную повязку. Рана не очень опасна. Кости не повреждены. Картечь вырвала кусок мякоти. Бодин не хочет в лазарет, но его силой укладывают на носилки. Он поет «Молодую гвардию». Его уносят, и нам еще долго слышится его голос.

Сейчас уже совсем темно. Надо начинать переброску орудий. Нет ни одной здоровой лошади или мула. Пришла очередь впрягаться людям. Но перетаскивать орудия над пропастью, по узкой тропинке, где привыкли лазить одни лишь козы, — не так просто. Одно из орудий чуть было не скатилось в бездну, бойцы подставили спины и удержали его. Бойцу прижало руку к скале и отрезало четыре пальца. Ветеринар тут же оказал ему примитивную помощь, но всю ночь слышались его тяжкие стоны.

К утру батарея заняла позицию в восточной части Кабеса Лихар. Эта новая позиция по своему стратегическому значению не уступала первой. Всем нам хотелось спать, но лейтенант приказал выставить охрану; лег утренний туман и в трех шагах ничего не было видно. Свободные от караульной службы бойцы, положив под голову пальто, растянулись на земле. Со снеговых вершин дул резкий ветер и холодно было как зимой, хотя еще не кончился август. Лейтенант откупорил последние две бутылки коньяку, но он не согрел нас. И вдруг опять послышался гул самолетов. На этот раз они пролетели невидимо. Плотная завеса тумана скрыла их от нас. Висенте старался угадать, откуда надвигалась опасность, но гул самолетов слышался со всех сторон.

— Это не бомбовозы, это разведчики, — заметил кто-то.

В вышине затрещали пулеметы. Снавшие бойцы проснулись и встали.

— Должно быть, они вступили в бой с нашими истребителями.

Эта фраза сильнее коньяка подействовала на нас. В том месте, где мы укрывались вчера, слышались взрывы. Или германские пилоты сами одурели, или нас считали за дураков.

Потом самолеты снова очутились над нами и раздался треск пулеметов. Засвистели пули. Очевидно, враг приметил нас.

— С ума можно сойти. Уж лучше гранаты, — процедил сквозь зубы Виценте.

Бойцы сжались в крошечный комочек. Взять в руки винтовку или гранату — бесполезно. Молчим и ждем, сами не знаем чего. Неужели так мы и будем воевать? Выстроиться в шеренгу и пойти? Смерть все равно настигает нас по пятам. Туман, скрыв от нас самолеты, окутал эту смерть тайной. К нашим обычным переживаниям примешался еще страх перед неизвестностью. А это своего рода утонченная пытка. И порой неудержимо хочется крикнуть, не для протеста, но в оправдание:

— Мы хотим сражаться с людьми, а не с машинами.

Дон Кихот сказал однажды Санчо, что он не любит ни аркебузы, ни пистолета, потому что из этого гнусного оружия слабый может застрелить сильного. Эта истина угнетала нас в первые месяцы войны. Скрывшись в тумане, машина ищет нас и безнаказанно льет разящую сталь. Человеческое тело может противопоставить ей только одну крепость — свое сознание, но сознание может научить нас лишь бесстрашной смерти. Оно не в силах удержать снаряды. Оно повелевает нам гордо встретить их и подставить им грудь. А зародилось это сознание для того, чтобы жить в победе. Да, мы хотим победить и, победив, жить. Но невнятный голос шепчет нам, что, и умирая, можно одержать победу. Пролывая свою кровь каплю за каплей, испанский народ утверждает свою великую правду. И многие маловеры ждут именно этого доказательства, чтобы поверить в нее. Чтобы спасти людей, чтобы спасти человеческое общество, где дремлют еще чувство и мысль, нужна эта чудовищная жертва.

Лейтенант решил еще раз связаться по телефону со штабом и узнать, нельзя ли открыть огонь. До нашей вчерашней позиции было двадцать минут ходу. Так как совсем недавно ее бомбили вражеские са-

молеты, мы не рискнули отпустить лейтенанта одного. Вместе с ним отправился и я.

Возле шалаша, неподалеку от «телефонной станции» лежал убитый боец. Вчера мы спешили закончить до рассвета переноску раненых и не успели подобрать его. Пока лейтенант говорил по телефону, я сел подле убитого. Он лежит ничком, его скрюченные руки вцепились в землю. Земля чернеет у него под ногтями, он зажал ее между пальцев. Глаза у него открыты. Свой последний взгляд он устремил на родную испанскую землю, щепотку которой он держит в руках так крепко, словно это не земля, а нежная рука его невесты. Она тоже смотрит ему в глаза, белые, как пролетающие над ней облака.

— Береги эту землю, товарищ. Она — твоя слава. Ты отдал за нее жизнь, и она вечно твоя. Она твоя не только в смерти, но и в истории, но и в будущем.

★

Батарея лейтенанта П. так и не получила приказа открыть огонь. Несколько недель спустя противник окружил батарею, и бойцы, стреляя в упор, защищались двенадцать часов подряд. Ни лейтенант, ни Осорио не смогли объяснить, каким чудом уцелели орудия. Больше половины бойцов полегло. Офицеры, продолжая отдавать приказания, отстреливались из винтовок. Одновременно противник атаковал лагерь. Бойцы под командой Фернандо де Роса бились как львы. Юного командира сразила пуля. В Мадриде ему устроили торжественные похороны. Вереницы увитых цветами автомобилей следовали за гробом. В процессии участвовало больше ста тысяч человек. Но представляет ли собой эта демонстрация силу, опасную для наших врагов? — думалось мне. — Конечно, все эти люди готовы хоть сейчас взять в руки винтовку и отомстить за Фернандо де Роса. Но не похожи ли они скорее на мучеников, чем на бойцов? В сердце у них теплится ли огонь победы? Основа нашей демократии — мирное сотрудничество, цивилизация и культура. Все, что есть варварского, сосредоточено в стане врагов. Их сущность — гангстеризм, проповедуемый Гитлером и Муссолини и смешанный с традиционной жестокостью духовенства. Достаточно ли противопоставить этому нашу героическую честность, нашу боль к победе, нашу готовность на любые жертвы? Мы имеем дело с людьми. С равноправными в социальном отношении людьми.

Мы бережем людей. Мы не можем позволить их в атаку, заранее высчитав, что из восьмисот человек достигнут цели разве лишь сто пятьдесят. Фашисты оперируют только с цифрами. Они выстраивают свои ударные части и с каменным лицом объявляют: «Три тысячи марокканцев и легионеров — на такую-то позицию. Останется в живых триста — и то хорошо». И вот из этих трех тысяч наши пулеметы уложили две тысячи человек. Остальные вспли. Но ведь за этими цифрами стоят живые люди: это марокканская голытьба, покинувшая свои поселки. Теперь поставщиком этих цифр становится итальянская голытьба, стадо, посланное в обмен на железную руду.

— Убивайте, убивайте, — внушают голытьбе. — Мы вам заплатим натурой. Место под солнцем, оставленное убитыми за это время мирными жителями, займете вы. Ваши окровавленные руки расширят и углубят норку, которую мы вам отведем под жилье, и там вы пустите корни.

Марокканцам и легионерам предоставлена полная свобода действий. Им выдан чек на грабеж и насилие в завоеванных городах. Во имя порядка, собственности и семьи, Франко разрешил им грабить, насиловать и убивать. Это их военная тактика. На открытии Саламанкского университета одноглазый и однорукий генерал Мильян Астраи, еще более страшный в своей глупости, чем на вид, в ответ на слова Унамуну — «вы победите, но не убедите» — крикнул:

— Долой интеллигенцию! Да здравствует смерть!

Глядя на похоронную процессию, я невольно думал об этом. Я боялся, что скорбь и гнев, написанные на лице толпы, выражали лишь стремление к обороне, а не к активной борьбе. На фронте я видел пожилых людей: под градом снарядов они прерывающимся от волнения голосом пели «Интернационал». Это героизм гражданина, но не бойца. В нашей победе я не сомневался ни одной секунды, но я видел, как мало еще в нас воли к войне. А пока весь испанский народ не проникнется ею, мы вынуждены расплачиваться своей кровью.

Мадридская интеллигенция забросала меня вопросами:

— Подойдет Франко к Мадриду?

Я отвечал утвердительно и мой собеседники удивлялись не ответу, а спокойствию, с которым я это говорил.

— Когда же?

Установить точную дату никто бы не смог. Каждую минуту над Пуэрта дель Соль могли разорваться первые гранаты.

— Артиллерийские гранаты?

— Да, да, артиллерийские.

— Но ведь это ужасно. Значит, разгром...

Я тоже находил это ужасным, но от мысли о поражении был очень далек. Наоборот — утверждал я — это может быть разгромом Франко. Мне не верили. Многим тогда казалось, что Мадриду, хорошо укрепленному городу, где жители сплочены воедино, уверены в победе и готовы сопротивляться до конца, никакая опасность не угрожает. Когда коммунистическая партия бросила лозунг: «Укрепляйте Мадрид!», большинство недоуменно пожимало плечами: «Паникерство!» О деятельности испанской коммунистической партии можно рассказывать много чрезвычайно интересного. Еще три года назад она предостерегала нас. Но вначале почти никто не обратил на это внимания. Нашлись и такие, что обвиняли ее в погоне за сенсацией, в излишней шумливости. Но все ее пророчества сбывались с потрясающей точностью. Тогда все наперебой принимались хвалить коммунистов за чуткость и проницательность, но стоило им увидеть новую опасность, как снова раздавались вопли о «фальшивой тревоге». И этот недавний лозунг компартии «Укрепляйте Мадрид» тоже сочли необоснованным и попросту излишним. Коммунисты говорили, что нужно работать не покладая рук, а многим не хотелось нарушать свой покой, — этот удобный оптимизм был им по плечу и по нраву. Коммунисты утверждали: иная обстановка — иные темпы. Они будили, подталкивали, увлекали. Многие же предпочитали с закрытыми глазами спокойно ждать, что будет. Я не говорю о рабочих и крестьянах: они смотрели вперед мужественно и спокойно. Но в некоторых кварталах Мадрида, где задавала тон мелкая буржуазия, эти настроения свили себе прочное гнездо.

Мелкобуржуазные либералы, увидев, что командование шлет на ликвидацию прорывов один батальон за другим, облегченно вздохнули. А в это время на фронтах Толедо и Эстрамадуры рабочие-бойцы кричали: «Зачем нам эти батальоны? Зачем они шлют этих людей? Ведь они не умеют стрелять! Ведь они даже затвор открыть не умеют! А их посылают на прорывы.

Посылают сражаться с фашистами, у которых и авиация и броневики гораздо сильнее наших». Если батальон, в глаза не видав ни одного фашистского солдата, успел потерять двести человек убитыми, так его уже не реорганизуешь. Но мелкобуржуазные либералы, наблюдая, как из Мадрида в полном боевом порядке выступали на фронт готовые победить или умереть, полные сдержанного энтузиазма, батальоны каменщиков, сапожников, металлостов, мелких торговцев, наборщиков, держали пари, что никто не осмелится подойти к Мадриду. А коммунистическая партия неустанно взывала: «Укрепляйте Мадрид». Пятый полк, в котором теперь насчитывалось больше шестидесяти тысяч вооруженных людей, обучал батальоны и формировал из них бригады. Бойцы и командиры выжили часами в министерствах и штабах, требуя боеприпасов, которых вечно не хватало. Все это происходило у нас на глазах. Но вместо того, чтобы выпрямить плечи и еще крепче сжать в руке винтовку, либералы дрожали от каждой новой вести, приходившей с фронта.

— Прорвали фронт под Пегериносом!

— Ну, и что же?

— Наступают на Эскориал.

Рабочие, крестьяне, служащие, бойцы народной милиции и большинство тех, кого должны были вот-вот призвать на войну, нахмурившись твердили:

— Это мы еще посмотрим!

Мы готовимся к атаке

Я переночевал в комнате, которую мне предоставили сотрудники «Культура популар», а на утро, обложившись книгами и газетами, сел за машинку. Кто-то постучал. В комнату вошли мои товарищи по отряду. Гладко выбритые, в новых ботинках и чистых блузах, они выглядели сегодня необычайно торжественно. На груди у каждого красовались знаки отличия. Пятый полк произвел их в следующий чин и послал списки на утверждение в военное министерство. Уже оправившийся от ран Бодин стал альфересом, Висенте — сержантом. Двое получили лейтенанта. Радости их не было границ, и они болтали без умолку.

— Погоди, то ли еще будет! Готовься к сюрпризу.

Водворилось молчание. Один из бойцов принял особо торжественную позу:

— Мы тебя избрали. Теперь ты наш капитан. Полк утвердил твою кандидатуру.

Тотчас на моей блузе появились знаки отличия. Я забыл про газеты и книги, про свою работу. Не до того мне было тогда. Мы вышли. Я оставил в комнате все как было и запер ее на ключ.

— Куда же мы теперь?

— К Тахо. Сегодня ночью. Дела там, должно быть, плохи.

Товарищи из «Культура популар» устроили нам обед. Когда стемнело, мы отправились в штаб Пятого полка. Командир, только что вернувшийся из Тахо, отозвал меня в сторону. Начал он с того, что «дела там плохи».

— В каком смысле?

— Во всех.

— Есть ли там хоть какой-то фронт?

— Ничего похожего.

— Хоть какие-нибудь надежные позиции?

— Надеяться никто не мешает. Можно надеяться в решете воду удержать, — с горькой усмешкой ответил командир.

— Значит, Тахо — конец?

— Не знаю. Во всяком случае, когда приедешь — поговори с командиром Хосе Леоном.

Пятый полк представлял собой не регулярную воинскую часть в обычном ее понятии, но основное ядро народной милиции, инструктируемой и руководимой коммунистами. Из его среды вышли отличные командиры. Многие из них пользуются широкой популярностью. Франсиско и Хосе Мария Галан, Листер, Гарсия и другие. Тогда как многие наши войсковые части создавались стихийно, Пятый полк формировал хорошо обученные батальоны. Их командиры закалялись под огнем противника, в победе или в упорном сопротивлении. Однажды я оказался свидетелем того, как одному из этих командиров, Гарсии, тридцатилетнему рабочему-металлисту, удалось разрешить вопросы, перед которыми стал в тупик штаб, состоявший из кадровых офицеров. Помню, что после этого полковник отозвал меня в сторону и спросил:

— Не могут ли коммунисты прислать нам еще одного такого парня? Он мог бы постоянно находиться при штабе...

Впоследствии я никогда не слышал о нем никаких разговоров, ни в одной газете не попадалось мне имя Гарсии. Как все коммунисты, он не заботился о славе и думал только о своем деле.

Мы выехали из Мадрида на семиместном автомобиле. Было нас шесть офицеров и три сержанта. Час спустя мы проехали Ка-

Эпизод на фронте

баньяс и остановились в двух километрах от этой деревни, где железная дорога пересекала шоссе. Машина повернула обратно, а мы зашагали по шпалам. Навстречу по узкой тропинке ехал на мотоциклете боец. Мы спросили его, где находится командир Хосе Леон. Боец сказал, чтобы мы шли до первого моста. Время близилось к полуночи; сквозь облака временами проглядывала луна. На мосту спали вповалку бойцы. Ночь стояла холодная, а у них, кроме пальто, нечем было накрыться. Из-под пальто выглядывали огромные деревенские башмаки. Кое-кто положил под голову котомку или свернутую вдвое куртку. У остальных не было и этой импровизированной подушки. Между ног у каждого лежала винтовка. По обе стороны железной дороги — ни души. Я спустился с насыпи и прислушался, но кроме храпа спящих бойцов не уловил ни единого звука. Наконец, слева, на расстоянии двух километров послышались ружейные выстрелы.

Пока я бродил по насыпи, мои товарищи разбудили командира Леона. Сидя на земле, он протирал глаза.

— А, это вы?

Я увидел высокого и широкоплечего парня, лет двадцати пяти, стопроцентного пролетария.

— Если хочешь, завтра можем осмотреть наш участок,— обратился он ко мне.— А теперь самое лучшее лечь и заснуть.

Так мы и сделали. Проснулись с рассветом. Пока бойцы варили из оставшихся костей бульон, Леон показывал мне на карте расположение наших и фашистских частей.

Наш участок должен был отражать фланговые атаки противника, который по Эстремадурской дороге наступал на Мадрид. Командование помещалось в Олиасе. Наши передовые позиции находились на расстоянии пулеметного выстрела от Баргасской колокольни, где противник установил главный наблюдательный пункт. Первая линия вражеских окопов проходила на два километра ниже Баргаса, ближе к железной дороге, как раз напротив оливковой рощи, которая покрывала собою всю южную сторону и упиралась в поле. Наша артиллерия открыла по Баргасу непрерывный огонь. В Баргасе артиллерией командовал офицер, который, по словам местных крестьян, родился и вырос здесь. Он сам непосредственно руководил бомбардировкой, и, нужно сказать,— из него вышел отличный артиллерист. Снаряды беспрерывно повисали ему.

У нас своей батареей не было. Зато железнодорожная насыпь представляла собой надежное прикрытие. Оно скрывало от противника концентрацию и переброску войск. Если бы не эта насыпь, мы не смогли бы продержаться здесь и часа. Железная дорога также давала нам некоторое преимущество. Там, где обрывалась насыпь и начиналась ровная поверхность, рельсы уходили в узкое ущелье, образованное холмами, там мы имели второе, еще более надежное убежище. По обеим сторонам железной дороги тянулись рвы, в которых человек мог укрыться с головой. Бойцы прозвали их огнетупителями. Далее, между вторым мостом и Баргасским вокзалом, начиналась нейтральная зона. Вокзал тоже никем не был занят. В эту зону заходили только разведывательные отряды. И, наконец, еще одно большое преимущество давала нам оливковая роща.

На меня возложили командование ротой, но Леон сейчас же предложил мне разделить с ним функции командира участка. Я сначала отказался.

— Я бы тоже хотел командовать своим батальоном и ни о чем больше не думать, да что ж поделаешь, когда нет людей? — с жаром принялся убеждать меня Леон, и я согласился.

Леон кивнул головой на группы бойцов. У некоторых не было оружия. Это и была моя «рота». Леон сказал мне, что я должен ее реорганизовать и пополнить. Вместе с товарищами, приехавшими со мной из Мадрида, я взялся за работу. Задача оказалась не из легких. Пришлось иметь дело с остатками войсковых частей, эвакуированных из Толедо. У них не было ни командиров, ни нашивок, ни аммуниции и почти не было оружия. Я выбрал из них наиболее смелых. Те, в свою очередь, потянули за собой остальных.

Ночью, укрывшись за насыпью, мы сформировали и укомплектовали две роты по триста человек, с командным составом: взводным, капралом и капитаном. Их моральное состояние я нашел вполне удовлетворительным, хотя поводов для уныния было достаточно. Интендантство работало из рук вон скверно: впоследствии там обнаружили измену. Но мы вытребовали для бойцов продовольствия, и они почувствовали себя на вершине блаженства. Правда, пищу они получали скудную: ничего, кроме хлеба и ветчины. Снабжал нас всем этим бронепоезд. Он шел, не останавлива-

ясь, преследуемый огнем противника, и на ходу забрасывал в траншеи продукты. Остановись бронепоезд — и мы, вместо холодного завтрака, чего доброго получили бы другой, поданный с пылу с жару... Все вооружение бойцов состояло из винтовок и патронов. Мы раздобыли в Гвадарраме два ручных пулемета и пятнадцать ящиков с ручными гранатами.

С каждым днем положение нашего участка улучшалось. Теперь у нас было уже несколько пехотных батальонов, кое-какая артиллерия и бронепоезд.

Фашисты так до сих пор и не смогли прорвать фронт на этом участке. Все их попытки в этом направлении окончились неудачей.

★

Леон уговаривал меня сдать командование роты Бодину, а самому перейти в штаб. Но мне не хотелось оставлять роты. Между мною и бойцами не существовало никаких средостений, установились близкие, дружеские, почти родственные отношения. Я не принимал подношений от начальника интендантского управления. Лстивый угодник, как и все предатели, он посылал продовольствие мне и офицерам отдельно, желая вызвать недовольство бойцов. Но мы питались вместе с бойцами, и ели то же, что и они.

Однажды к нам из Олиаса приехал на мотоциклете боец и сообщил, что меня и Леона вызывают в штаб. Мы сели на свои мотоциклеты и поехали туда.

Штаб помещался на краю села, в реквизированном доме, принадлежавшем ранее одному из местных помещиков, который бежал к фашистам. Дом был укрыт за холмом, и это предохраняло его от снарядов.

Нас встретил начальник участка, подполковник Мэна, андалусец лет шестидесяти, худой и очень нервный, с желтыми от табачного дыма усами. Днем и ночью можно было видеть его все в той же куртке.

— Завтра мы идем в атаку — объявил он и посмотрел на нас. Мы молча ждали дальнейших распоряжений. Тогда подполковник порылся в бумагах и не без труда разыскал несколько отпечатанных на машинке страниц. Осведомившись предварительно у адъютанта, есть ли копия, он передал их нам.

Это был приказ о завтрашней атаке. Мы внимательно прочитали его.

— Ну, как ваше мнение? — обратился подполковник к Леону.

При взгляде на рывшегося в бумагах подполковника, казалось, что это просто симпатичный чиновник, любитель кофе и азартной игры. Но до этого я виделся с ним всего один раз, а он уже запомнил мою фамилию и знал, какой ротой я командую и где она стоит. Внешне рассеянный, он входил в малейшие детали и все держал в голове. Знал, сколько мотоциклетов в гараже, сколько снарядов осталось у каждой батареи и сколько времени каждый офицер не получал отпуска. В подробном докладе он не нуждался. Ему достаточно было намека, чтобы он тут же пришел к точному и правильному выводу. Не было у него и тени той вялой безучастности, какой отличались многие командиры. Он с головой уходил в работу, весь отдавался ей и даже, в самые напряженные моменты не терял своей естественной, ненаигранной живости. Зато он и пользовался любовью бойцов и младших командиров. Два три назад фашистский самолет взорвал наши 155-миллиметровые орудия, стоявшие на позиции близ Олиаса. Погиб совсем молодой, отличавшийся беззаветной храбростью лейтенант. Узнав об этом, подполковник, не слушая офицеров, уговаривавших его выждать, пока улетят вражеские самолеты, пошел к батарее, все разузнал на месте, отдал приказания и вернулся опечаленный:

— Бедный мальчик! Бедный мальчик! — тяжело вздыхая, повторял Мэна.

Вот и сейчас где-то совсем близко разрываются снаряды. Дрожат тонкие стены. Бое-где появляются трещины. Но подполковник не обращает на это никакого внимания.

Леон вкратце повторил приказ и спросил:

— Копия останется у меня?

— Да, но не в этом дело. Мне важно было узнать, понял ли ты самое основное. Вчера ночью в Баргас прибыло около сорока грузовиков. Само собой разумеется, не конфетами. Ничего не поделаешь, надо идти в атаку. Как твои люди?

— Они молодцы. Готовы на все.

— Где исходные точки?

— Вы знаете их. Хотя за эту ночь могут произойти изменения к лучшему?

Вопрос Леона был обращен ко мне. Я подтвердил.

— Как вы думаете улучшить боевую обстановку в исходных точках? — повернувшись ко мне, спросил подполковник.

— Две-три роты надо направить по насыпи к вокзалу, а основные силы сосредоточить в оливковой роще. Но для этого нужны артиллерия и пулеметы.

— Так, так. Только рощу вы пока оставьте. Важнее вокзал. Нельзя выступить из рощи, до тех пор, пока части, сосредоточенные у вокзала, не подойдут к селу с тыла и не окружат его. Правда, важно занять кладбище. Но идти на него в атаку, пока вы не увидите на холме между Олиасом и Баргасом красный флаг, тоже нельзя, верно?

— Верно.

— Ночью вам пришлось два пулеметных взвода. Кроме того два 155-миллиметровых орудия и батарею 75-миллиметровых. Они уже в дороге. Как только придут, установите их. Точнее выбирайте позиции, так, чтобы не привлечь огонь противника на Кабаньясский вокзал; не загромождайте путей, правильно?

Леон набросил план подготовки. Мы должны тщательно осмотреть местность. Затем Леон указал какие части пойдут в атаку и в каком направлении. Мэна вполне одобрил этот план. Только батальон анархистов внушал ему опасения:

— Все эти НКГ хороши, когда они сражаются в одиночку. А тут как бы они нам все дело не испортили.

Мы распрощались с подполковником и уже направились к двери, как тот окликнул Леона. Видно было, что подполковник восхищен его военными способностями.

— Ваш чин в армии? — спросил подполковник.

Леон засмеялся своим детски заразительным смехом:

— Я — артиллерист второго класса.

Подполковник не смог скрыть своей растерянности.

— Если б он еще знал, что почти всю военную службу я провел на гауптвахте! — выйдя из штаба, потешался Леон.

Всю ночь мы с Леоном обходили позиции. С нами было еще два офицера. Один из них — впоследствии погибший Галан. Шли мы на значительном расстоянии друг от друга. Переговаривались шепотом. Противник мог быть везде: справа, слева, впереди, за тридцать метров и за три. Итти было рискованно, хотя слева и справа от нас возвышались холмы, за которыми, в случае чего, мы могли укрыться. Постоянных

траншей здесь у противника не было. Хорошо зная условия местности, мы на этот раз ограничились лишь осмотром железнодорожной насыпи, откуда, под прикрытием артиллерии, должны были выйти пехотные части, и пройдя через зону, которая подвергалась особенно интенсивному обстрелу, меньше чем за два километра от легкой артиллерии противника развернуться за селом. Эту операцию мы должны были произвести до рассвета.

Никаких перемен мы не обнаружили. Возвращаясь с осмотра, кто-то из нас, чтобы еще раз проверить план по карте, зажигает карманный фонарь. Вдруг затрещал пулемет.

— А, мать их... Откуда это еще? — выругался Леон, повернувшись в ту сторону, откуда, высоко над нами, летели пули.

Мы рассчитали, что противник выставил пулемет на изгибе насыпи, между вокзалом и селом.

— погоди! Мои поднимут тебя на воздух! — сказал капитан Моиньо, сражавшийся в батальоне Андалусской народной милиции.

Мы вошли в оливковую рощу. Ночь выдалась лунная. Каждый ночной шорох явно слышался в тишине. Ровные черстволые деревья, с аккуратно подрубленными сучьями, вытянулись на одинаковом расстоянии друг от друга длинными параллельными рядами. Голая земля так загрубела, что казалось, будто мы идем по каменному полу. Как в пустых комнатах, голоса наши будили гулкое эхо.

Мы дошли до передовых постов. Меньше чем за двести метров отсюда находился противник. Наш часовой заснул. Леон толкнул его ногой. Тот подобрал ноги и глубоко вздохнул. Тогда Леон вытащил револьвер и, приставив его к самому уху часового, выстрелил в воздух. Ожидая ответных выстрелов, мы спрятались за бруствер. Часовой встал и потер ухо. Стрельба, как видно, его не напугала.

— Ты спал?

— А что ж, по-твоему, отдохнуть нельзя?

— Я думал, что только галисийцы ухитряются спать на бруствере, — пошутил Леон и начал втолковывать часовому всю опасность такого отдыха. Уходя, мы слышали, как андалусец проворчал:

— Вместо того, чтобы пугать сонного, лучше бы хлеба принесли.

Его замечание нельзя было не признать дельным, и мы едва сдерживали смех. Под-

ходя к насыпи и услышав чей-то голос, мы остановились. Кричал наш часовой:

— Товарищи!

Видимо он обращался к фашистским солдатам.

Сперва ему никто не отвечал. Затем, впереди, на некотором расстоянии от часового, послышался еще чей-то голос.

— Кто ты? — окликнул часовой.

— Дон Хуан де Альвар и Ианес Кортальдо де ла Гомера, виконт де Каса Паскуаль — хвастливо отрекомендовался незнакомец.

— Хотя я и не тебя звал, но познакомиться с тобой непрочь.

— Зачем?

— Затем, чтоб послать тебя к... матери! — радостно крикнул часовой.

Ему ответил пулемет.

Во время обхода мы поговорили с командирами роты и отдали им распоряжения на завтра. Те приняли их восторженно. На исход атаки все они смотрели оптимистически и со своей стороны внесли ряд дельных замечаний. По их мнению, главные силы противник сосредоточил против Олиаса и отчасти в роще. В других местах только наблюдательные пункты. Моторизованные колонны и кавалерию он держит в селе или, может быть, даже в тылу.

Было уже три часа утра, когда мы вернулись в нашу землянку. Там нас ждали лейтенанты пулеметной роты и альферес артиллерии. Оба они перешли в распоряжение Леона. Мы объяснили им, где должны находиться к началу атаки их пулеметы и орудия и где они должны стать на позицию во время атаки. Лейтенант, кадровый офицер, отвечал по-военному сухо и сдержанно. Он готовился к завтрашней операции, как известный певец к выступлению в третьеразрядном театре. Наоборот, умный и честный альферес произвел на нас прекрасное впечатление. Мы условились, что альферес откроет огонь по Баргасу ровно в шесть часов, и они ушли.

Леону не внушала доверия, то робкая, то надменная сдержанность лейтенанта.

— Что с этим молодцом? — задумчиво сказал Леон.

— А что ты от него хочешь? Он поступил в распоряжение не очень родовитого командира, к тому же, не окончившего академии. Все это ему чуждо и непонятно, и он делает вид, будто ничто на свете его не касается. Дай-ка его мне.

— Что ж ты с ним будешь делать? — засмеялся Леон.

— Смотря по обстоятельствам.

— Ладно. В таком случае, командовать пулеметной ротой будешь ты.

В половине пятого я выехал на то место, где мы решили выставить артиллерию. Ровно в половине седьмого она откроет огонь по колокольне Баргасской церкви. Это условный сигнал, по которому должны развернуться части. Телефона у нас нет, и нам нужно заранее учесть все до мельчайших деталей. Если через связиста приказ будет отменен, мы должны дать пятьдесят выстрелов по колокольне.

— Все по колокольне?

— Да. И постарайтесь угодить в колокол. Это было бы совсем неплохо.

Затем мы условились о том, чтобы полчаса спустя после обстрела колокольни дать еще сто выстрелов по окраине села. Так мы сможем лишить противника телефонной связи и средств передвижения и, во всяком случае, расстроим его ряды и помешаем концентрации его войск. Между тем, легкая артиллерия откроет огонь по траншеям противника, прорытым около самого села. Далее, если приказ не будет отменен, одно из орудий откроет огонь по кладбищу, — первый выстрел не раньше девяти часов, — а другое попрежнему будет обстреливать церковь. В половине десятого артиллерия получит новое распоряжение.

Проинструктивровав батарею легкой артиллерии, я вернулся в землянку. Мне вспомнилось, что подполковник обещал выслать нам бронепоезд и надеялся, что к семи часам подоспеет авиация. Легкая артиллерия своими выстрелами покажет ей цель. До начала оставалось недолго. Небо уже светлело.

Мы начали записывать в блокнот распоряжения для начальника бронепоезда, как вдруг послышался выстрел, и снаряд разорвался недалеко от землянки. Мы с Леоном переглянулись, выползли из землянки и взобрались на насыпь. Посыпались новые снаряды. Из окрестностей Баргаса противник обстреливал белый домик, что стоял в трехстах метрах от железной дороги. Артиллерия метко била в цель. С трех выстрелов ей удалось снести крышу. Домик окутался дымом. «Опять нам придется вести атаку под огнем вражеской артиллерии» — озабоченно подумал я.

— Ведь в этом доме никого не было?

— Никого.

Посланный для выяснения мотоциклист установил, что из Олиаса выслали к этому

дому два автомобиля с целью выбрать позицию для батареи. Противник заметил автомобили, когда они возвращались, решил, что в этом доме помещается наш штаб и выпустил на ветер сотни снарядов.

Мы сели на мотоциклы и поехали вдоль насыпи. Навстречу нам шло человек пятнадцать бойцов.

— Не узнаешь, капитан?

Я вспомнил, что эти добровольцы, неграмотные крестьяне из Кордовы, пришли ко мне вчера и объявили, что они уходят. При этом они сослались на декрет. Действительно, такой декрет существовал. Чтобы очистить армию от неустойчивых элементов и ввести строгую дисциплину, правительство издало декрет, согласно которому до 10 октября все желающие могли демобилизоваться. После долгих уговоров, обозвав крестьян трусами и предателями, я отпустил их, и теперь был крайне поражен, увидев их снова.

— Мы не хотим уходить, — заявили они.

— Да вы что, шутки со мной шутите?

— Нет, мы узнали, что вы идете в атаку и хотим идти вместе с вами.

— А этого вы не бойтесь? — Я показал туда, где взрывались снаряды.

— Да нет! Мы хотим убивать фашистов. Только и всего. А умирать, так всем вместе.

Тогда я сказал, что им дадут оружие и что пойдут они не со своей ротой: из них будет сформирован передовой отряд.

— Так точно, сеньор. Куда надо, туда и пойдём! — восторженно ответили бойцы.

Я спросил их, будут ли они подчиняться любому командиру, какого мы им назначим. Бойцы ответили утвердительно. Тогда я велел им ждать за будкой стрелочника, — к ним туда придут и скажут, что нужно делать. Бойцы запели песню и пошли.

Я был взволнован тем, что люди, которых еще вчера я обозвал трусами и предателями, смогли подавить в себе чувство обиды и снова пришли ко мне. Это значило, что они видели во мне не только командира, но и товарища, брата. То, чего они не простили бы кадровому офицеру — выходцу из буржуазии, малейшее замечание, один жест которого мог вызвать у них прилив классовой ненависти, — им было легко снести от своего командира.

— А не перейдут ли они к врагу? — недоверчиво спросил Леон.

Нет, они говорили от чистого сердца. Вчера я отлично понял их уныние, хотя и не показал им виду. Теперь мне понятен

был их энтузиазм. Я сам испытал эти колебания. Только одни умеют с ними справиться, другие не умеют.

Атака

Начальник интендантского управления на полчаса запоздал с присылкой кофе, и это было началом его конца. Солдаты уже около месяца сидели без горячей пищи. Можно себе представить, с какой быстротой они подхватили сейчас свои фляги, жестяные котелки и побежали за кофе. Таким образом, план операции с первых же шагов оказался нарушенным. Хотя артиллерия отлично пристрелялась к своим целям, мы с Леоном тревожно поглядывали на часы. Нам нужно было выполнить план до мельчайших деталей, и, вместе с тем, мы прекрасно понимали, что солдаты так ослабели, что хоть немного подкрепиться им просто необходимо. В этот момент мы с Леоном испытывали настоящие муки. Но, к счастью, подавляющее большинство солдат было охвачено той же тревогой, и они предпочитали еще немного попоститься, чем хоть как-то нарушить план операции. И в назначенный час все оказались на своих местах. Хмурые лица озарялись надеждой. Тяжелая артиллерия Олиаса била по Баргасу. Растерявшийся противник молчал. Видимо, он обдумывал какой-то новый план действий. Вокруг Баргаса поднимались плотные облака темносерого дыма, освещенного первыми лучами солнца. Подскакивая в рытвинах, мы с Леоном объезжали на мотоциклетах исходные точки. Герилья¹ Андалусского батальона продвинулись на полкилометра. Я приказал лейтенанту выставить пулеметы как можно выше, так, чтобы они оказались над траншеями противника и, как только фашисты выйдут из траншей, открыть по ним перекрестный огонь.

— А если они не выйдут?

— Непременно выйдут.

— Но во время переброски мы будем все время находиться под огнем противника.

Я схватился за револьвер, но сделал это так, чтобы лейтенант без особой уверенности мог подумать, будто это не угроза, а машинальное, непреднамеренное движение. И этого оказалось достаточно. Лейтенант поклонился и пошел исполнять приказание.

Моя рота развернулась вдоль линии естественных окопов, образованных железнодорожной насыпью у Баргасского вокзала. Над нами, жужжа, проносились снаряды. 155-миллиметровые орудия стреляли отлично. Старый альферес знал свое дело. Если кадровый офицер шел с нами не за страх, а за совесть, его присутствие сказывалось тотчас же. К счастью, честных офицеров оказалось у нас больше, чем можно было предполагать.

Было часов восемь. Солнце забралось во все укромные уголки роши и в извилистые рытвины долин. Андалусский батальон, подставив грудь под пули, двигался по открытой местности. Открыл стрельбу лейтенант. Проснулись пулеметы противника, открыв бешеный огонь. Пройдя водокачку и вокзал, наш правый фланг остался без прикрытия. Тогда мы разбили мою роту на два отряда и выслали их на сто метров вперед. Один из этих отрядов составляли те самые бойцы, которые вчера собирались уходить. Сейчас им представился удобный случай искупить свою вину, и я был уверен, что они с честью выполнят свое задание. С ними вызвался идти еще один старый боец — переплетчик, недавно прибывший из Мадрида.

Леона я разыскал под мостом. Он устанавливал перевязочный пункт. Я увидел врача, двух фельдшеров и старую санитарку. Двадцать четыре санитара перетаскивали носилки.

— Ну, как дела? — спросил Леон.

— Все в порядке. Контакт налажен. Можно действовать дальше.

Бойцы все схватывали налету и проявляли такую энергию, что никаких затруднений и ошибок не наблюдалось. Войска не колеблясь перешли в наступление. Связь работала нормально. Я напомнил Леону слова подполковника: не углубляться до тех пор, пока не увидите на холме красного флага. Мы расположились на возвышении. Я стал следить в бинокль за развитием операций, Леон смотрел на холм. С нами были три связиста, готовые в любую минуту передать приказ об атаке. Вдали спокойным и уверенным шагом наступали герилья. Противник усилил пулеметный и артиллерийский огонь. То здесь, то там поднимались облака дыма и пыли. Теперь почти все пространство, которое мы могли окинуть взглядом, находилось под огнем нашей артиллерии. Бойцы народной милиции, издали казавшиеся совсем крошечными, прошли почти всю «нейтраль-

¹ Штурмовые отряды

ную» зону или, как они ее называли, «зону страха». С виду все это можно было принять за маневры. Но вот герильи, наступавшие на кладбище, остановились. Противник стрелял по ним из mortir и пулеметов. Начался самый трудный момент атаки. Бронепоезд все не подходил. Я поглядывал в сторону Мадрида, не покажутся ли в небе наши самолеты.

Без двух минут девять над нами пролетел первый снаряд и разорвался на кладбище: наша артиллерия открыла огонь. А ровно в девять над холмом взвился красный флаг. Трое связистов бросились со всех ног. Противник усиленно обстреливал нас, хотя на ней не было ни одного бойца. Два 75-миллиметровых снаряда упали в десяти метрах от нас, причем, один из них разорвался в том месте, где только что находились связисты. Двадцать оружейных выстрелов последовали один за другим. Интервалы между ними были довольно значительны. Нужно было дать время связистам передать приказ. Ни один снаряд не пропал даром. Герильи, держа штыки на перевес, бросились в атаку. Прежде чем дойти до кладбища, им дважды пришлось залечь. Наконец, они окружили кладбище и бросили туда ручные гранаты. Ответа не последовало. Это была первая наша победа. Я послал мотоциклиста в Олиас сообщить подполковнику, что наше задание выполнено. Противник открыл стрельбу из mortir и легких орудий. Под прикрытием кладбищенских стен бойцы остановились, но серо-зеленое поле привлекливо манило их к себе. Оно развертывалось перед ними, как чистая страница, и отважные защитники испанского народа начертали на ней один из сложнейших эпизодов своей героической эпопеи. Кто же они, — эти бойцы? Рабочие, крестьяне, ремесленники. Природный ум и бесстрашие всех этих Пересов и Мартинесов, зеленчиков, разносчиков и трамвайных кондукторов обратили в бегство элегантных кавалеров ордена Сантьяго, магистров Алкантары и геральдических потомков Гонсало де Кордова, обучавшихся в лучших академиях, вооруженных до зубов и руководимых лучшими военными специалистами из «бессмертной Германии» и «непобедимого Лациума».

Впрочем, на нашем правом фланге появились не испанские кавалеры, а марокканская кавалерия. Кавалерам же было не до того: они переходили из одной тюрьмы в другую и пачками расстреливали связанных

узников. Итак, на правом фланге появилась марокканская кавалерия. Казалось, что она не собирается идти в атаку, а ждет, пока высланные ею патрули вернуться с донесениями. Я подумал, что мы можем подпустить ее на расстояние выстрела, открыть по ней стрельбу и послал одного связиста к лейтенанту, другого — к батарее легкой артиллерии, а своей ротой приказал прикрывать правый фланг. Один ручной пулемет перешел к передовому отряду. Другой стал в центре, на линии. Бодин раздавал гранаты. Сигнал к контратаке подали легкие орудия противника. Снаряды летели над моей ротой, занимавшей пространство в шестьсот метров и подтягивавшейся к другим ротам, база которых находилась в Серро Мариэль. Поднимающаяся пыль, медленно приближалась конница Франко. Войдя в радиус обстрела она ринулась в атаку. Легкая артиллерия выпустила по ней несколько очередей картечи, разорвавшейся на высоте седла. Часть кавалерии отхлынула. Остальные продолжали беспорядочное наступление. Мы увидели два танка, пулеметы которых обстреливали нашу линию. На нашу легкую артиллерию летели из Баргаса снаряды крупного калибра. Очевидно, противник возлагал все свои надежды на фланговую контратаку. Мы передали по частям приказ:

— Закрепитесь на месте.

В этом участке мы не понесли ни одной потери. Артиллерия наша промахов не давала. Свободное от снарядов пространство засыпали пулями пулеметы. Два ручных пулемета также не прекращали огня. Марокканцы рассыпались и, оставив на земле около двенадцати всадников и лошадей, повернули назад. Но два танка, снабженных пулеметом и пушкой, продолжали наступать. Против них у нас было только одно средство: зажигательные бомбы. И вот группа вчерашних дезертиров совершила поистине героический подвиг. Они укрывались за холмом. К ним приближался один из танков, другой, повидимому, был озабочен судьбой кавалерии, бежавшей вправо — бойцы, находившиеся в Серро Мариэль, уже готовились к встрече. Тогда двое крестьян выползли из своей засады и метнули в танк несколько гранат. Танк окутался дымом. Воспользовавшись этим, трое танкистов вышли из танка и бросились наутек. Когда дым рассеялся, мы увидели, что дверца танка открыта, двое танкистов бегут, а третий лежит: наши ручные пулеметы настигли его. А в это время

бойцы метко стреляли из винтовок по кавалерии. Потом огонь стал постепенно затихать. На правом фланге воцарилась тишина. Контратака длилась около получаса. Потеряв танк, пятнадцать солдат и двенадцать лошадей, противник отступил. По началу контратака не входила в план действий противника. Она была вызвана сложившейся боевой обстановкой. Из андалусцев был убит только один и один легко ранен в плечо, он сам дошел до перевязочного пункта. Неистовый восторг обуял бойцов. Они готовы были броситься в погоню за кавалерией, и Бодину пришлось затратить немало усилий, чтобы отговорить их.

Старый боец, один из двоих, взорвавших танк, держа в руке гранаты, закатывался счастливым смехом. Он подсел к Бодину и опустил голову на руки.

— Что с тобой, «Пионер»? — спросил удивленный Бодин.

«Пионер» только и ждал, чтобы с ним заговорили. Вздрыгнувший, он поднялся и, размахивая руками, дрожащим точно от подступающих к горлу рыданий голосом, крикнул:

— Теперь я могу умереть! Теперь я могу умереть спокойно!

Ко мне подошел Леон. От волнения он не мог выговорить ни слова. Меня это удивило. Леон всегда казался мне сдержанным и отнюдь не склонным к сентиментальности.

— Спасла нас эта рота, — наконец, сказал он. — Если бы не она, все бы к чертовой матери полетело.

— Подожди радоваться. Самое трудное еще впереди, — заметил я.

Леон засмеялся своим искренним смехом.

— Теперь нам нечего больше делать.

— Как?

— Рапорт в штаб, вот и все.

— А это?

Я показал ему на рассыпанные по полю цепи бойцов, на батареи и пулеметы.

— У меня примета есть, — возразил Леон. — Может, ты лучше знаешь позиционную войну, ну, а вот этого... этого я не видался и под Талаверой, и под Толедо, и в Санта Олалья, и на знаменитом девяносто восьмом километре. Так вот, помани мое слово: выиграли мы нынче бой.

— Вечером положение может измениться, — в душе соглашаясь с Леоном, настаивал я. — Вот если бы у нас было два самолета да четыре танка!

— Если бы, если бы! Если бы мы ни в чем не нуждались, тогда бы нам совсем

ничего было делать. В том-то и штука, что мы голыми руками должны победить врага.

И вот над Баргасом показались первые самолеты. Но, увы, не наши. Противник выслал на нас две эскадрильи трехмоторных бомбовозов «юнкерсов». Следом за ними пролетели еще три эскадрильи. А за ними на большой высоте взмыли двадцать три истребителя. Оживилась вражеская артиллерия. Наши гериллы залегли. Части, стоявшие у кладбища, отстреливаясь из винтовок и, пытаясь укрыться от истребителей, отступали пошелонно. Они оставались на четырехста метров ниже, полуукрывшись в низкорослом кустарнике, защищенные от огня, который мятежники открыли с отбитого ими кладбища. Самолеты, достигнув линии боя и описав широкий круг, начали бомбить наши позиции под Олиасом. Серая туча закрыла село. Тогда самолеты полетели вдоль насыпи. Тяжелая артиллерия противника открыла местонахождение нашей легкой артиллерии и, выпустив по ней снаряд, открыла ее самолетами. Дрогнуло поле от взрыва. Наша артиллерия молчала. Самолеты сеяли отчаяние и смерть.

Связист моей роты принес документы убитого танкиста. Он оказался итальянцем. Его танк — итальянской марки, детище генуэзского военного завода. Надвигавшиеся на нас самолеты вывезены из Германии. Снаряды тоже. Управляли самолетами пруссаки. А мои отважные товарищи, затерянные на необъятной равнине, стоя на израненной дымящейся земле, под предательским небом, держали в руках винтовки, такие жалкие и хрупкие в сравнении с военной мощью врага! В нашем вынужденном бездействии крылась его победа. Стоило появиться самолету, как все точно вымирало, и он становился неограниченным властелином на этом участке фронта.

Только в половине пятого удалились самолеты. Из штаба был получен приказ: отступить и вернуться к исходным точкам. Леон рвал на себе волосы.

— Зачем отступать? Зачем?

Началось отступление. Оно должно было удивить противника, привыкшего в Марокко к паническому бегству. Наши бойцы двигались медленным, спокойным и уверенным шагом. Над ними беспрерывно рвалась шрапнель. Противник, словно боясь потерять даром хоть одну секунду, словно боясь, что хоть одна человеческая жизнь выскользнет из цепких лап смерти, открыл бешеный огонь. А наши роты и батальоны

отступали в порядке и с потрясающим спокойствием. Над моей ротой в течение нескольких минут разорвалось больше пятидесяти снарядов, но никто из бойцов не побежал.

МАДРИД — ВАЛЬДЕМОРО — СЕСЕНЬЯ — МАДРИД

Самолеты над Мадридом

Итальянские и германские самолеты ежедневно появлялись над Мадридом. Для них Мадрид был не простой мишенью. Они видели в нем центр нашего тыла или вторую линию позиций. Также действовали они, когда собирались брать Талаверу, так же действовали они, когда собирались брать Толедо. И мы невольно спрашивали себя: значит, враг собирается брать и Мадрид? Задавая этот вопрос, мы руководствовались отнюдь не только стратегическими соображениями. Для нас это был вопрос победы или поражения, иначе говоря, жизни и смерти. Сто тысяч вооруженных людей задумывались над этим и готовы были отстаивать каждый перекресток, каждое окно, каждый порог, пока Мадрид сможет вздохнуть свободно. Но тут снова вставал вопрос: условия, в которых находится сейчас столица, приведут ли они нас к победе, или напрасны будут все наши жертвы? В этой неопределенности положения, в этой случайности жребия и заключается самое горшее, что приносит с собой война. Пусть даже мы располагаем ничтожными средствами для борьбы с опасностью, но если эта опасность отчетливо всем видна, она не пугает. Хуже всего — неопределенность. Страшнее всего — пространство, где укрывается неподвижное. В этом пространстве и орудует враг.

В этом пространстве орудовали уверенные в себе только что полученные из генеральных штабов итальянские и германские самолеты, сконструированные по последнему слову техники, с аппаратами для бомбометания. В их задачу входило, прежде всего, терроризовать гражданское население. Мадрид знал, что такое война, но именно сейчас он только что оправился от бедствий, возмещенных величием и радостью победы. Как же ответят мирные жители Мадрида на атаку марокканцев, легионеров, немцев, фалангистов, итальянцев и рекете? Долгие дни осады, чудовище вторгнется сначала в предместья, потом дикая орда хлынет на центральные улицы и площади... Как же мадридцы

встретят врага? Как они будут сопротивляться?

Наблюдая все эти дни за бомбардировкой Мадрида, все же, хотя бы отчасти, можно было ответить на этот вопрос. В сопровождении двадцати истребителей летят огромные, трехмоторные самолеты. В их белых крыльях таится зловещее предзнаменование: они несут смерть нашим детям. Пилоты главной своей мишенью избрали рабочие кварталы как самые многолюдные; здесь можно рассчитывать на большее количество жертв. На улицах играют дети, с корзинками в руках отправляются на рынок женщины. Отпускники и только что вышедшие из лазарета раненые смотрят в небо на сверкающую механическую тучу, как крестьяне смотрят на приближающуюся грозу. Дети ловят взгляд матерей, те поглядывают на бойцов. Когда же бойцы, не теряя привычного спокойствия, предупреждают, что опасность близка, все прячутся в «убежище». Но так бывает не всегда. Чаще всего на бегущих падает снаряд весом в сто килограммов и разрушенный дом. В рабочих кварталах Мадрида улицы настолько узки, что, кажется, будто четырех-пятиэтажные дома сливаются в вышине. Здесь самолеты могут появиться совершенно неожиданно, и это привлекает фашистских летчиков. Однажды утром они сбросили бомбы на Куэста де Санто Доминго — тридцать убитых, из них тринадцать детей; на Кава Баха — снаряд попал в толпу женщин, стоявших в очереди за молоком: убито одиннадцать женщин, одна из них с ребенком на руках; в госпиталь Сан Карлос, что рядом с медицинским институтом — убито семь больных, две сиделки и врач; в рабочий квартал Тетуан де Лас Викториас — снесены целые группы домов: дымящиеся развалины, кровь. Подобными разрушениями и убийствами сопровождался каждый визит вражеских самолетов. Они сбрасывали бомбы на школы. Эти утонувшие в садах домики уж никак нельзя было принять ни за склады оружия, ни за фабрики, ни за казармы. И вот убито сперва шестьдесят, потом восемьдесят, потом сто, наконец, триста девять детей. Бездонная, бесконечная скорбь охватила квартал, весь город, всю народную Испанию. За что же — детей? Чем провинились эти пяти-шестилетние человеческие существа, с такой неизреченной надеждой глядевшие на жизнь? Все дети мира никогда не смогут понять ненависти тех, кто сбрасывал эти

бомбы. По этой крови, по этим еще неостывшим откинутым рученкам, по глазам, что еще так недавно удивленно смотрели в лицо смерти, расизм, националистический гангстеризм в союзе с «великой римской церковью» хотели притти к победе. Я видел молодую беременную женщину, которая в припадке безумия — впрочем, можно ли назвать безумием этот естественный порыв? — денно и ночью кричала, что она не хочет рожать и со слезами умоляла ребенка не выходить из ее утробы. Но это была, может быть, одна из сотни. Остальные девяносто девять говорили своим детям: — Растите и, пока зло не заполнило собой весь мир, идите на борьбу с ним. Набирайтесь сил и скорее учитесь стрелять из винтовки.

Глаза мужчин сверкали гневом. Один молча глотал слезы. Другой, если горе проникло в его семейный очаг, плакал открыто. Тогда со всех сторон к нему тянулись руки и дружески похлопывали его по плечу, и кто-то охрипшим от волнения голосом повторял:

— Мы отомстим за тебя, товарищ.

От этих слез прояснялось сознание. Они возбуждали месть, и люди торопливо привинчивали к ружьям штыки и шли в бой. Снаряды разрывались дольше, чем высыхали слезы, но они, эти слезы, укрепляли человеческую волю сильнее, чем любая, самая зажигательная речь. Я видел, как плакал боец. В тот день, когда он пришел с фронта в трехдневный отпуск, воздушной бомбардировке подверглась улица Леханитос. Фашисты разрушили его дом. Под обломками он нашел свою семью: жену, сыновей и стариков-родителей. И вот слез этого бойца я никогда не забуду. Такие слезы я видел впервые. В них были угроза врагу и мужественное утверждение жизни. Если итальянские и германские летчики, увидев плачущего мадридца, вообразили бы, что они на этом выиграют, то я утверждаю, что братство угнетенных может создать такую мощную плотину, против которой генеральные штабы Италии и Германии не открыли и не открывают средств. Перед этим порывом, перед этой сцепкой мускулов, перед этими в лад бьющимися сердцами современная наука бессильна. В Адамусе взгляд ребенка заставил марокканца вернуться. Вырвав ребенка глаза, марокканец решил, что все улажено, но,

глядя на слепого мальчика, даже дряхлые крестьяне почувствовали, что в жилах у них бьется двадцатилетняя кровь. И если фашистские полчища снова ринутся в атаку на Адамус, крестьяне не покинут деревни, не побегут. Они враспут ногами в землю и будут защищать ее охотничьими ружьями, ножами, палками, кулаками. Итальянский и германский генеральные штабы, вместе с их соломенным чучелом Франко, которого они прочили в вожди испанскому народу, рассчитывали на террор. Но просчитались. Их ставка бита. В ком живо чувство собственного достоинства, тех террором не возьмешь. В таком народе, как испанцы, террор может лишь разжечь неутолимую жажду мести.

Фашистские самолеты летят над Мадридом и, заметив скопление народа, сбрасывают бомбы. А старики-мадридцы, чувствуя, как под ногами у них дрожит земля, качают головой и говорят:

— Испанцы на такое дело не способны. Должно быть, это немцы или итальянцы.

Эти слова мне не раз приходилось слышать и от бойцов. Да, конечно, это иностранцы, раз они не любят наш народ, наши дома, наши фабрики, наши сады, наших детей. Разница та, что бойцы употребляли слово иностранец в переносном, символическом смысле, а старики — в буквальном. Многие в нашей эпохе они были уже неспособны понять. Умирая, они смотрели удивленно, как дети. Многого они не знали, многого не хотели знать.

★

Грохочут зенитные орудия. Мчатся, звеня, автомобили скорой помощи. Один из них взорван. Другие проносятся мимо. Наши самолеты поднимаются в небо. Идет воздушный бой. Часть вражеских самолетов спасается бегством, остальные накрываются на одно крыло и падают кувырком. Наши быстрокрылые птицы очищают небо от стальных туч, и радостно смотрит Мадрид в вышину и видит, что над ним снова раскинулось ясное и прозрачное небо.

В сердце у каждого защитника Мадрида звучат эти мощные, вдохновенные слова:

«...но есть в мире страна, где инженеры не думают о том, как бы им не умереть с голоду, и где каждый пролетарий знает, что он работает на освобождение всего человечества».

(Окончание следует)